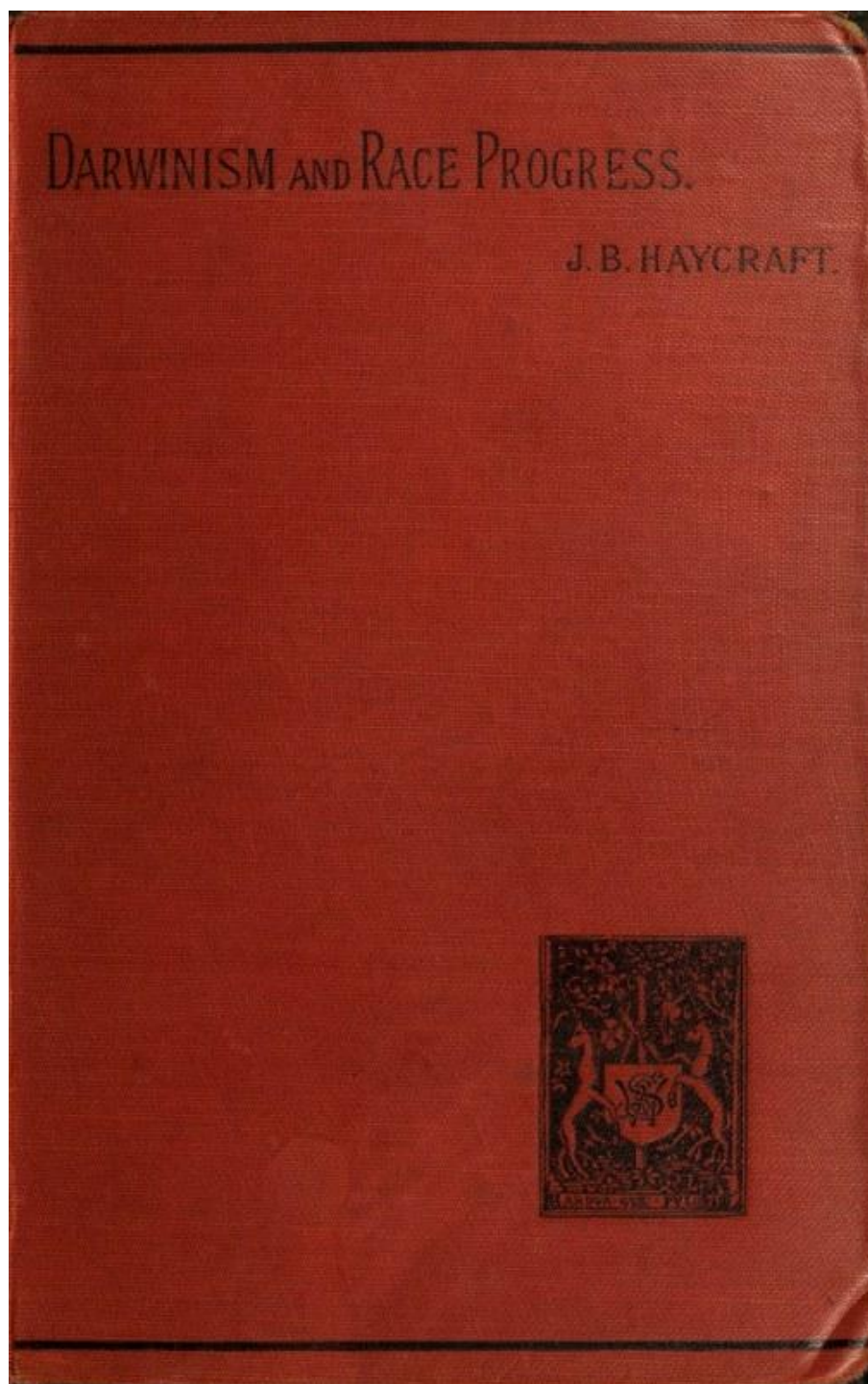

Дарвинизм и расовый прогресс

Джон Берри Хейкрафт

Электронная книга проекта "Гутенберг" о дарвинизме и расовом прогрессе

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: Дарвинизм и расовый прогресс

Автор: Джон Берри Хейкрафт

Дата выхода: 15 июня 2014 г. [Электронная книга № 45992]

Последнее обновление: 24 октября 2024 г.

Язык: Английский

Титры: Продюсерами выступили Шарлин Тейлор, Мари Бартоло, Брайан Несс и команда онлайн-корректоров на <http://www.pgdp.net> (Этот файл был создан на основе изображений, щедро предоставленных Интернет-архивом / Канадскими библиотеками)

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ГУТЕНБЕРГА "ДАРВИНИЗМ И РАСОВЫЙ ПРОГРЕСС" ***

ДАРВИНИЗМ И РАСОВЫЙ ПРОГРЕСС

ДАРВИНИЗМ И РАСОВЫЙ ПРОГРЕСС

АВТОР ДЖОН БЕРРИ ХЕЙКРАФТ

доктор медицины, D.Sc., F.R.S.E.

Профессор физиологии Университетского колледжа Кардиффа

ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ

ЛОНДОН

SWAN SONNENSCHN & CO., LTD.

НЬЮ-ЙОРК: СЫНОВЬЯ ЧАРЛЬЗА СКРИБНЕРА

1900

Первое издание, январь 1895 г.; Перепечатано (с небольшими изменениями), апрель 1900 г..

М. В. Х. И Л. С. Х.

ПРЕДИСЛОВИЕ

В 1890 году я прочитал лекцию в Эдинбургском обществе здравоохранения, которая вышла под номером 2 в их Одиннадцатой серии. Его название - "Важность идеалов здоровья, красоты и т.д. Для прогресса расы".

Во многом тот же тезис, значительно расширенный, был изложен мной в форме трех лекций Милроя Лондонскому Королевскому колледжу врачей в марте 1894 года и почти дословно опубликован в то время в журнале *Lancet*.

Настоящий том содержит эти лекции, несколько подготовленные для менее технически подготовленной аудитории. Я в долгу перед моим коллегой, профессором Ричардсом, за его доброту и заботу при доработке доказательств.

Джон Берри Хейкрафт.

Университетский колледж, Кардифф.

18 октября 1894 года.

Содержание

ГЛАВА I.

ВВОДНАЯ.

Мышцы и мозг против политической организации—Мышцы и мозги Расы не подвержены разложению—Падение политической организации Греции и Рима—Постоянство скандинавского и еврейского типов—Возможная расовая дегенерация в Испании—Наша способность обеспечить наш собственный расовый прогресс—Знания, которыми мы обладаем относительно законов расовых изменений—Эволюция—Современные филантропические усилия—Способствуют ли они расовому, а также индивидуальному благополучию? бытие?

1-18

ГЛАВА II.

ТОЧКА ЗРЕНИЯ БИОЛОГОВ.

Взгляд Ламарка на наследственность—Закон отбора Дарвина—Три идеи, связанные с отбором—Отбор — это факт, а не теория—Насколько многое можно объяснить отбором?—Гальтон и Вейсман—Передаются ли приобретенные символы?—Многие случаи предполагаемой передачи объясняются отбором—Недостаточность экспериментальных доказательств такой передачи—Репродуктивные клетки и клетки организма—Репродуктивные клетки не подвержены локальным изменениям в клетках организма—Конституциональные изменения могут, хотя и редко, влиять на репродуктивные клетки—Факты эволюционного отбора, известные садоводу и селекционеру

19-43

ГЛАВА III.

ПРИЧИНЫ И ПРИЗНАКИ ФИЗИЧЕСКОГО УХУДШЕНИЯ.

Современная забота о человеке—Профилактическая медицина—Микроорганизмы болезней и их уничтожение—Репродуктивные клетки, как правило, ими не затронуты—Человек был отобран под действием микробов лихорадки—Проказа Истребитель Нездоровых—Микробов чахотки и золотухи, наших Расовых Друзей—Искореняя инфекционные болезни, мы увековечиваем Плохие типы—Рождения, смерти и браки—Увеличение

44-68

конституциональной слабости—Смертность в
пожилом возрасте увеличивается—
Сравнительные таблицы продолжительности
жизни-Физическое вырождение Расы, о
котором уже говорилось

ГЛАВА IV.

БЕЗУМИЕ И АЛКОГОЛИЗМ.

Нервные расстройства, невменяемость— 69-89
Важность предотвращения его передачи—
Браки душевнобольных—Алкоголизм —
привычка, а алкоголизм — признак
психической нестабильности—Алкоголь —
средство отбора—У родителей, которые пьют
по привычке, может быть ослабленное
потомство—Профилактические меры—
Употребление алкоголя среди австралийских
осужденных—Употребление алкоголя и
профилактика в Америке—Общественная
привычка и совесть — лучшая профилактика—
Власть сообщества над индивидом—
Необходимость замены одного
Избирательного агентства другим—Как
получается, что рождение детей больными
родителями терпимо—Необходимость
производить потомство из наших Лучших
представителей

ГЛАВА V.

ПРЕСТУПНИКИ, НЕСПОСОБНЫЕ И ТЕ, КТО В БЕДСТВЕННОМ ПОЛОЖЕНИИ.

Преступность часто является приобретенной 90-110
привычкой—Врожденный преступник—Семья
Джакс—Смешанные браки не искореняют
преступных наклонностейСегрегация
преступников - последнее и эффективное
средство—Наше неудачное употребление
слова “Бедный”—К несчастным, престарелым,
недееспособным и порочным относятся
одинаково—Нарушены наши законы о
бедных—Праздные и порочные являются
субъектами уголовного права—Бедные на
самом деле—Наше ошибочное отношение к
этим-Неспособным-Сегрегация, в конечном
счете необходимая для их устранения-
Неспособные к с ними обращаются как с
хроническими пациентами больницы

ГЛАВА VI.

КОНКУРЕНЦИЯ.

Соревнование мозга против мозга—
Свидетельствует ли Гонка об увеличении
возможностей мозга?—Неолит по сравнению
с черепами современных англичан—Задержка
развития мозга со времен неолита—
Социальные сообщества не допускают
уничтожения менее интеллектуально
способных—Сила человеческого мозга
приводит просто к накоплению богатства—
Дальнейшее изучение индивидуальной
конкуренции—Соревнующиеся ограничены
собственностью—Собственность не всегда
достается наиболее способным—Владельцы
собственности менее способны, чем
Приобретатели собственности—Бедный
ребенок царапается о стену. Богатое дитя—
Современные демократические попытки
уравнять борьбу—Те, кто добивается успеха, не
всегда оказываются лучшими

111-134

ГЛАВА VII.

БЕСПЛОДИЕ СПОСОБНЫХ.

Являются ли Более Способные Относительно
стерильными?—Если это так, то мы
размножаемся от наших Неспособных—
Способные и амбициозные мужчины женятся
поздно в жизни—Среди высших классов много
неженатых—Браки низших классов наиболее
плодовиты—У них выше детская смертность—
Искусственное ограничение семьи—Контраст
между плодовитостью французских и
английских браков—Возможное вытеснение
способных Неспособными—Искусственные
ограничения в настоящее время наиболее
губительны

135-153

ГЛАВА VIII.

РОДИТЕЛЬСКИЕ ОБЯЗАННОСТИ.

Готовы ли мы применять избирательные
методы?—Права личности и обязанности
перед обществом—Права детей и наши
обязательства перед ними—Наше чувство
долга развивается—Социальные философы и
социальные реформаторы—Сегрегация пока
неосуществима—Сегрегация не новая идея, а,
в конечном счете, необходимая практика—

154-170

ДАРВИНИЗМ И РАСОВЫЙ ПРОГРЕСС.

ГЛАВА I. ВВОДНАЯ.

Мускулы и мозг против политической организации.

В мировой истории нации возникали из сравнительной безвестности, занимали выдающиеся позиции и обладали властью, а затем снова погружались в безвестность. Египтяне, построившие свои пирамиды и храмы руками народов, которых они покорили в войне и поработили, сами были покорены греками; и эти завоеватели, поначалу невежественные и дикие, развились на основах восточной и египетской цивилизации до уровня, которого никогда прежде не достигали. Но греки, в свою очередь, были заменены более молодой латинской расой, которая также поначалу была менее цивилизованной, чем завоеванные ими народы. Затем римляне развили и основали империю, которая, как верили люди, будет вечной, но и она тоже исчезла, уступив место тевтонским государствам современной Европы. Истории народов прошлого были настолько поразительно похожи в своем развитии, что стало обычным делом слышать, как жизнь нации сравнивают с жизнью человека как историю роста, зрелости и упадка.

Но аналогия в лучшем случае очень несовершенная, и, удовлетворившись ее проведением, мы оставим тему, мы не сможем отметить реальные факты расового развития, указанные на страницах истории.

Мы можем рассматривать нацию с двух точек зрения. Во-первых, мы можем посмотреть на мускульную и умственную мощь людей, составляющих его; во-вторых, мы можем рассматривать его как политическую организацию, борющуюся с последствиями климата, географического положения и других конкурирующих организаций. Эти аспекты, конечно, не являются взаимоисключающими, поскольку успех нации в ее политической борьбе будет в значительной степени зависеть от ее врожденной мускульной и мозговой мощи; но, с другой стороны, нация, обладающая замечательными врожденными или органическими качествами, может потерпеть неудачу как политическая организация из-за непреодолимых препятствий, стоящих на ее пути. Поэтому, когда мы читаем о падении Римской империи или завоевании греческих государств, мы, возможно, имеем дело с вопросом о фактическом расовом и органическом разложении, сравнимом в какой-то незначительной степени со старческим маразмом; или, с другой стороны, перед нами может стоять вопрос, совершенно отличный от этого, вопрос о борьбе народа с препятствиями, которые в конце концов стали непреодолимыми. Необходимо будет изучить факты истории более подробно, чтобы выяснить, обязательно ли раса претерпевает какие-либо органические изменения, сравнимые с ростом, зрелостью и упадком, за

исключением изменений, которые могут произойти в политической организации расы и ее случайном положении по отношению к другим организациям.

Мускулы и Мозги Расы не подвержены разложению.

На следующих страницах мы имеем дело скорее с расой, чем с нацией; с мускулами, кровью и мозгом, а не с политической властью и влиянием; давайте обратимся затем к истории, чтобы выяснить, действительно ли органическое разложение должно завершать историю каждой расы, ибо, если это так, наши исследования расовых изменений, хотя и представляющие не меньший интеллектуальный интерес, утратят свою обещающую практическую полезность. Но, к счастью для надежды на нашу будущую работу, мы можем предвосхитить сказанное, сказав, что история показывает нам, что врожденное и органическое - это то, что является наиболее постоянным и долговечным, и что перемены и катастрофы в карьере нации в большинстве случаев были вызваны обстоятельствами, которые мы можем назвать окружающими или случайными. Мы увидим, что расы, в отличие от индивидов, могут оставаться на протяжении всего своего исторического периода без каких-либо признаков органического распада, но что организации, создаваемые индивидами данной расы в целях торговли или защиты, могут быть подвержены опасностям, которые рано или поздно настигнут их.

Падение политической организации Греции и Рима.

Несколько иллюстраций помогут прояснить эти моменты, и мы можем начать с падения греческих государств под властью Македонии. Здесь совершенно неверно предполагать, что греки во время своего первого завоевания были деградировавшей расой; индивидуально их завоеватели, вероятно, были ниже их; действительно, сообщается, что македонянин Александр в порыве гнева сказал: "Греки - полубоги среди македонских скотов". Греки с древнейших времен жили маленькими и независимыми государствами, ревниво конкурируя друг с другом и не желая объединяться перед лицом общей опасности. Их политическая организация была изначально самой слабой, и они во все времена своей истории могли стать жертвой любых агрессоров, у которых могла быть более сильная и масштабная политическая организация, чем у них. Это отсутствие сплоченности почти отдало Грецию Персии; действительно, во время персидского вторжения независимость Греции была почти утрачена из-за эгоистичного нейтралитета или активного предательства нескольких греческих государств. Таким образом, очевидно, что отсутствие сплоченности между группой небольших государств несло в себе элемент опасности и что существовала вероятность того, что рано или поздно они станут жертвой иностранного завоевания. В случае с Римской империей мы имеем дело с политической организацией, которая занимает в мировой истории лишь второе место по значимости после Британской империи. В ее росте, зрелости и падении мы не прослеживаем историю какой-либо конкретной расы, поскольку она связывала воедино почти весь древний мир. Говорят, что когда Константин перенес резиденцию правительства с Тибра на Босфор, в самом Риме не осталось чистокровных римлян, а жители Рима, которые мигрировали с Константином и поселились в Константинополе, вскоре утратили даже латинский язык, и греческий стал языком Восточной Римской империи. Но эта организация греков, фракийцев, персов, египтян и эллинизированных азиатов просуществовала до тех пор, пока Константинополь не был взят турками в 1453 году, и здесь кульминационный момент был вызван иными причинами, чем те, которые были вызваны внутренним расовым разложением. Константинополь, ворота Востока, был по своему положению самым богатым и

могущественным городом Восточного мира, и пока это было так, организация, центром которой он был, оставалась сравнительно безопасной. Однако, когда гуннские и венецианские купцы открыли другие торговые пути, столица Восточной Римской Империи потеряла свое значение из-за того, что источник ее могущества был перенаправлен в другие русла, и она была завоевана расой, которую раньше держала в узде. С завоеванием Константинополя организация Восточной Римской империи прекратила свое существование.

Эти два примера покажут, насколько медленными мы должны быть, чтобы предположить, что расовое разложение произошло просто потому, что государство или империя пали дотла.

Мы тщетно будем искать в греческой или римской истории какой-либо ответ на вопрос: “Должна ли раса рано или поздно органически деградировать?” Во времена Римской империи произошло столь сильное смешение кровей, и современный итальянец настолько отличается — в расовом отношении — от обитателя полуострова во времена Цезарей, что сравнение их качеств не дало бы ответа на интересующий нас вопрос. Такое же возражение было бы выдвинуто против сравнения между современным греком, о котором говорят, что он превосходит даже еврея в бартере (главном источнике его интеллекта), и греком времен македонского завоевания, потому что в промежутке расовое смешение было непрерывным. Однако существует множество примеров рас, которые существовали на протяжении длительных периодов времени, не смешиваясь в какой-либо значительной степени со своими соседями. Если мы сможем найти среди них хоть один пример, в котором их физические и умственные силы проявили бы неизменную активность, это послужит доказательством того факта, что расовый упадок не является необходимым завершением истории народа.

Постоянство скандинавского и еврейского типов.

Имея это в виду, интересно обратиться к скандинавским расам, от которых мы произошли. Эти расы, когда их держали как можно дальше от скрещивания с другими расами, демонстрировали удивительно стойкие характеристики на протяжении многих веков. Что касается их завоевательной силы и расселения, то свидетельствуйте об их ранней оккупации морских границ Британии, Исландии и Нормандии, об их экспедициях в Средиземное море и даже в Северную Америку, которые они были первыми первооткрывателями: это предшественники нашей британской колонизации в более широком масштабе. Шотландские лоттианцы сегодня населены почти таким же чистым скандинавским типом, какой вы найдете в Бергене или Тронхеме, и они, возможно, самые твердолобые, поскольку у них самые длинные конечности из всех британцев. В Исландии, стране, населенной теми, кто бежал от правления Гарольда, первого короля Норвегии, потому что они не привыкли к королям и не потерпели бы новой формы правления, мы имеем чистую расу, изолированную веками, у которой сегодня те же характеры, что и у их норвежских предков, и которая развивалась и продолжает развиваться, насколько позволяют их узкие границы.

Еще более поразительным образом еврейская раса иллюстрирует тот же момент. Всегда обладающие поразительной способностью, они подверглись национальному вымиранию от рук врага, который, так сказать, специализировался на способах ведения войны. Пока что это национальное вымирание не указывает на ослабление какой-либо расы, у нас есть ясные доказательства обратного, поскольку по сей день евреи более чем справедливо представлены среди художников, музыкантов, ученых и деловых людей; и в нашем собственном торговом

сообществе, с недостатком наличия двух праздников в неделю против одного у неевреев, еврей более чем выигрывает в гонке за богатством.

Возможная расовая дегенерация в Испании.

Однако, исходя из этих двух примеров, мы не обязаны предполагать, что, за исключением политической катастрофы, раса всегда будет прогрессировать или даже сохранять свои первоначальные характеристики.

В случае с Испанией, страной, которая в определенный период истории занимала явное лидерство среди европейских наций, исследовала и завоевала обширные территории в Америке и других местах, мы обнаруживаем, что за этой деятельностью последовал период летаргии и отсутствия инициативы. Но даже здесь было бы неверно предполагать состояние национальной дряхлости, поскольку в миллионах наблюдаемых случаев старость отдельного человека является неизбежной необходимостью, в то время как упадок Испании был вызван причинами, которых можно было избежать, и пагубные последствия которых можно было бы легко устранить.

Испанцы, в отличие от англичан и французов, свободно смешиваются с низшими расами, и в испанских колониях эта раса разбавляла свою кровь и таким образом влияла на родину. Мало того, что это было так, но не может быть никаких сомнений в том, что многое из того, что обладало разумом и независимостью, было исключено из расы во времена инквизиции. Когда мы вспоминаем, что с 1481-1808 годов не менее 340 000 человек были наказаны, из которых 32 000 были сожжены заживо, и что тысячи людей, олицетворявших потенциал нации и моральный стержень, покинули страну, нам вряд ли стоит удивляться неизбежному результату. Если это верное прочтение истории, то мы имеем здесь случай органического расового вырождения, но следует отметить, что оно было вызвано условиями, которые находились под контролем и, в отличие от причин истинной старости, действовали не повсеместно. [1]

Наша сила обеспечить наш собственный Расовый прогресс.

Осмелюсь предположить, из этих примеров в истории мы можем заключить, что раса может продолжать сохранять свой расовый характер в течение длительных периодов времени без ухудшения, но нам представляется, что существуют определенные опасности, которые следует понимать и избегать. Поэтому, если мыспросим себя: “Возможно ли наше собственное сохранение как расы?”, нам придет ответ, что, руководствуясь историческими знаниями, которыми мы обладаем, и нашим лучшим знакомством с самим человеком и законами его роста и благополучия, мы имеем преимущество перед всеми, кто был до нас, так что, если с нами случится несчастье, это, скорее всего, произойдет из-за нашего собственного безразличия и потому, что мы умышленно закрываем глаза на свет истины.

Было бы неплохо еще раз подчеркнуть разницу между тем, что подразумевается под сохранением расы, и сохранением политической организации. Вполне возможно, что наша империя развалится вдали от нас. Это политическая организация, зависящая от уз взаимной выгоды и чувств, а также от терпимости и слабости других наций. Но мы можем потерять наши колонии и лишиться нашего престижа, и все же остаться, как человек для человека, такими же

прекрасными личностями, какими мы их приобрели; ибо кости, мускулы и мозги - это одно, в то время как политический союз, который связывает нас вместе, - совсем другое.

Знания, которыми мы обладаем относительно Законов Расовых изменений.

Необходимо получить знания об индивидууме, прежде чем мы сможем должным образом изучить факты, наблюдаемые, когда индивидуум сменяет индивидуума, заставляя поколения следовать друг за другом и тем самым создавая историю человеческой расы. Факты индивидуального развития, как у человека, так и у низших животных, уже были тщательно изучены. Мы многое знаем об истории жизни многих видов и можем сказать, какие условия благоприятны, а какие враждебны здоровому и активному существованию индивида. Большая часть этой информации была использована на практике, и профилактическая медицина возникла как благородное искусство, которое благодаря своему применению позволяет успешно бороться с болезнями и даже с самой смертью. Мы также многое узнали о той более длительной истории, которая прослеживает жизнь вида, поколение за поколением, и отметили те изменения к лучшему или к худшему, которые происходят в характеристиках групп особей этого вида по мере того, как они сменяют друг друга. За последние годы мы накопили в правительственных отчетах огромное количество точной статистической информации, так что, сравнивая факты, полученные за одно десятилетие, с фактами за другое, мы можем наблюдать многие происходящие расовые изменения.

Однако эти более точные запросы накапливаются медленно, поскольку человек - животное долгоживущее, и наше нетерпение велико. Часто нам приходится ждать в течение многих поколений, прежде чем наши методы исследования выявят небольшие, хотя, без сомнения, важные изменения. По этой причине большое внимание уделялось расовой истории низших животных, поскольку в их случае мы можем за несколько лет наблюдать за многими поколениями и можем проследить их историю за сравнительно короткий промежуток времени. Мы вправе использовать полученные таким образом факты и осторожно использовать их для интерпретации истории человеческой расы, поскольку мы постоянно и в повседневной жизни предполагаем точки сходства между человеком и низшими животными. Мы знаем, что удар или укол копьем, который ранит нас, ранит и их, и мы заключаем, что искривления, которые следуют за их нанесением, являются симптомами боли, которую мы тоже должны испытывать. Мы знаем, — а научные исследования значительно расширили наши знания, — что все животные имеют множество точек структурного сходства и что их жизнь и расовая история во многих отношениях поразительно похожи на нашу. Главные мышцы и нервы человека могут быть распознаны у собаки; основные линии развития в обоих случаях одинаковы, и действие пищи и яда приводит к результатам, в которых мало что различается. Конечно, когда мы делаем вывод из фактов, наблюдаемых при изучении жизни животных, что аналогичные факты будут наблюдаться и в жизни человека, мы должны проявлять должную осторожность. Именно здесь проницательность научного ума проявляется в полной мере; мы подвержены ошибкам, и наши результаты, возможно, являются предварительными и должны рассматриваться как таковые, но никто не может сомневаться в наводящей на размышления и, следовательно, полезности этих исследований. Точно так же, как наши знания сравнительной анатомии и физиологии были необходимы для правильного понимания анатомии и физиологии человека, так и те немногие факты, которыми мы в настоящее время располагаем относительно расового развития человека, приобретают значение при рассмотрении аналогичного, но гораздо более обширного массива фактов, почерпнутых из изучения расового развития животных.

Итак, если верно, что мы имеем перед собой небольшую, но растущую массу свидетельств относительно законов расовых изменений, разве эти свидетельства не заслуживают нашего самого пристального изучения? Это не менее достойными, как изучение политике час поглощает столько наших лучших энергии; за то, что находитесь на мелкой комбинации из сторон, или даже те, временных объединений людей, которые нацелены на общей или национальной политики, на стороне здоровья и потенциала, что раса, о которой мы лишь попутно представителей, раса, чье будущее мы можем сделать или марта на курс, которым мы сейчас следуем?

Эволюция.

Вера в нашу способность изменять не только нашу собственную, но и другие расы является частичным выражением великого факта, называемого “эволюцией”, признанного сейчас всеми, у кого было время и возможность изучить структуры живых растений и животных, расположенных бок о бок с остатками более древних форм, сохранившихся для нас в земной коре. Эти структуры без обиняков свидетельствуют о том развитии типа от типа, которое постепенно привело к нынешнему состоянию растительной и животной жизни и которое, принимая во внимание все еще наблюдаемые изменения, мы вынуждены заключить, что оно должно продолжаться и в наши дни.

Современные филантропические усилия.

Но помимо того факта, что расовые модификации могут происходить и действительно происходят, кое-что известно о методе, с помощью которого эти модификации осуществляются. Знание по этому вопросу настолько определено, что мы вправе его принять и должны принимать его во внимание во всех дискуссиях, касающихся нашего расового благополучия. Если взглянуть на наши действия со стороны, то окажется, что современная цивилизация со всей ее заботой об индивидуальных удобствах расы, в конце концов, окажется фатальной для наших преемников, если мы не примем мудрых мер предосторожности, которые, как показывают наши нынешние знания, необходимы.

За последние несколько десятилетий человечество научилось у Природы многим ее секретам, и полученные таким образом знания были использованы для освобождения его от тех трудностей и даже болезней, которые его преследовали. Эти знания и результаты их применения увеличились подобно лавине, которая прибавляет к себе сначала фунты, затем сотенные веса и, наконец, сотни тонн. Например, любой климат в настоящее время способствует снабжению нас бесконечным разнообразием продуктов питания, удовлетворяющих любые потребности и удовлетворяющих самый изысканный вкус; а те, кому не хватает способности к перевариванию, могут получать пищу, искусственно переваренную в лаборатории. Опасность простуды теперь сведена к минимуму благодаря лучшему дренажу поверхностной почвы, замечательным системам отопления и замене шерстяного белья на хлопчатобумажное. Чрезмерный труд запрещен законами, особенно в случае тех занятий, в которых он наиболее подвержен влиянию на личное благополучие. Обучение в соответствии с принципами, наиболее одобренными департаментами образования, навязывается из-за страха наказания тех, кто не желает, и некоторые даже последовали бы примеру некоторых американских штатов и сделали бы нас трезвыми, лишив нас выпивки. Даже болезни подвергаются нападению и перемещаются через границу; микроб идет по пути большого аука и дронга, и вероятность человеческой жизни

возрастает. В то время как преимущества прошлой цивилизации достались немногим, наши преимущества достаются, более того, являются вынужденными, многим.

Способствуют ли это Расовому, а также индивидуальному благополучию?

Но те ученые, которые уделяли много внимания изучению жизни в ее широчайших проявлениях в растениях, животных и в самом человеке, с большим единодушием пришли к выводу, который, по-видимому, указывает на то, что, хотя мы можем улучшить человека в течение его жизни как в физических способностях, так и в умственной и моральной силе, это улучшение не передается в заметной степени их потомству, которому, следовательно, приходится начинать свою жизнь заново именно с того, с чего начали родители. Это учение убедительно указывает на то, что родители могут передать своим отпрыскам только в самой ограниченной степени улучшения, которых они сами добились в своем собственном физическом или психическом состоянии, точно так же, как они могут завещать им кошельки, которые сами наполнили.

Однако, если эти выводы верны, действие здорового окружения само по себе никогда не приведет к появлению сильной расы из слабой, равно как и действие лучшей из когда-либо созданных систем образования не разовьет расу мудрецов из расы дураков. При таком ненаследовании личностно приобретенных характеристик работа по индивидуальному совершенствованию должна начинаться заново в каждом поколении, поскольку завоеванное всегда теряется, и расовое совершенствование в этом направлении должно быть в лучшем случае неизмеримо медленным.

Расовые изменения, улучшение или деградация вызываются, как говорят биологи, тем, что называется отбором, то есть смертью или непродуктивностью определенных особей расы, в результате чего остаются только другие. Если этот остаток органически выше, следующее поколение, наследующее только от них, само будет органически выше, и произойдет расовое улучшение. Если это учение верно, то из этого следует, что все наши усилия на благо человечества будут бесполезны, если не будут поддерживаться избирательные агентства, если мы не будем готовы видеть, что каждое поколение детей является продуктом лучших среди нас в наши дни. Следовательно, вполне возможно, что даже в нынешних условиях лучшего гигиенического воспитания и нравов раса может деградировать, и, действительно, с биологической точки зрения есть все основания предполагать, что это так. Следовательно, наши нынешние усилия могут быть, в конце концов, неуместны, так что нам надлежит очень тщательно изучить ситуацию в целом. Сначала мы должны критически проанализировать аргументы, указывающие на ненаследуемость приобретенных признаков, понять действие отбора, который в настоящее время считается безусловно важнейшим фактором в производстве расовых изменений, а затем изучить человека в его современном окружении с целью определения того, насколько оно способствует его высшему благу и как его можно с наибольшей выгодой модифицировать с целью его улучшения и продвижения.

СНОСКА

[1] С момента написания этой статьи испанцы потеряли Кубу и Филиппины.

ГЛАВА II. ТОЧКА ЗРЕНИЯ БИОЛОГОВ.

Взгляд Ламарка на наследственность.

В этой главе я привлеку внимание к тому, что биологи обнаружили относительно расовых изменений и условий, при которых эти изменения происходят.

До одновременной публикации в 1858 году Дарвином и Уоллесом их “Закона естественного отбора” биологи верили в ламаркистский взгляд на наследственность, заметным последователем Ламарка был наш Герберт Спенсер. Ламарк кратко резюмирует свои взгляды в следующем отрывке: “Все, что природа заставила индивидов приобрести или потерять из-за обстоятельств, которым на какое-то время подверглась их раса, и, следовательно, из-за преимущественной тренировки определенных органов или из-за неспособности тренировать определенные части, она сохраняет через наследственность новым особям, которые ими производятся, при условии, что приобретенные изменения являются общими для обоих полов или для тех, кто произвел на свет этих новых особей”. Эта точка зрения широко распространена по сей день, и это та самая точка зрения, с которой новая школа биологов поставила перед собой задачу бороться.

Ламарк объяснил бы длинную шею жирафа предположением, что в отдаленные века его предки были короткошеими, как и другие животные, но что он упражнял эту шею, обгладывая высокие деревья, что вследствие этого вытягивания шеи удлинялись и что это удлинение передавалось по наследству, хотя и в незначительной степени, от одного поколения к другому, пока часть тела постепенно не выросла до нынешней длины. Ламарк искренне согласился бы с современным педагогом в том, что у детей человека, посвятившего себя учебе, головные уборы будут лучше, чем если бы отец был солдатом или профессиональным игроком в крикет.

В этом ламарковском взгляде на наследственность у нас есть две идеи; во-первых, что новые признаки могут быть приобретены в течение жизни индивида под действием его окружения; и, во-вторых, что эти новые признаки передаются потомству и могут со временем вызвать заметные расовые изменения. Первая идея, несомненно, верна по общему признанию. Телосложение солдата, клерка, пахаря и спортсмена отличается; рог, растущий на руке механика, и развитая мускулатура руки кузнеца - обычные факты. Это вторая идея, предполагаемая передача этих приобретенных символов, которая сейчас так серьезно ставится под сомнение.

Закон отбора Дарвина.

Закон отбора, выдвинутый Дарвином и Уоллесом, можно сформулировать следующим образом: — Нет двух отпрысков одних и тех же родителей, которые были бы совершенно похожи друг на друга, более того, они часто сильно различаются. В условиях, в которых они живут, некоторые из этих отпрысков будут иметь преимущество перед остальными, зависящее от врожденной особенности. Следовательно, поскольку производится больше потомства, чем может когда-либо выжить, те, кто наиболее приспособлен к этим условиям, будут иметь больше шансов

выжить. Они будут в большем количестве увековечивать расу и передавать ей свои врожденные качества, таким образом постепенно устраняя менее подходящие.

Придерживаясь случая с жирафом, Дарвин и Уоллес объяснили бы длину шеи примерно следующим образом: вместе с Ламарком они считают, что у предка была короткая шея, но последующее удлинение они объяснили бы совершенно по-другому. Они считали бы само собой разумеющимся, что бывают времена, когда травы и листвы мало, что животные с короткой шеей вскоре исчерпают траву и кустарники, но что более высокие кустарники и деревья обеспечат пропитание животным с большей досягаемостью. Среди жирафов-предков те, кто родился с самыми длинными шеями, в такое время имели бы преимущество перед остальными, которые в большом количестве вымирали бы. Существа с более длинной шеей, более приспособленные к окружающей среде, сохраняют свое врожденное качество длинношеих: из следующего поколения выживут те, у кого снова будут самые длинные шеи, и так далее. Школа мыслителей Дарвина и Уоллеса, я вполне уверен, была бы готова заявить, что уделением внимания образованию можно было бы улучшить умственные качества расы, но они учили бы, что это улучшение могло произойти только при условии, что система позволяла умным мужчинам и женщинам лучше зарабатывать на жизнь, *рано вступать в брак и иметь большие семьи*, в то время как глупые должны производить меньше детей, что в настоящее время далеко не является правилом.

Рис. 1.

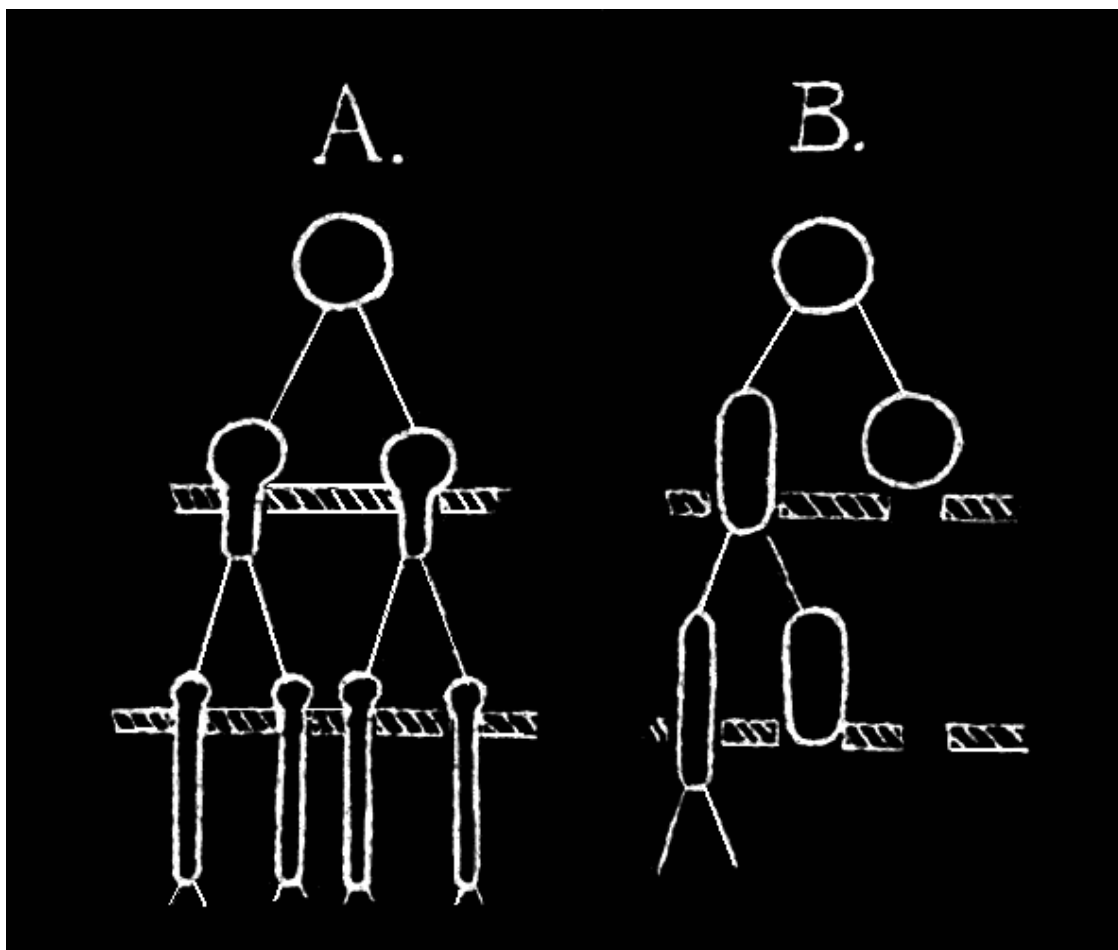

Диаграмма для иллюстрации: А - передача приобретенных признаков, Б - модификация типа путем естественного отбора. На рисунке А у особи округлых пропорций, в верхней части диаграммы, двое детей. Окружающая среда представлена доской с отверстиями, через которые они должны проходить. При этом они становятся тоньше, передают тонкость своим детям и так далее. В "Б" у мужчины округлых пропорций есть два сына, которые отличаются друг от друга: один толстый, другой худой. Толстый не может пролезть через дыру в доске, но худой пролезает, у него есть дети, которые опять же различаются, и у худого есть преимущество.

Три идеи, задействованные в Отборе.

Итак, в этом законе естественного отбора есть три идеи: во-первых, что существуют врожденные вариации среди потомства даже одной и той же семьи; во-вторых, что эти различные особи, живущие в окружающих условиях, в целом однородных и общих для всех них, начнут жизнь, одни с преимуществом, а другие с относительным недостатком, и что те, кто обладает преимуществом, в большем количестве будут иметь тенденцию производить потомство; в-третьих, что вариации, в данном случае врожденные, а не приобретенные, вероятно, будут передаваться по наследству. То, что среди выводка котят или щенков существуют заметные различия — физические, умственные и моральные — известно каждому, кто их содержал, и что различия в человеческих семьях столь же заметны, известно каждому, у кого есть братья и сестры. Даже близнецы часто значительно отличаются друг от друга, и

говорят, что последние годы жизни сиамских близнецов были печально омрачены их противоположными взглядами на правоту и неправоту Гражданской войны в Америке! Само собой разумеется также, что эти вариации могут быть выгодны или невыгодны их обладателям, и что среди животных и растений, где нет социальной поддержки, предоставляемой слабым, вариации могут определять и действительно определяют выживание. Чтобы дать представление о строгой операции отбора, которую мы обнаруживаем среди низших животных, нам нужно только перечислить количество потомства, произведенного каждой парой, которое часто бывает огромным, и, зная, что количество особей вида остается фактически одинаковым в данной местности в течение длительных периодов времени вместе, мы заключаем, что место родителей просто занято более молодой парой, и все избыточное потомство, сверх этой пары, должно быть, погибло из-за окружающей нужды и лишений. Чтобы привести один конкретный пример из сотен, которые можно было бы выбрать, давайте возьмем случай с золотым орлом, приведенный Вайсманом в его эссе о “Продолжительности жизни”. Он говорит: “Давайте установим продолжительность жизни беркута в шестьдесят лет, а период его незрелости (продолжительность которого точно неизвестна) - в десять лет, и предположим, что он откладывает два яйца в год, тогда пара будет производить сто яиц за пятьдесят лет, и из них только два разовьются во взрослых птиц, и, таким образом, в среднем паре орлов удастся довести пару детенышей до зрелости только раз в пятьдесят лет; и этот расчет не является преувеличением, он скорее недооценивает долю смертности среди детенышей”.

Но, по всей вероятности, большинство из нас лучше знакомы с повадками домашней кошки, чем с повадками беркута. Кошка производит свой первый помет из трех или четырех человек еще до того, как ей исполнится год. Его жизнь по производству котенка длится, скажем, восемь лет, и по самым скромным подсчетам можно предположить, что он будет производить выводок из четырех котят один раз в год. Всего у кошки будет, по справедливым подсчетам, тридцать два котенка, и она может быть пра-пра-пра-пра-прабабушкой при жизни, однако мы не наблюдаем в городе или деревне такого тревожного увеличения числа кошек из года в год. Их численность довольно постоянна, она сохраняется благодаря огромному уничтожению их потомства. Огромная способность к размножению расы животных там, где какое-то время их окружение благоприятствует, будет оценена фермерами равнин, чьи поля были опустошены несколько лет назад армиями короткохвостых полевых мышей, чьи естественные враги, ястребы, кошки и ласки, были широко отстреляны или пойманы в ловушку.

Борьба за выживание среди диких племен человека должна быть чрезмерной. Целые расы приходят и уходят, и выжившие из них снова становятся жертвами лишений, болезней или естественных врагов перед белым человеком с его лучшим мозгом и способностью к адаптации.

Отбор - это Факт, а не Теория.

Третья идея закона естественного отбора, а именно, что врожденные вариации передаются, также является фактом, который повсеместно признается не только биологами в наши дни, но и теми, кто доверяет только своему повседневному опыту. “У ребенка характер его отца” или “глаза его матери” - выражения, которые можно услышать в каждой детской, в то время как бесчисленные случаи передачи врожденных опущенных век и лишнего пальца на руках и ногах демонстрируют то же самое более поразительным образом.

Следовательно, закон отбора - это не просто недоказанная фантазия, это констатация факта, причем настолько очевидного, что в настоящее время он почти повсеместно признан не только

специалистами, но и большинством умных и образованных людей. Это было понято и его значение частично оценено Мальтусом, и я нахожу, что даже он признает предыдущее утверждение Франклина. [2] Романес [3] сообщает нам, что идея пришла в голову в 1813 году доктору Уэллсу, а в 1831 году мистеру Патрику Мэтью, и удивительно, что другие мыслители прошли незамеченными подобную мысль. очевидный феномен.

Насколько многое можно объяснить Отбором?

Хотя, однако, естественный отбор как фактор, способный вызвать расовые изменения, принимается почти каждым хорошо образованным биологом, есть некоторые, кто все еще склонен придавать некоторое значение действию ламаркистской передачи приобретенных признаков. Они не отрицают, что наиболее очевидные расовые изменения происходят благодаря отбору и что экспериментально наиболее мощным фактором в создании новой разновидности растения или животного является отбор. Они, однако, склонны полагать, что наряду с этим может иметь место некоторая передача приобретенного характера, заметная только по прошествии многих поколений. Сам Дарвин думал, что это так; он считал, что определенные расовые различия были вызваны воздействием окружающей среды на родителей и передачей произведенных таким образом изменений их потомству. В своей великой работе “Изменчивость животных и растений при одомашнивании”, [4] он перечисляет некоторые из них. Их можно грубо разделить на два класса: во-первых, инстинкты и привычки; и, во-вторых, результаты использования и неиспользования. Дарвин считал, что дрессированные повадки собак и лошадей, прирученность кролика и других домашних животных были вызваны прямым и передаваемым воздействием контакта с человеком. Он считал, что большой размер ноги и маленький размер крыла домашней утки по сравнению с дикой постепенно приобретаются и передаются в результате использования и неиспользования.

Но Дарвин, как указывает Хаксли, [5] был склонен уделять меньше внимания передаче приобретенных признаков в своих более поздних работах; и мы обнаруживаем, что в “Происхождении видов” он склонен полностью отказаться от них и принять позицию, которую сейчас занимает неодарвинистская школа Гальтона и Вейсмана. Он говорит (стр. 117, 118): “Если при изменившихся условиях жизни структура, прежде полезная, становится менее полезной, ее ослабление будет благоприятствовать, поскольку индивиду будет выгодно не тратить свое питание впустую на создание бесполезных структур.... Таким образом, я полагаю, естественный отбор в долгосрочной перспективе будет иметь тенденцию сокращать любую часть организма, как только она из-за изменения привычек становится излишней”.

Точно так же, как сам Дарвин с течением времени все больше и больше подчеркивал важность отбора и все меньше и меньше - передачу приобретенных признаков, большинство натуралистов были склонны следовать за ним в том же направлении. Я думаю, можно сказать без возражений, что после смерти Дарвина наиболее важной и выдающейся работой, сделанной биологами, было искоренение большей части доктрины Ламарка, первоначально придерживавшейся, не без сомнения, однако, самого Дарвина. Современный биолог в большей степени сторонник Дарвина, чем Дарвин, и объясняет на основе дарвиновской гипотезы даже те случаи, которые представляли трудности для самого Дарвина.

Гальтон и Вейсман.

Среди тех, кто был пионерами, были Гальтон и Вейсман, и, что достаточно любопытно, в Англии и Германии эти два человека независимо друг от друга пришли к одному и тому же выводу относительно ненаследуемости приобретенных качеств и указали, что факты развития указывают на то, что генеративная материя передается от одного поколения к другому, оставаясь нетронутой в теле родителя, и что у нас нет оснований предполагать, что на нее могли влиять изменения в других частях родительского организма. небезынтересно отметить и противопоставить в этих двух исследователях действия типично английского и типично немецкого ума, тем более что сравнение, возможно, в равной степени комплиментарно для двух национальностей и указывает на ценность результатов, достигнутых работниками с разными индивидуальностями.

Гальтон был первым в этой области, и еще в 1876 году [6] сделал следующее ясное и сжатое заявление: “Вывод, который следует сделать из приведенных выше аргументов, заключается в том, что мы можем почти не верить в то, что структурные клетки вообще могут реагировать на половые элементы, и мы можем быть уверены, что в лучшем случае они делают это в очень слабой степени: другими словами, что приобретенные модификации едва ли наследуются, если вообще наследуются, в правильном смысле этого термина”. Тринадцать лет спустя [7] он выражает себя практически в тех же терминах. Неутомимый исследователь, главным образом фактов человеческой наследственности, он кратко резюмирует, как указано выше, один из своих наиболее важных общих выводов. Это все, что он может сказать, это все, что позволяют ему сказать факты.

В 1882 году Вейсман [8] задался вопросом, есть ли еще какие-либо доказательства того, что приобретенные признаки передаются; он пишет: “Теоретическая концепция изменчивости как реакции организма на внешние воздействия также еще не была экспериментально доказана как правильная. Наши эксперименты все еще слишком грубы по сравнению с тонкими различиями, которые отделяют одного индивида от другого, и трудность получения четких результатов значительно возрастает из-за того обстоятельства, что часть индивидуальных различий всегда зависит от наследственности, так что часто не только трудно, но и абсолютно невозможно отделить те, которые передаются по наследству, от тех, которые приобретаются”.

С тех пор Вейсман в серии важных эссе, [9], указывающий на глубокое знание не только сравнительной морфологии, но и привычек и образа жизни огромного числа животных и растений, показал, что многие случаи, в отношении которых Дарвин сомневался, могут быть разумно объяснены отбором, и он собрал огромную массу доказательств в поддержку этого. аргумент о том, что приобретенные символы, полученные экспериментальным путем, не передаются.

Эти эссе чрезвычайно интересны и будут давать пищу для размышлений в течение многих лет, но следует признать, что Вейсман постепенно увлекся спекуляциями самого сложного рода, построенными на самом непрочном фактологическом фундаменте. Свидетельства этой тенденции есть даже в его ранних работах, но в его более поздних эссе, особенно в его недавней работе “Зародышевая плазма: теория наследственности”, [10] спекулятивная часть полностью перевешивает все остальное.

Поскольку те, кто интересуется наследственностью, вероятно, прочтут его работы с величайшим вниманием, я отважился в [приложении](#) разъяснить, что в его работах, по моему мнению, можно смело рассматривать скорее как спекулятивное, чем законное или даже предварительное обобщение, и что, следовательно, может быть полностью опущено при изучении практической проблемы, подобной той, которой мы занимаемся.

Передаются ли Приобретенные символы?

Однако нельзя недооценивать практические проблемы, поднятые как Гальтоном, так и Вейсманом, и в отношении ненаследуемости приобретенных качеств можно сказать, что масса современных мыслителей уже присягнула взглядам этих двух мыслителей.

Но мы живем во времена, когда простой авторитет не принимается во внимание, и мы вполне можем потребовать фактов для себя. Пункт, который мы склонны подвергать сомнению, - это тот, относительно которого у Дарвина часто возникали сомнения. Допуская, что отбор является фактором, мы склонны полагать, что передача приобретенных признаков также должна иметь место, во всяком случае, в какой-то степени. Пытаясь решить этот вопрос на основе самих фактов, мы можем воспользоваться двумя направлениями исследования. Во-первых, мы можем исследовать каждый случай расовых изменений, образования новых или отличных частей тела, развития нового инстинкта или дегенерации или утраты частей тела или инстинктов, присутствовавших в какую-либо прошлую эпоху. Если в каждом конкретном случае мы не вынуждены исключать естественный отбор, и если в каждом случае, который мы можем проследить непосредственно и экспериментально, отбор является выдающимся фактором, то существуют убедительные предполагаемые доказательства того, что расовые изменения вызваны отбором, а не наследованием приобретенных признаков. Во-вторых, мы можем искусственно вызвать приобретение какого-либо признака и заметить, передается ли это; если это не так, то общая эффективность такого рода передачи становится очень сомнительной.

Многие случаи предполагаемой передачи объясняются Отбором.

Именно над этими двумя направлениями работали Гальтон и Вейсман, и теперь мы можем в общих чертах проследить за приведенными ими доказательствами. Дарвин смог объяснить, ко всеобщему удовлетворению, эволюцию многих типов и разновидностей только в результате отбора; хотя некоторые случаи предполагаемого наследования использования и неиспользования, а также приобретенных инстинктов временами вызывали у него сомнения. Но Вейсман поставил под сомнение это наследование и показал, что — как иногда полагал сам Дарвин — их можно легко объяснить одним только отбором. Постепенное увеличение, поколение за поколением, размеров полезной конечности или совершенствование ценного органа чувств легко можно объяснить отбором. Тот факт, что конечность или орган полезны расе в ее борьбе, определит выживание тех, кто родится с хорошо сформированными этими пригодными частями, а они, в свою очередь, произведут на свет других, столь же или более благоприятно сложенных, из которых может происходить дальнейший отбор. Мы не можем закрывать глаза на действие отбора в таких случаях, и у нас нет никаких оснований утверждать, что часть эффекта должна быть обусловлена какой-то другой причиной. В случае органов, которые становятся бесполезными и в конце концов исчезают в течение поколений, избирательный орган в достаточной степени объяснит это исчезновение. Как указывал сам

Дарвин, бесполезный орган - это расход и истощение капитала животного; он требует крови, и на его упражнения расходуется часть общей энергии, которой обладает животное. Истинность этого может быть доказана экспериментально, например, когда происходит компенсаторный рост остальной части тела после ампутации конечности, или когда одно легкое или почка увеличиваются впоследствии заболевания или удаления другого. В тех случаях, когда орган бесполезен, те, у кого он плохо развит и, как следствие, другие полезные части сформированы более полно, будут иметь явное преимущество перед теми, кто родился с хорошо сформированным, но бесполезным органом. Таким образом, мы можем объяснить небольшой размер крыльев ручной утки по сравнению с дикой - пример, в котором Дарвин видел трудность в исключении унаследованного неиспользования. Таким образом, мы можем объяснить появление еще меньших крыльев у бегущего страуса и аптерикса, а также у слепой рыбы из пещеры Кентукки и невидящих глаз крота-нор. В качестве иллюстрации животное или человека в этом отношении можно сравнить с индивидом с определенной суммой капитала, который, если он потратит свои деньги в одном направлении, тем самым будет иметь меньше средств для другой цели. Таким образом, большая нога может быть получена за счет маленькой руки, или хороший слух может стать причиной равнодушного взгляда.

Когда мы обращаемся к вопросу о предполагаемой передаче приобретенных инстинктов и привычек, мы обнаруживаем, что с помощью принципа отбора возможно объяснить, по крайней мере, некоторые из случаев, которые представляли трудности для ума Дарвина. Таким образом, приручаемость кроликов, кошек и собак, которые на протяжении бесчисленных поколений подвергались одомашниванию, необязательно объяснять предположением, что результаты дрессировки передаются. Ибо легко понять, почему о тех, кто больше всего восстал бы против власти человека и кто был по природе наименее послушным, человек заботился бы меньше и, вероятно, в конце концов подвергся бы истреблению, в то время как послушные привлекли его внимание, и им было позволено достичь зрелости и увековечить расу. То, что этот отбор должен происходить в настоящее время, совершенно очевидно, и в качестве примеров мы можем отметить диких собак, которых постоянно уничтожают, а также домашних собак и домашних питомцев, которых в большинстве случаев постоянно отбирают из числа послушных животных с хорошим характером. Собака, не обладающая этими хорошими качествами, не может существовать ни в городе, ни в деревне, и поэтому путем постоянного истребления недружелюбных постепенно развился "друг человека".

Недостаточность экспериментальных данных о такой Передаче.

Обращаясь теперь к тем случаям, когда признаки могут быть приобретены или экспериментально закреплены за индивидом, мы обнаруживаем, что невозможно привести ни одного надежного примера, в котором имела бы место передача. Увечья младенцев мужского пола практиковались евреями и другими семитскими расами на протяжении тысячелетий; и все же, несмотря на это, операцию еще предстоит выполнить, поскольку утраченные части тела появляются у потомства и в наши дни, как и в более ранние периоды истории их расы. Определенные породы собак и овец на протяжении многих поколений систематически подвергались купированию, и все же детеныши рождаются с такими же длинными хвостами, как и у представителей других пород. Китайские женщины сжимали свои ступни с давних времен в своей истории, однако китайские младенцы женского пола по-прежнему рождаются с большими ступнями, и им приходится заново подвергаться пыткам сдавливания. Что еще более любопытно, поскольку это влияет на орган первостепенной важности, мозг, есть племя

индейцев, которые в раннем возрасте уплощают голову, полностью изменяя форму не только черепа, но и самого мозга, однако их дети рождаются с нормальными округлыми головами; вызванное изменение не передается.

Следует признать, что эти доказательства довольно убедительны, и нам не нужно удивляться, что они вызвали столь широкое осуждение, хотя мыслящая общественность подхватила их совсем недавно.

Репродуктивные клетки и клетки организма.

Тело растения или животного состоит из маленьких живых тел, большинство из которых микроскопического размера, называемых клетками. Они ведут, в определенной степени, индивидуальную жизнь и обладают индивидуальными характерами, но они как бы сложены вместе, подобно кирпичам и камням дома, образуя тело. Все клетки питаются кровью и лимфой, а некоторые соединены между собой нитями соединительной материи, называемыми нервами. Все клетки организма являются потомками одной оплодотворенной яйцеклетки, которая образовалась в результате слияния отцовской и материнской половых клеток. Среди клеток тела, расположенных в особых органах, есть половые клетки, которые также питаются кровью, но не связаны нервами с другими частями тела.

На репродуктивные клетки не влияют локальные изменения в клетках организма.

Теперь нет никаких оснований предполагать, что на эти половые клетки, находящиеся в телах родителей, повлияет изменение в мышечных или мозговых клетках родителей, если только это изменение тем или иным образом не повлияет на кровь, общего посредника. Но сейчас известно, что кровь - это всего лишь переносчик пищи и кислорода, а также средство для удаления использованных продуктов. Она подобна реке, заполненной судами, перевозящими зерно для питания большого города, и не более того. Жизнь, энергия, характер тела — это сумма жизней, энергий и свойств клеток, хотя они обязательно требуют питания, получаемого из здоровой крови, точно так же, как жизнь города - это сумма жизней его граждан, которым требуется питание из зерна.

Конституциональные изменения могут, хотя и редко, повлиять на репродуктивную клетку.

Давайте предположим, что среднестатистический здоровый человек в течение своей жизни приобретает в результате использования, несчастного случая или болезни некоторые изменения в своей правой руке. Нет никаких оснований предполагать, что пострадают половые клетки, а не какие-либо другие клетки в организме. Если, с другой стороны, это локальное изменение в руке влияет на кровь, лишая ее питательной силы или выбрасывая в нее неприятные вещества, то вполне возможно, что поражены все клетки организма. У нас есть много примеров такого явления, например, когда кровь и организм в целом поражаются после, возможно, первичного местного поражения, и когда, как следствие, выпадают волосы или появляются отметины и неровности ногтей. В этих случаях половые клетки могут страдать от недостатка питания или от того, что мы можем назвать ядом, и могут производить менее энергичное и, возможно, болезненное или уродливое потомство, но они не будут проявлять

тенденции к развитию у потомства того первичного локального поражения, которое вызвало болезнь у родителя. Но, как мы увидим в [следующей главе](#), половые клетки в большинстве случаев остаются целыми, и наиболее опасные приобретенные конституциональные заболевания не оставляют следов своего распространения на репродуктивных элементах. Действительно, трудно указать на случай, за заметным исключением сифилиса, при котором приобретенные конституциональные нарушения крови оставляли бы какой-либо след в организации потомства, и нам действительно повезло, что это так.

По-видимому, есть некоторые свидетельства того, что мы можем затормозить рост растения или животного из-за недостаточного или неподходящего питания, и что таким образом все клетки организма могут уменьшиться в размерах, в том числе половые клетки, и что эти уменьшенные клетки дают начало маленькому потомству в следующем поколении. И здесь свидетельства в отношении животных кажутся довольно сомнительными и основываются на нескольких утверждениях, таких, как у Де Катрефажа, что лошади, вывезенные из Нормандии в холмистую и менее плодородную местность Бретани, заметно уменьшаются в размерах в течение трех поколений. В нашей стране крупные лошади водятся на равнинах, а маленькие лошадки и пони - в холмистых районах Уэльса и Шотландии. Но очевидная польза для человека мелких пород в холмистых районах и лошадей крепкого телосложения на равнинах, а также тот факт, что лошадей разводили сотни лет ввиду их полезности человеку, ставят под большое сомнение это конкретное свидетельство Де Катрефажа, и мы вполне можем оставить его без внимания, поскольку оно не сопровождается доказательствами полного исключения скрещивания нормандской породы с бретанской разновидностью.

С другой стороны, среди растений действительно создается впечатление, что, изменяя почву и климат, вы можете вывести низкорослые сорта, из семян которых вырастут маленькие растения. Бедная и открытая почва на вершинах наших холмов покрыта карликовыми разновидностями более крупных растений, роскошно растущих на прилегающих равнинах, и классический случай, упомянутый Lemaire [11], связан с коноплей, которая при перемещении из Пьемонта на менее подходящую почву Франции становится более мелким сортом, вырастая лишь до половины своей прежней высоты в течение двух или трех поколений. Огромная карликовость, которой можно подвергнуть растение, проиллюстрирована на примере хвойного дерева, которому японцы могут придать размер крошечного кустарника в течение ста лет роста, просто поддерживая почву на грани истощения и обрезая ветви и корни.

Таким образом, представляется совершенно очевидным, что каждый мужчина и женщина обладают запасом половых клеток, полученных непосредственно из первоначальных половых клеток, из которых он или она были развиты. Они в основном подобны исходной клетке, будучи такими, какими они являются, из ее вещества, но они обнаруживают незначительные различия между собой и, в свою очередь, дают начало потомству, из которого нет двух одинаковых. Эти половые клетки, находящиеся в теле отца или матери, не подвержены влиянию образа жизни, который ведет этот организм, за исключением, возможно, нескольких случаев, когда вся система и кровь обеднены, насыщены алкоголем или заражены болезнетворными микробами, которые в некоторых случаях, возможно, непосредственно атакуют половые клетки.

Факты Эволюционного отбора известны Садоводу и Селекционеру.

Ученые часто очень медленно приходят к истине, и есть много примеров того, как отдельные группы людей, возможно, эмпирическим путем, обладали ценными знаниями, которые, наконец, нашли признание у образованных людей. Практические результаты всего этого биологического учения веками находились в руках скотоводов и питомниководов. Различные породы крупного рогатого скота были выведены человеком не с помощью какого-либо нового метода вентиляции коровников или какого-то недавно открытого патентованного корма, а просто путем отбора для целей разведения тех особей, которые наиболее соответствовали целям заводчика. Содержался скаковой жеребец, больше всего напоминавший борзую, свинья, больше всего напоминавшая пивную бочку, и корова, дававшая наилучшее сочетание молока и мяса. Садовод ежегодно выводит на рынок сотни новых сортов, сохраняя семена и размножаясь из любого сорта, который он, возможно, пожелает увековечить, и эти сорта всегда появляются спонтанно. Он совершенствует свой скот, отбирая семена только из самых лучших.

Свидетельства не только ученых, но и тех, кто в своей жизни, независимо от какой-либо теории, занимался модификацией пород животных и растений, единодушны в пользу точки зрения, что отбор является единственным или, во всяком случае, безусловно самым мощным фактором, вызывающим расовые изменения. До сих пор эти факты практически не применялись к вопросу о прогрессе человеческой расы. Люди все еще слишком подвержены влиянию архаичных антропоцентрических идей; они рассматривают человека как такового, по его собственным особым законам, и часто были бы шокированы попыткой провести очевидные параллели между ним и низшими животными. Среди немногих мыслящих людей это отношение изменилось, и более широкие и обоснованные взгляды быстро завоевывают популярность.

Люди тоже склонны испытывать то, что можно назвать ложной деликатностью при обсуждении вопросов, касающихся изменения расы, но это более справедливо можно назвать застенчивостью, неизбежно связанной с необычной темой обсуждения. Мы, англичане, смеемся над американками, которые из соображений крайней скромности не говорят о “ножке” пианино; но мы, в свою очередь, проводим свои собственные, часто преувеличенные границы, за которые не перейдем. Точно так же, как нет предмета, который не давал бы пищи злонамеренным, так и нет предмета, имеющего отношение к законам природы, к которому нельзя было бы естественным образом подойти со всем простодушием. Следовательно, как только будет осознано, что этот вопрос, с которым мы имеем дело, требует не только нашего самого пристального внимания, но и преимуществ публичного и частного обсуждения, так скоро мы приобретем привычку рассматривать его вполне прозаично и непредвзято.

СНОСКИ

[2] “Сборник Франклина”, стр. 9.

[3] “Дарвин и после Дарвина”, том i, стр. 257.

[4] Глава xxvii., том ii., 1875.

[5] “Жизнь и письма”, том ii., стр. 14.

[6] “Журнал Антропологического института”, том v., стр. 344-7.

[7] “Естественное наследование” (1889), стр. 14.

[8] “Исследования по теории происхождения”, перевод Рафаэля Мельдолы, стр. 692.

[9] “Очерки наследственности”, переведенные Поултоном, Шенландом и Шипли; том i. опубликован в 1889 году, том ii. в 1892 году.

[10] Переведен У. Ньютоном Паркером (1893).

[11] “Словарь” Д'Орбиньи.

ГЛАВА III. ПРИЧИНЫ И ПРИЗНАКИ ФИЗИЧЕСКОГО ИЗНОСА.

Современная забота о человеке.

В предыдущей главе мы видели, что, хотя отбор является очевидным и мощным фактором, вызывающим расовые изменения, существуют лишь незначительные и во многих случаях сомнительные свидетельства того, что приобретенные признаки когда-либо передаются. В течение своей жизни мужчина или женщина могут подвергаться самым разнообразным условиям, и все же эти условия не влияют на качество их потомства, за исключением случаев, когда происходит обеднение или отравление крови, что приводит к ослаблению их репродуктивных клеток. Эти факты были получены не только при изучении низших животных, поскольку большинство исследователей имели в виду человека, в то время как другие, такие как Мальтус и Гальтон, ограничивали свои наблюдения почти исключительно человеческим видом. В этой главе мы увидим, как эти обобщения подтверждаются изучением болезней, и мы увидим, какое влияние на расу оказывают современные методы лечения больных и немощных. Мы, современные люди, как личности, имеем много преимуществ перед теми, кто был до нас; мы обязаны неутомимой энергии наших предков возможностью путешествовать, удовольствиями от накопленной музыки и литературы и т.д., Но среди этих сотен преимуществ, которыми мы обладаем, ни одно не является более заметным, чем то, которым мы обязаны научным последователям профессии врача, применение знаний которых дает в наши дни менее здоровым людям возможность жизни и счастья, которых у них никогда раньше не было.

Профилактическая медицина.

Слова “mederi”, “исцелять”, “medicus”, “целитель”, и “medicina”, “лекарство”, довольно ясно указывают на почти суеверное отношение, существовавшее в древние времена к качествам врача; но в более поздние годы врачи начали в некоторой степени сомневаться в их способности излечивать болезни, когда они однажды установлены. С расширением знаний и ростом профессиональной хватки границы этой способности становятся более очевидными, и раствор соли металла или отвар травы теперь не используются, хотя когда-то они применялись бы с полной уверенностью. Вместе со здоровым скептицизмом относительно их способности излечивать пришли очень точные знания о том, как предотвращать, и профилактическая медицина недавно оказала уникальное в истории человечества влияние на болезни и смертность. Но хотя преимущества нашего изменившегося и более здорового окружения идут на пользу всем нам индивидуально, нам придется подумать, выиграем ли мы как народ в

долгосрочной перспективе от этих изменений или, с другой стороны, не подвергнем ли мы опасности силу расы, получая это индивидуальное преимущество.

Возбудители болезней и их уничтожение.

Нигде профилактическая медицина не достигла большего триумфа, чем в уничтожении определенных микроорганизмов, которые проникают в организм и вызывают лихорадочный класс заболеваний, таких как оспа, корь, брюшной тиф и очень многие другие. В настоящее время нельзя сказать, что ни один из этих микроорганизмов не вымер, но в некоторых случаях они были изгнаны в отдаленные части земного шара, а в других случаях условия, подходящие для их существования, и способы их размножения настолько хорошо изучены, что их изгнание проводится систематически и успешно, настолько, что такая болезнь, как оспа, которая когда-то возглавляла список смертельных болезней, не входит в категорию тревог современных матерей; а пиемия и послеродовая лихорадка, которые двадцать лет назад были временами страшные бичеватели в большинстве больниц теперь происходят только из-за виновного и наказуемого пренебрежения.

Репродуктивные клетки, как правило, ими не поражаются.

Краткое изучение этих заболеваний должно вознаградить нас, показав, что в гораздо большем количестве случаев эти серьезные конституциональные нарушения не оказывают никакого воздействия на репродуктивные клетки; что они фактически неспособны вызвать изменения, которые будут передаваться по наследству. Более того, мы узнаем, какую роль они сыграли и могут сыграть в производстве расовых изменений путем отбора. Болезнетворные микроорганизмы бывают многих разновидностей, и каждая разновидность способна вызывать свои собственные специфические нарушения. Расстройство, вызванное одним видом оспы, мы называем оспой, возникающее из-за другого вида - холерой, и так далее. Теперь выясняется очень любопытный момент: при большинстве этих заболеваний, хотя состав крови сильно изменен, и многие ткани претерпевают заметные изменения, эти изменения, к счастью для нас, носят временный характер, и когда приступ проходит, остается только один тест, который позволит нам сказать, что организм не просто находится в том же состоянии, что и раньше. Этот тест заключается в том, что он не может быть повторно заражен в течение длительного времени, если вообще может быть заражен тем же микроорганизмом.

Этот индуцированный иммунитет от дальнейших атак получил в руках Мечникова любопытное и очень интересное объяснение. Он показал, что армия маленьких клеток, называемых фагоцитами, которые бродят по крови и тканям, способны атаковать болезнетворные микробы и что после борьбы они во многих случаях способны убить этих прожорливых захватчиков. Однако при этом более слабые фагоциты уступают борьбе, в то время как те, которые остаются живыми в организме выздоравливающего пациента, обладают способностью сопротивляться и уничтожать конкретный микроб, предпринявший вторжение. Эти сопротивляющиеся фагоциты, отобранные из остальных, вместе со своими потомками, которые разделяют их сопротивляющиеся качества, способны предотвратить новые вторжения того же врага. Следовательно, нам не нужно предполагать, что этот приобретенный иммунитет, единственный пережиток атаки, указывает на какие-либо изменения в обычных мышечных или мозговых клетках организма, или что репродуктивные клетки каким-либо образом изменены, поскольку иммунитет обусловлен только изменением армии фагоцитов.

Почти в каждом случае зародышевые клетки не заражаются, и в организме ребенка нет ничего, что указывало бы на то, болели ли его отец или мать корью или скарлатиной. В противовес этому факту на первый взгляд может показаться, что, хотя мы не можем распознать ребенка человека, который болел корью или скарлатиной по каким-либо видимым признакам, все жеребенок в некотором роде отличается, поскольку он в некоторой степени невосприимчив к этим заболеваниям. В пользу этой веры можно привести множество случаев, когда лихорадка заносилась в страну, ранее недоступную для микробов (например, занос кори и оспы в недавно открытую Америку, где это привело к ужасающим разрушениям), которые могут быть приведены в качестве доказательства того, что те, кто обычно живет среди микробов, должны были приобрести иммунитет и передать этот иммунитет своему потомству. Опять же, смертность чернокожего населения Сьерра-Леоне составляет всего 24 процента. от малярии, в то время как смертность белых поселенцев составляет 47 процентов.; [12] и в этом случае можно утверждать, что черная раса стала частично невосприимчивой благодаря передаче иммунитета. Но эти случаи, которые кажутся примерами передающегося иммунитета, могут получить другое, гораздо более простое объяснение. Не бывает двух детей от одних и тех же родителей, одинаковых по цвету волос, форме конечностей, темпераменту и т.д., И они также сильно различаются по своей способности принимать инфекцию и бороться с ней. Следовательно, эпидемия лихорадки всегда выбирает для уничтожения тех, кто органически наиболее склонен стать ее жертвой, в то время как остатки, обладающие от природы большей сопротивляемостью, не только выживают, но также могут быть рассчитаны на то, что они произведут потомство, в целом такое же стойкое, как и они сами.

Человек был выбран в результате действия Микробов Лихорадки.

Следовательно, расы, подверженные эпидемиям определенной лихорадки, подвергаются селекции в руках микроба этой конкретной лихорадки, и те, кто выживает, являются пережитками, отлитыми по наиболее устойчивой форме. Возможно, нашему национальному тщеславию не льстит смотреть на англичан как на продукт селекции микроорганизмов кори, скарлатины, оспы и т.д., Но разумность такого вывода, по-видимому, напрашивается сама собой, когда мы рассматриваем их иммунитет к этим болезням по сравнению с иммунитетом уроженцев внутренних районов Африки или дикой Америки, расы которых никогда не подвергались такому отбору и которые, впервые пораженные этими болезнями, подвергаются опустошению почти до истребления. Таким образом, мы обнаруживаем, что обычный приступ кори, скарлатины, коклюша, рожистого воспаления, брюшного тифа или тиф-лихорадки, когда он проходит, оставляет ткани тела в таком же здоровом состоянии, как и раньше; и, действительно, если бы не этот факт, человеческая раса вряд ли могла бы вообще существовать, постоянно подвергаясь на протяжении бесчисленных веков агрессивному воздействию этих микробов. Уничтожив эти болезни, мы, без сомнения, сохраним бесчисленное количество жизней сообществу, которое, в свою очередь, станет производителем расы, но, поскольку сохраненные таким образом особи во многих случаях будут принадлежать к более слабым и менее сопротивляющимся членам сообщества, раса не станет более здоровой. На самом деле, вполне вероятно, что мы, как раса, из-за этого пострадаем, ибо искоренение болезни позволит более слабым членам сообщества жить и в большей пропорции вносить свой вклад в потомство будущего. Вскоре будет указано, что это действительно так.

Проказа - истребитель нездоровых.

Но есть и другие микробы, которые, помимо изменения состава крови, оказывают глубокое и длительное воздействие на многие ткани организма. Таковы микробы проказы и сифилиса.

Ужасные разрушения, на которые способен микроб проказы, по достоинству оценивают только те, кто в Норвегии или где-либо еще посещал эти дома смерти, которые, к счастью, сейчас есть лишь в одной или двух частях Европы. Тем не менее, даже в этом случае, как ни странно, эта отвратительная болезнь, по-видимому, не поражает зародышевые клетки и не передается от родителя к ребенку. [13] Болезнь средневековой, а не современной Европы, нам не нужно обсуждать ее влияние на расовые изменения, достаточно сказать, что, какими бы отвратительными ни были ее аспекты, на нее следует смотреть как на друга человечества; ибо, в то время как микроб брюшного тифа поражает человека, который здоров и живет в здоровом окружении — за исключением микроба, который скрывается в его колодце. микроб проказы питается теми, кто ослаблен условиями, при которых здоровое и сильное расовое развитие невозможно. Это депопуляция голодающих, плохо питающихся районов, и раса рекрутирует в своих интересах тех, кто находится в более выгодном положении.

В случае сифилиса в результате действия микроба возникают серьезные и часто необратимые изменения тканей, и при этом заболевании, с абсолютной уверенностью, эффект может быть оказан на потомство. Многие предполагают, что это происходит из-за передачи самого специфического микроба из организма одного или обоих родителей развивающейся яйцеклетке. То, что такая вещь не является невозможной, показано на примере болезни шелкопряда, при которой споры обнаруживаются в яйце шелкопрядной моли. Эти споры впоследствии развиваются и поражают ткани личинки следующего поколения. При сифилисе, несомненно, происходит то же самое, поскольку сифилитический ребенок впоследствии может заразить мать или кормилицу во время кормления грудью. Но есть и другие случаи этой болезни, которые, по-видимому, не поддаются столь легкому объяснению, и мы должны предположить, что зародышевые клетки сами каким-то образом изменяются во время их пребывания в родительском организме, поскольку по истечении определенного времени болезнь больше не способна передаваться родителями, и дети, родившиеся после этого периода, хотя и сами больны, неспособны заразить тех, кто за ними ухаживает. Таким образом, у нас есть все основания полагать, что в теле родителя не осталось никаких специфических микробов и что мы имеем дело исключительно с более или менее постоянными изменениями в репродуктивных клетках, производимыми микробами во время их пребывания в теле родителя. Дети, рожденные в этот период, часто плохо питаются, имеют явные признаки заболеваний и подвержены нервным и другим расстройствам.

Таким образом, здесь мы впервые имеем четкие доказательства того, что передается явно приобретенное конституциональное заболевание, и что эта передача в некоторых случаях обусловлена прямым воздействием микроба на зародышевые клетки. Микроб сифилиса, в отличие от микроба проказы, но подобно микробу кори, питается здоровой кровью и тканями. Он нападает как на сильных, так и на слабых, и, если слабые легче поддаются, то сильные и энергичные более склонны овладеть им. Следовательно, он не является избирательным, как проказа, и этот факт, в дополнение к его способности передаваться, относит его к заболеванию, явно враждебному расовому прогрессу.

Возбудители чахотки и Золотухи, наши Расовые Друзья.

В последние годы было обнаружено, что симптомы чахотки и золотухи вызываются микробом - туберкулезной палочкой. Однако оказывается, что эта бацилла не может получить доступ к тканям здорового и энергичного мужчины или женщины или размножиться в них; большинство из нас, вероятно, часто переносили этот микроорганизм во рту или желудке, и хотя наш желудочный сок не был способен уничтожить его, как в случае со столь многими нашими невидимыми врагами, он не смог проникнуть в нашу кровь или млечные железы. Доктор Вудхед решительно подчеркивает этот факт. [14] Он говорит: “Совершенно здоровый человек, находящийся в благоприятных условиях с точки зрения питания, свежего воздуха и физических упражнений, никогда не подвергается успешной атаке туберкулезных палочек, поскольку активные, энергичные клетки тканей прекрасно способны уничтожать любые бациллы, которые проникают в легкие, глотку или кишечник”.

Также представляется, что определенный тип индивидуумов легко подвергается нападению этого микроба, в то время как нормальный индивидуум, каким бы ослабленным он ни был из-за неблагоприятных внешних условий, гораздо реже становится жертвой. Как проф. Сэр Лаудер Брантон [15] отмечает: “Мы постоянно встречаемся с лицами, принадлежащими к очень чахоточным семьям, которые избегают болезни, живя в условиях, при которых туберкулезная палочка, вероятно, отсутствует. С другой стороны, такие люди, как медсестры, по всей вероятности, часто вдыхают микроб, и все же болезнь их не поражает. В первом случае иммунитет, вероятно, обусловлен отсутствием семени, несмотря на благоприятное состояние почвы; во втором - неплодородностью почвы, несмотря на наличие семени”.

Поскольку чихание является явно наследственным заболеванием, мы можем рассматривать как передаваемый *тип*, а не саму болезнь. Чахоточный тип человека - это тот, кто происходит из семьи, склонной стать жертвой этого микроба, и его можно узнать по многим отличительным характеристикам волос и цвета лица, а также по качествам темперамента, чертам лица и фигуре.

Больные чахоткой склонны к другим заболеваниям, таким как легочные и бронхиальные приступы, так что, помимо уязвимости к этой единственной форме микробов, их следует рассматривать как непригодных не только для жизненной борьбы, но особенно для воспитания и умножения заболеваний, от которых они сами страдают.

Чахоточные привлекательны внешне из-за насыщенного цвета кожи и волос, а также их частой яркости и живости, и их очевидная деликатность также вызывает чувство жалости и желание защитить их. Вследствие этого они легко вступают в брак и, как правило, очень плодовиты. Гальтон [16] говорит: “Есть справедливые сомнения в том, что группа молодых людей, которым суждено умереть от чахотки, вносит значительно меньший вклад в будущее население, чем столь же большая группа, которой суждено умереть от других болезней”. Этот чахоточный тип действительно очень распространен среди нас, и, по-видимому, это врожденная вариация, которой подвержена наша раса. Следовательно, очевидно, что те люди с туберкулезной вариацией, которым даже при нынешних обстоятельствах удастся внести свой вклад в популяцию, если бы туберкулезная палочка была полностью уничтожена, внесли бы больший вклад, чем их доля, и этот тип стал бы более распространенным. И давайте помнить, что этот тип, помимо действия бациллы, является деликатным и хрупким и подвержен другим заболеваниям, и эффект, дающий этому типу какое-либо преимущество в борьбе за жизнь,

несомненно, поставил бы под угрозу благополучие будущей расы. Когда несколько лет назад считалось, что лекарство от чахотки наконец-то найдено, естественно и справедливо было воздано должное его первооткрывателю; но если бы это лекарство оказалось столь эффективным, как того ожидали более оптимистичные люди, было бы ужасно представить себе возможные страдания, которые были бы результатом постоянного увеличения числа больных чахоткой, которые рождались бы с каждым поколением.

Если мы искореняем инфекционные болезни, мы увековечиваем Плохие Типы.

Трудно сказать, но тем не менее верно, что туберкулезная палочка - друг человечества, ибо она не поражает ни здоровых мужчин, ни женщин, а только слабых. В этом отношении он подобен бацилле проказы, но только в этом отношении, поскольку проказа поражает любого, кто живет в определенных негигиеничных условиях. Устраните эти условия — как мы делали давным—давно, - и бацилла проказы исчезнет; ее функции закончились, как у вымерших растений и рыб в скалах.

С другой стороны, туберкулезная палочка поражает тип, который встречается не только у бедных, плохо питающихся и с плохими условиями содержания, но и у тех, кто живет хорошо. Это заболевание всех классов, и те, кто живет в хорошо проветриваемых помещениях и соблюдает все санитарные нормы, все еще могут принадлежать к тому типу людей, которые становятся его жертвой. Следовательно, несомненно, что, как бы вы ни улучшали внешние условия жизни, этот тип сохранится. Столь же несомненно и то, что, предоставляя этому типу больше шансов, чем он уже имеет, предотвращая заражение или откладывая течение болезни, этот тип будет все более и более распространенным по мере появления на свет каждого поколения.

Из нашего краткого изучения инфекционных заболеваний довольно ясно следует, что некоторые из вызывающих их микробов, такие как туберкулезная палочка, питаются только нездоровыми тканями человека, в то время как большее их количество убивает, во всяком случае, слабых, а не сильных. Следовательно, в целом, и как естественное следствие, они являются скорее друзьями нашей расы, чем нашими врагами, и если мы всерьез попытаемся покончить с их избирательным влиянием — *а именно*, устранением слабых и сохранением сильных — мы должны дополнить это избирательное влияние чем-то столь же мощным, иначе раса будет иметь тенденцию к деградации. Что можно сделать в будущем и что нам целесообразно делать в настоящее время, будет более подробно обсуждено в следующей главе; но я могу сразу заявить, что *параллельно* с нашими усилиями по предотвращению этих заболеваний должны быть наши усилия по привлечению к сотрудничеству человеческого милосердия, которое предотвратило бы страдания при таком отборе, который потребует рождения будущих поколений из самых здоровых и лучших из нас. Поскольку отбор меняет расу, мы должны заменить отбор микробов отбором человеческой предусмотрительности.

Нам известен ряд заболеваний, которые, вероятно, обусловлены врожденными семейными предрасположенностями. Из них диабет, гомофилия и некоторые другие встречаются сравнительно редко и могут быть оставлены на одной стороне в этом обязательно сокращенном наброске. Другие, такие как рак и конституциональная слабость дыхательных и других органов, а также безумие, достаточно часты, чтобы заслуживать нашего пристального внимания. О раке

мы в настоящее время знаем слишком мало, и я предлагаю оставить это в стороне. У нас есть много примеров наследственной слабости особых систем, таких как нежная слизистая оболочка дыхательных путей или пищеварительного тракта, наследственные вариации в механизме ассимиляции, а также подагра и ожирение — фактически, врожденная деликатность всех видов, которая делает их обладателя менее способным справляться со своим естественным окружением, какими бы они ни были.

Вряд ли найдется семья, которая могла бы похвастаться полным отсутствием наследственных слабостей, и среди детей определенных семей, где эти слабости существуют, некоторые проявляют порок больше, чем другие. Во времена лишений, холода, незащищенности, грубой пищи и т.д. эти более слабые погибают, и, следовательно, раса размножается от более сильных. В определенных пределах холод, пребывание на открытом воздухе и грубая пища совместимы с большим физическим совершенством, поскольку холода пребывание на открытом воздухе, вредные для слабых, укрепляют силы более крепких, а грубая, но питательная пища снабжает их энергией и усиливает пищеварение. Лучшие расы были выведены в трудных условиях. Выражение “отважный горец” вошло в поговорку, и нельзя смотреть на шотландца с равнин, не почувствовав, что его племя в былые дни на протяжении многих веков выдерживало испытания овсяной кашей и холодным восточным ветром.

Но мы быстро сокращаем те избирательные агентства, которые в прошлом развивали расовую энергию. Как мы сейчас увидим, умение ухаживать за больными в наше время чудесным образом снизило смертность среди младенцев; усовершенствования в методах выхаживания, замена хлопка фланелью и шерстью и употребление многих продуктов, некоторые из которых искусственно перевариваются, дают больному младенцу шанс выжить, и он переживает свои первые, самые опасные годы. Тогда его шансы снова повышаются, поскольку инфекционные заболевания находятся под контролем, и ему сравнительно нечего бояться их. Таким образом, он выживает и доживает до взрослого возраста, когда, подобно тепличному растению, он все еще защищен от лишений, которым раса раньше свободно подвергалась. Он живет для того, чтобы снизить средние физические показатели матерей или отцов, которые производят на свет следующее поколение детей.

Эта повышенная сохранность больных привела к увеличению продолжительности жизни среднестатистического ребенка, и это увеличение вероятности жизни часто и очень справедливо упоминается как показатель улучшения санитарных условий жизни людей. Улучшенными санитарными условиями, как мы видели, пользуются главным образом больные, и, таким образом, с нашей возросшей вероятностью жизни мы уменьшили среднюю крепость конституции, или врожденное здоровье расы, поскольку среди нас живет большая часть больных. В наши дни большее число родителей страдают от чахоточных, золотушных и других заболеваний, чем в былые времена, и эти и другие заболевания передаются их детям.

До сих пор мы видели, что с необходимостью вытекает из наших биологических предпосылок, но, я думаю, также возможно показать статистикой, что уже произошло весьма заметное ухудшение.

Рождения, Смерти и браки.

Если мы изучим один из отчетов Генерального регистратора рождений, смертей и браков, мы получим довольно полную информацию о смертях от болезней, несчастных случаев, старости и т.д., Которые произошли за последние тридцать или сорок лет.

Усиление конституциональной слабости.

В таблице 17 Отчета 54 приведены ежегодные показатели смертности от различных причин на миллион населения, распределенные по группам по пяти годам с 1858 по 1890 год. У нас там тридцатилетняя история, и даже за это время в этой истории можно наблюдать заметные изменения. Я расположил большее количество фактов, приведенных в таблице 17, в следующей таблице, чтобы наилучшим образом осветить те моменты, которые мы обсуждаем. К первой группе заболеваний относятся заболевания, вызванные микроорганизмами, и в последние годы наблюдается заметное уменьшение числа этих заболеваний. Чохотка и золотуха, отнесенные сами по себе к этой группе, разделяют это снижение. Ко второй группе относятся заболевания, которые в значительной степени обусловлены небрежностью, отсутствием ухода, пренебрежением и невежеством, такие как судороги, заболевания зубочелюстной системы, роды и зарегистрированные несчастные случаи. Их тоже, как и следовало ожидать, ежегодно становится меньше в стране, где растет уровень окружающего комфорта и чувства ответственности. Когда мы переходим к третьей группе конституциональных заболеваний, в которую входит наследственная склонность, мы обнаруживаем рост почти всех наследственных заболеваний. О тенденции к росту невротических расстройств свидетельствует увеличение смертности от нервных заболеваний, самоубийств и невождержанности. Значительный рост заболеваний дыхательной системы частично обусловлен увеличением числа больных туберкулезом, которые, защищенные от нашествия микробов, тем не менее легко становятся жертвами других заболеваний: также наблюдается рост заболеваний системы кровообращения, рака, диабета и других конституциональных заболеваний.

Ежегодный уровень смертности в Англии от различных причин на миллион человек в разбивке по группам 1858-1890 годов-

[Версия таблицы для более узких экранов]

ПРИЧИНА СМЕРТИ.	1858-60.	1861-65.	1866-70.	1871-75.	1876-80.	1881-85.	1886-90.
ГРУППА I.							
Чохотка и золотуха	3304·0	3311·0	3300·2	2940·6	2816·8	2540·8	2322·2
Другие заболевания микроорганизмов [17]	4403·9	4498·6	4677·2	4055·8	3233·6	2708·8	2417·0
ГРУППА II.							
Заболевания зубочелюстной системы, роды, судороги, несчастный случай и халатность	2257·0	2262·0	2191·0	2077·2	1860·4	1678·6	1538·0

ПРИЧИНА СМЕРТИ.	1858- 60.	1861- 65.	1866- 70.	1871- 75.	1876- 80.	1881- 85.	1886- 90.
ГРУППА III.							
Некоторые заболевания, связанные с запором [18]	6056·3	6311·4	6594·6	7199	7536·4	7531·2	7929·4

[17] К ним относятся оспа, корь, скарлатина, простая и плохо определяемая лихорадка, коклюш, дифтерия, миазматические заболевания, холера, диарея, дизентерия, рожистое воспаление, послеродовая лихорадка и молочница.

[18] Заболевания нервной, сердечно-сосудистой и дыхательной систем, рак, диабет и другие конституциональные заболевания.

Таким образом, эта таблица самым наглядным образом демонстрирует действия современной цивилизации и профилактической медицины, которые, устраняя микроб и уменьшая опасности воспитания детей, в очень значительной степени снизили уровень смертности в первые годы жизни. Увеличение числа смертей от конституциональных заболеваний, происходящих, как правило, в среднем или пожилом возрасте, вероятно, связано с выживанием все большего числа особей в период зрелости. Из этой таблицы трудно сказать, относятся ли эти люди к среднему типу или нет. Нам приходится умирать в тот или иной период жизни, и если мужчин и женщин уберечь от опасностей детства и юности, то в более преклонном возрасте будет больше жертв заболеваний легких и грудной клетки.

Но на основе других наборов цифр, которые можно получить из отчетов Генерального секретаря, можно прийти к какому-либо решению относительно состояния здоровья людей среднего и пожилого возраста, живущих сегодня, и сравнить эти результаты с аналогичными результатами, полученными из статистических данных двадцатилетней или тридцатилетней давности.

Уровень смертности в пожилом возрасте растет.

В таблице 13 (Отчет Генерального регистра за 1891 год) показатели смертности на 1000 человек приведены для разных возрастных периодов, и эти результаты датируются с 1841 по 1890 год и распределены по группам по десять лет.

Таблица была подготовлена следующим образом. В каждый указанный период, скажем, с 1841-50 годов, количество людей, живших в определенном возрасте, рассчитывалось на основе результатов переписи. Поскольку цифры, умирающие в этом возрасте, известны, они приведены в таблице на 1000 человек этого возраста. Чтобы сократить количество цифр, я привел показатели смертности только для двух групп: первая группа лиц (мужчин) моложе и вторая группа лиц старше 35 лет.

Смертность мужчин на 1000 человек населения.

ГРУППА I.
0-35 лет.

ГРУППА II.
35 и выше.

	ГРУППА I. 0-35 лет.	ГРУППА II. 35 и выше.
1841-50	112·0	591·0
1851-60	111·2	581·9
1861-70	110·8	595·1
1871-80	101·0	616·7
1881-90	87·8	589·3

Группа I. демонстрирует очень устойчивое снижение уровня смертности в первые годы жизни, и аналогичные результаты также подтверждаются соответствующей таблицей, показывающей показатели смертности среди женщин.

Группа II. показ показателей смертности лиц старше 35 лет, на первый взгляд, не дает удовлетворительных прогнозов ни увеличения, ни снижения смертности, действительно, последний период указывает на очень значительное снижение смертности. Однако мы должны помнить, что климатические воздействия изменчивы и что определенные группы лет являются особенно благоприятными, а другие - неблагоприятными для благополучия. На то, что последний период был очень здоровым, указывает чрезмерное снижение, наблюдаемое в группе I., и соответствующее снижение числа смертей среди женщин. Можно предположить, что эти климатические колебания влияют на численность населения группы II в большей степени, чем на численность населения группы I. Действительно, ссылаясь на детали, приведенные в полном отчете, я вижу, что сокращение за этот период в значительной степени обусловлено снижением смертности лиц старше 75 лет - периода жизни, очень восприимчивого к климатическим воздействиям.

В целом, Группа II указывает на то, что уровень смертности выше 35 увеличивается, поскольку, если мы сложим любые два последовательных периода, скажем, 1841-50 и 1851-60 годы, мы обнаружим, что смертность за последние двадцать лет выше, чем за первый. Рассматривая таким образом более длительные периоды времени, мы можем исключить факторы, отличные от фактора времени, и, во всяком случае, у нас могут возникнуть серьезные подозрения в том, что смертность среди людей среднего и пожилого возраста растет.

Те же результаты, возможно, еще более убедительно можно продемонстрировать, изучив таблицы, показывающие ожидаемую продолжительность жизни.

Сравнение таблиц жизненного цикла.

Покойный доктор Фарр составил таблицы, показывающие ожидаемую продолжительность жизни, рассчитанную на основе показателей смертности за 1838-54 годы, и аналогичные таблицы были составлены совсем недавно доктором Оглом на основе показателей смертности за 1871-80 годы. В случае новорожденных детей мужского пола ребенок, родившийся в первый период, мог рассчитывать прожить 39·91 год, если бы дожил до среднего возраста; ребенок, родившийся во второй период, имел более высокую продолжительность жизни, а именно 41·35 лет. Хотя, однако, ожидаемая продолжительность жизни в детстве и юности увеличилась, следующая таблица (извлеченная из их таблиц) покажет, что ожидаемая продолжительность жизни в зрелом возрасте уменьшилась; то есть мужчины либо не так сильны, либо их

окружающие условия менее благоприятны, чем они были, и они не могут рассчитывать прожить так долго. Ниже приведены подробные сведения об этой таблице:—

Имею в виду Последующее Ожидание Жизни.

Возраст.	ГРУППА I. 1838-1854гг.	ГРУППА II. 1871-1880гг.
0	39·91	41·35
5	49·71	50·87
10	47·05	47·60
15	43·18	43·41
20	39·48	39·40
25	36·12	35·68
30	32·76	32·10
35	29·40	28·64
40	26·06	25·30
45	22·76	22·07
50	19·54	18·93
55	16·45	15·95
60	13·53	13·14
65	10·82	10·55
70	8·45	8·27
75	6·49	6·34
80	4·93	4·79
85	3·73	3·56
90	2·84	2·06
95	2·17	2·01
100	1·68	1·61

Физическое вырождение Расы уже указано.

Кажется невероятным, что короткая продолжительность жизни в среднем возрасте может быть вызвана современным перенапряжением, поскольку внешние условия в целом улучшаются, и тот же факт можно наблюдать в отношении продолжительности жизни женщин, которые, безусловно, не попадали в более неблагоприятные внешние условия. Расчеты за другие периоды были бы здесь очень полезны для дальнейшего устранения последствий климатических изменений и т.д., И следует помнить, что цифры, лежащие в основе всей статистики, являются лишь приблизительными и никогда точно не отражают истинное положение вещей. По этим причинам представляется важным продолжить статистические исследования и изучить возвращения из других стран, чтобы определить, похожи ли их факты на наши.

Тем временем мы можем рассмотреть, и не без любопытства, вероятность того, что наши статистические данные, насколько они позволяют судить, указывают на то, что расовое разложение уже началось в результате той заботы о личности, которая характеризует усилия современного общества. Биолог, основываясь совсем на другой группе фактов, независимо пришел к выводам, которые делают эту точку зрения в высшей степени вероятной.

СНОСКИ

[12] “Учебник теории и практики медицины” Биллинга, стр. 8.

[13] Отчет Комиссии по борьбе с проказой в Индии, 1890-1.

[14] “Бактерии и другие продукты”, стр. 230.

[15] “Введение в современную терапию” (1892), стр. 15.

[16] “Естественное наследование”, стр. 182.

ГЛАВА IV. БЕЗУМИЕ И АЛКОГОЛИЗМ.

Нервные расстройства —Безумие.

В предыдущей главе мы видели, что за последние годы опасности, связанные с ранним возрастом, значительно уменьшились благодаря нашим возросшим знаниям детской гигиены и тому факту, что инфекционные заболевания, которые всегда наиболее опасны для детей, значительно уменьшились. Однако в то же время мы увидели, что конституциональные слабости человечества никоим образом не уменьшились и что есть веские основания полагать, что за последние тридцать лет раса заметно деградировала, что следует ожидать в результате прекращения избирательного влияния в детстве и юности. Среди этих конституциональных недостатков мы можем особо отметить дефекты дыхательной, кровеносной, нервной и других систем, представляющие интерес и важность, и их наблюдение заслуживает нашего пристального внимания. Однако в этом небольшом трактате невозможно обойтись без краткого упоминания о наследственных дефектах нервной системы, связанных с недееспособностью, склонностью к безумию или чрезмерным употреблением алкоголя. Этот предмет представляет не только общественный интерес, но и может быть понятен тем, кто не имеет технического образования.

Точно так же, как нет двух людей, согласных в обладании одинаково здоровыми слизистыми оболочками или тканями легких, у нас, возможно, есть определенные различия в тканях мозга. Вместе с поврежденной мозговой тканью у нас есть симптомы, которые мы называем психическим расстройством, и их у нас бесконечное разнообразие, начиная от психически слишком возбудимых или слишком инертных и переходя к тем, кто более явно болен и бесполезен, и, наконец, к тем, кто опасен для общества в целом. Так вот, эти поражения мозга, очевидно, передаются по наследству — это действительно вошло в поговорку. Это правда, что переизбыток работы, или тревога, или угнетающее окружение могут вызвать безумие или другие нервные расстройства у человека, который в лучшем окружении, несомненно, сбежал бы. Это,

без сомнения, настоящие возбуждающие факторы, но в случае определенных типов они действуют с пугающей легкостью, в то время как в случае других их действие относительно неэффективно. Этот тип, органическая вариация, передается, он не уничтожается. Как говорит доктор Бастиан: “В настоящее время является хорошо установленным фактом, что люди, наделенные невротическими привычками к телу, очень часто передают подобную склонность своим детям. Это не склонность к какому-либо конкретному нервному заболеванию, а уязвимость нервной системы в целом, которая передается, так что под влиянием даже сравнительно небольшого напряжения слабость может проявиться тем или иным из нескольких способов”. Говоря о склонности к самоубийству, доктор Модсли замечает: “Действительно, поразительно наблюдать, насколько сильна склонность к самоубийству у тех, кто ее унаследовал, и насколько, казалось бы, тривиальная причина побуждает ее к действию. Люди, затронутые этим, иногда сводят счеты с жизнью из-за мелкого противоречия или когда они немного не в духе и почти так же мало беспокоятся, как если бы они совершали всего лишь небольшое путешествие”. В половине своих случаев доктор Модсли обнаружил унаследованный недостаток организации. И снова, говоря о множестве способов, которыми может проявляться невротическая зараза, он говорит: “В семьях, где существует сильная предрасположенность к безумию, один член семьи иногда страдает одной формой нервного заболевания, а другой - другой: у одного, возможно, эпилепсия, другой страдает тяжелой невралгией или истерией, третий может покончить жизнь самоубийством, четвертый впадёт в маниакальность или меланхолию, и иногда может даже случиться так, что пятый проявит незаурядные художественные таланты”.

Представители медицинской профессии обычно предполагают, что число случаев безумия растёт, и это согласуется с тем фактом, что смертность от ряда заболеваний нервной системы также растёт. Это предположение, однако, было горячо оспорено и может быть оставлено в других руках для окончательного урегулирования, поскольку следует помнить, что наша статистика датируется всего несколькими годами, так сказать, одним днем в истории, и мы не должны предполагать, что сможем сразу решить все возникающие проблемы.

Важность предотвращения его передачи.

Для нашей настоящей цели важным моментом, который мы должны рассмотреть, является наследственная природа невротического темперамента, поскольку его наследственная природа относит его к категории аффектов, которые следует устранять избирательными средствами, вместо того чтобы лечить простолечением тех, кто от него страдает. Верно, что в результате предложенного отбора мир может потерять случайных гениев, которые встречаются то тут, то там в семьях с сильным налетом безумия, но, с другой стороны, следует помнить, что гораздо большее число выдающихся мужчин и женщин произошли от энергичных и психически здоровых родителей; ибо ассоциация, которую мы проводим между гениальностью и безумием, обусловлена не столько их распространенностью, сколько возможностью сосуществования в одном семейном кругу этих двух качеств, которые на первый взгляд должны казаться столь странно противоположными друг другу.

При определенных жертвах человечество путем отбора могло бы освободиться от тех типов, которые являются обузой для ресурсов сообщества и которые сами страдают, особенно в случаях меланхолии, до такой степени, которую обычный человек испытать не в состоянии.

Браки душевнобольных.

Хотя до сих пор не было предпринято никаких организованных усилий для проведения этого отбора, поскольку мы еще не обратили наше внимание с достаточным интересом на расу в целом, тем не менее, существует популярное и широко распространенное мнение против брака лиц с ярко выраженной семейной историей безумия. Это чувство имело в прошлом несомненное избирательное влияние и в некоторой мере уменьшило количество браков с невротическими семьями; и усиление этого чувства в будущем - единственное, на что нам следует обратить внимание при нынешнем положении дел, как на средство, с помощью которого раса может освободиться от врожденной слабости самого огорчительного рода.

Алкоголизм - это привычка, а алкоголизм - признак психической нестабильности.

Нередко мы слышим о наследственной склонности к алкоголизму, и обычно считается, что специфическая склонность к употреблению алкоголя передается по наследству. Мне кажется, что имеющиеся в нашем распоряжении факты скорее подтверждают вывод о том, что большинство случаев, которые предположительно являются примерами передачи инфекции, на самом деле происходят из-за постоянства невоздержанных привычек в одной и той же семье или районе, возможно, на протяжении поколений, и что в этих случаях дети пьют в силу подражания. В других случаях я бы скорее предположил, что передаются неуравновешенные порочные темпераменты, но то, как они будут проявляться, во многом зависит от обстоятельств и окружения человека, который может стать пьяницей, потребителем опиума или распутником, или, возможно, от сочетания всех трех факторов.

Алкоголь - это Средство отбора.

Среди низших классов в наши дни, без сомнения, есть целые семьи, которые из поколения в поколение пользовались дурной славой из-за пьянства; но, по-видимому, в этих случаях пьянство является лишь одним из проявлений того же беспечного или порочного темперамента, который проявляется также в праздности и преступлениях. Поколение или два назад среди среднего и высшего классов часто были известны семьи сильно пьющих людей. В этих случаях, как нигде нельзя узнать лучше, чем из "Очерков ирландской жизни" Баррингтона, пьянство было частью общего беззаботного темперамента или даже во многих случаях ассоциировалось с гордостью за само достижение. В наши дни, когда лучшие и более образованные классы смотрят на пьянство свысока как на позор, чрезмерное употребление алкоголя значительно сократилось. Следовательно, справедливо заключить, что, хотя то, что мы можем назвать неуравновешенным темпераментом и инстинктами потакания своим желаниям, передается по наследству, фактический способ проявления этих инстинктов зависит от окружающих условий, которые могут оказаться преобладающими. Такие неуравновешенные люди в определенных условиях обучения стали бы жертвой пьянства, например, когда они общаются с пьяными родителями или друзьями; в других условиях они могут быть виновны в преступлениях или разврате и в любом случае склонны избегать спокойной, упорядоченной рутины гражданской жизни. Хотя, следовательно, мы вряд ли можем сказать, что склонность к пьянству передается по наследству, все же мы можем утверждать, что определенные вариации типа, существующие, без сомнения, в семьях, особенно подвержены пьянству и другим формам порока. Отсюда также следует, что выпивку можно рассматривать как средство отбора, постоянно

прореживающее ряды тех, кто достаточно слаб от природы, чтобы уступить ей, и оставляющее невредимыми тех, у кого здоровые вкусы и крепкие моральные устои.

У родителей, которые пьют по привычке, может быть ослабленное потомство.

В предыдущей главе мы предположили, что алкоголь, циркулирующий в венах родителей, может воздействовать на зародышевые клетки, но не таким образом, чтобы эти клетки развились в особей со склонностью к выпивке, а скорее с результатом, в результате которого часто получается ослабленное потомство. Вполне возможно, что этот последний эффект может быть вызван, хотя наше изучение инфекционных заболеваний показало, до какой степени может быть затронута вся система без возникновения каких-либо постоянных изменений в зародышевых клетках; но я думаю, что было бы чрезмерным приводить примеры, подобные приведенному Гальтоном, в котором нам рассказывается о человеке, у которого были дети обычного типа, ставшем пьяницей, а впоследствии родившем слабоумных детей. Мне это кажется действительно очень сомнительным доказательством. Мы редко можем обосновать какое-либо общее правило на основе нескольких изолированных случаев, и точно так же, как можно подкрепить почти любой аргумент текстом Священного Писания, точно так же можно привести отдельные случаи в поддержку практически любого взгляда на наследственность. Среди примерно сорока миллионов случаев передачи инфекции, наблюдаемых в настоящее время на Британских островах, и многих тысяч слабоумных и пьяных родителей вряд ли стоит удивляться тому, что, в конце концов, может быть всего лишь совпадением. То, что это совпадение и что рождение слабоумных детей не имело необходимой связи с пьянством родителей, покажется нам весьма вероятным, если мы подумаем, что в Шотландской низменности, крупных английских городах и в некоторых частях Германии обычное пьянство чрезвычайно распространено; следовательно, если бы такие поразительные случаи передачи инфекции имели место, они происходили бы часто и были предметом общего наблюдения и комментариев. Отказываясь принимать этот случай в качестве доказательства, мы все же допускаем на общих основаниях, что потомство заядлых пьяниц передается по наследству, но определенных доказательств на этот счет, по-видимому, все еще не хватает.

Превентивные меры.

Это подводит нас к вопросу о том, будет ли законодательство, направленное на предотвращение продажи алкоголя, способствовать прогрессу гонки или замедлит его. Эксперименты такого рода проводились и проводятся, особенно в Скандинавии и Соединенных Штатах; и есть те, кто решительно выступает за превентивное законодательство в нашей собственной стране.

Но дало ли нам это принудительное уменьшение одной конкретной формы порока какую-либо гарантию относительно невосприимчивости к другим формам, в которые может развиться заядлый пьяница? Нельзя ни на минуту отрицать, что профилактические меры привели к сокращению масштабов пьянства, но это сокращение, безусловно, не более заметно, чем соответствующие изменения в привычках английских высших классов, вызванные исключительно силой совести и привычки. Учитывая, что профилактические меры улучшат человека, мы должны задать себе вопрос, как они улучшат расу?

Пьянство среди австралийских заключенных.

Дилке сообщает нам, что [19] что в австралийском обществе элемент осужденных теперь может игнорироваться. В случае с некоторыми их преступление было случайным, и преступные наклонности не передались бы детям, которых они оставили после себя. С другой стороны, настоящий преступник, а также пьяница-бездельник не оставил детей. Пьянство и пороки среди осужденных из класса “назначенных слуг” и отсутствие всех условий для вступления в брак стерли их с лица земли, и те, кого не убили до обнаружения золота, обычно напивались до смерти на раскопках.

Здесь мы имеем очень наглядный случай, когда алкоголь оказал наиболее благотворное отборочное влияние. Если бы существовали запрещающие законы, запрещающие продажу алкоголя, люди с врожденной порочностью оставили бы после себя потомков, проникнутых отцовскими инстинктами.

Алкоголь и профилактика в Америке.

В Соединенных Штатах существует и продолжает существовать сильное недовольство торговлей спиртными напитками не только со стороны тех, кто считает, что употребление алкоголя само по себе является неправильным и ведет к преступности и нищете, но и по политическим мотивам. Американцы пьют не за едой, как мы, а в питейных заведениях и барах, и привычка “угощать” спиртным распространена повсеместно. Эти питейные заведения также являются причиной значительной части политической коррупции, о которой сожалеет высший класс американцев; следовательно, есть много причин для введения местного выбора или даже сухого закона, и во многих штатах, следовательно, применяются строгие законы против употребления алкоголя. Поскольку эти законы действуют уже несколько лет, мы можем изучить их влияние на тех, кто подвергся им.

Нам сообщили [20], что в штате Мэн Запретительный закон был введен в действие в 1851 году, срок действия которого истек на два года (1856 и 1857), но с тех пор продолжается до настоящего времени. Таким образом, мы проводим эксперимент по запрету алкоголя, который длится уже сорок лет. В штате Мэн производство и продажа алкоголя в любой форме являются незаконными и караются тюремным заключением и штрафом. Закон соблюдается, и нам говорят [21] относительно его работы, что, “стремясь загнать трафик в боковые переулки и сомнительные “притоны”, устраняя видимое искушение, предлагаемое открытыми барами и салунами, делая относительно, если не абсолютно, труднодоступными напитки и создавая общую атмосферу уловок и дурной репутации в торговле, он добился успеха”. был материальным агентом в подавлении требования, которое многие не только считают морально неправильным и физически разорительным, но и из-за действия закона теряет репутацию. Эти тенденции, получающие поддержку со стороны общего мнения и настроений женщин, настолько повлияли на нравы, что, какую бы долю в результате ни следовало отнести к эффекту сухого закона, фактом является то, что спрос на спиртное или стремление к нему, в больших или малых количествах, исходит только от ограниченной части населения”. Если теперь мы обратимся к статистике преступности, пауперизма и безумия, то обнаружим результат, который многим может показаться поразительным. Статистика Больницы для душевнобольных показывает значительное и прогрессирующее увеличение числа пациентов - с 75 в 1850-51

годах до 685 в 1891-92 годах. Что касается местных бедняков, то это соотношение несколько ниже, чем в соседних штатах:-

	1880.	1890.
Штат Мэн —соотношение пауперов на миллион населения	2319	1756
Других штатов, без ограничений	2339	1790

Что касается неимущих, живущих на улице, то перепись показывает, что в штате Мэн их число значительно превышает средний показатель. Что касается численности заключенных, то в штате Мэн этот показатель низкий, но явно растущий, что особенно отчетливо проявляется в случае с несовершеннолетними правонарушителями в исправительных школах: —

	1880.	1890.
Показатель штата Мэн на миллион населения в исправительных школах	176	256
В среднем по другим девяти Северо—восточным штатам	469	425

В Канзасе, другом штате, в котором преобладает сухой закон, начиная с 1881 года, перепись населения Соединенных Штатов сообщает нам, что в 1890 году в его пенитенциарных учреждениях и окружных тюрьмах было больше заключенных пропорционально численности населения, чем в 1880 году, и что из всех соседних штатов в Канзасе в 1890 году было абсолютно наибольшее соотношение заключенных к численности населения. В Айове, третьем штате, в котором сухой закон соблюдался наиболее эффективно, нам сообщили, [22] что “в одном маленьком городке сухой закон соблюдался настолько эффективно, что, когда епископ епархии посетил его, от запланированного совершения Причастия пришлось отказаться, потому что вина достать не удалось. В этом городе нам также сказали, что опиумные притоны образуются якобы в результате сухого закона, и моему информатору, чьи показания были безупречны, врач, практикующий там, сказал, что употребление опиума в этом месте было настоящим проклятием; у него на руках было двадцать или тридцать случаев, когда люди страдали от этой привычки, как мужчины, так и женщины”.

Общественная привычка и совесть - лучшая профилактика.

Часто можно делать ложные выводы из статистических данных из-за незнания фактов, которые уточняют приведенные цифры и придают им совершенно иную окраску, но приведенные выше данные свидетельствуют о том, что любой длительный запрет, отличный от требований собственной совести и чувства самоуважения человека, может принести больше вреда, чем пользы; ибо, если его не соблюдать как моду, чрезмерное употребление алкоголя можно рассматривать только как симптом ослабленной или развращенной натуры, которая без доступа к выпивке проявила бы себя развращенной другими способами, и которая, если ее искусственно поддерживать трезвой и таким образом поддерживать жизнь, будет склонна к чтобы увековечить себя и расширить круг своей порочности.

Разве нельзя сказать, что следует привести четкие доводы в пользу введения профилактических мер в районах, где пьянство стало повсеместной привычкой или модой, где, следовательно, избирательное действие алкоголя — из-за того факта, что почти все его употребляют — сведено к минимуму, и где из-за его общего потребления в вредных количествах возможно передаваемая слабость может рассматриваться как достигающая максимума? В этом случае

профилактические меры, введенные, возможно, всего на несколько лет, сыграли бы важную роль в приучении людей к более разумному образу жизни и могли бы позволить тем, кто обладает необходимыми вкусами, культивировать такие развлечения, которые не позволят им стать жертвами порока, которому они ранее поддавались скорее из-за подражания, чем из-за какого-либо сильного *личного* пристрастия. С другой стороны, с нашей точки зрения, точки зрения расового прогресса, доводы в пользу превентивного вмешательства не столь очевидны, когда они вводятся в районе, где население в массе научилось вести трезвый образ жизни, где пьянство рассматривается как порок и где жертвами пьянства становятся только те, кто от природы лишен самоуважения и надлежащего самоконтроля; искусственное вмешательство препятствует действию избирательного воздействия, которое устраняет из общества многие из его наиболее нежелательных элементов. В этих условиях чрезмерное употребление алкоголя является лишь симптомом чего-то более глубокого, а именно органического дефекта, плохого и порочного типа, и его профилактика излечивает симптом, в то время как болезнь остается и передается несчастным детям будущего.

Власть сообщества над индивидом.

Поверхностному читателю может показаться, что я выдвигаю аргументы, которые дали бы моральную санкцию повсеместному распространению микробов чахотки и кишечной лихорадки, а также оставлению неограниченного количества виски в качестве камня преткновения у порога более слабых соседей. Это далеко не так. Хотя, несомненно, верно, что возбудители чахотки с незапамятных времен освобождали человечество от нездоровых вариаций, которым мы подвержены, и хотя алкоголь в целом избавлял нас от порочных и шумных привычек с тех пор, как наши предки впервые выпили медовуху из сосков козы Хайдрун, все же из этого не следует, что какой-либо индивидум или группа индивидумов имеют право брать на себя ответственность за сохранение и применение такого избирательного лечения.

Если бы действительно не существовало других средств улучшения расы и устранения присущих ей в настоящее время недостатков, все могло бы быть иначе, и, возможно, вряд ли можно было бы сказать, что общество не взяло бы на себя ответственность за фактическое искоренение этих недостатков радикальными мерами; но для этого открыты другие пути. В настоящее время общество требует права уничтожить убийцу, а несколько десятилетий назад была отнята жизнь и у вора. Но в то время как эти жизни были унесены обычаем, который является продолжением возмездия, и в котором государство занимает место пострадавшего человека или семьи, растет ощущение, что такой мотив не является лучшим или возвышенным, и что единственным оправданием для распоряжения жизнью или личностью отдельного человека является стремление к общему благополучию государства. Когда мы рассматриваем огромные жертвы в наше время тому, что когда-то считалось правами личности (таким как право каждого мужчины жестоко обращаться со своей женой или детьми и пренебрегать ими, или жить в любом антисанитарном доме или комнате, какие ему заблагорассудятся, или работать столько, сколько он пожелает, и т.д. и т.п.), Мы вряд ли можем провести, даже в воображении, черту, за которой государство в будущем не сможет найти способ предъявить претензии к личности. Однако крайне маловероятно, что передовые политики любого столетия когда-либо призовут к всеобщей битве с закоренелыми пьяницами или чахоточными, и нет

никакой вероятности, что работа профилактической медицины хоть на одно мгновение ослабнет, даже ради блага расы. Любовь к индивидууму предшествует, как в истории человечества, так и в истории жизни каждого индивидуума, любому отношению к расе, и последнее является всего лишь продолжением первого чувства. Следовательно, хотя существуют определенные и безотказные средства улучшения расы с помощью простых и негероических мер, никто ни на минуту не станет мечтать о том, чтобы лишить индивидуума всего, что могут сделать для него современная медицина и цивилизация.

Необходимость замены одного Избирательного агентства другим.

Микробы и другие селективные агенты улучшали расу или, по крайней мере, в прошлом предотвращали ее ухудшение, но из этого никоим образом не следует, что это действие должно быть им разрешено в будущем. Мы изучили их и проследили за историей их жизни; мы знаем, чем они питаются, а также что им вредит; мы можем их уничтожить; и человеческая привязанность, та эмоция, которая превосходит все другие, которой мы должны доверять для совершенствования расы, требует полного контроля над “их безрассудными набегами”. Но если отбирающий микроб должен исчезнуть, мы должны заменить его чем-то другим. Если сегодняшние индивидуумы хотят иметь преимущество в виде лучшего поверхностного дренажа и отсутствия их микроскопических врагов, дети будущего не должны страдать от этого; и мы должны заменить избирательное влияние микроба избирательным действием предусмотрительности человека, которое обеспечит, чтобы только эти дети были произведены на свет здоровыми родителями. Нам не нужно бояться устранения селективных влияний, которые в настоящее время окружают нас, при условии, что отбор все еще продолжается; но если мы устраняем селективные влияния, не заменяя их другими, тогда расовый упадок неизбежен. В настоящее время люди с сильными проявлениями невменяемости или туберкулеза вступают в свободный брак. Опасности в определенной степени осознаются, но они, как правило, преодолеваются силой либо личного влечения, либо приданого. Мужчину могут привлечь к ответственности за то, что он не отправил своего сына в школу, но в настоящее время в обществе нет сильных настроений против сознательного рождения сына, который всю свою жизнь может страдать слабыми легкими или мозгом, и, следовательно, очевидное заболевание не является препятствием на брачном рынке.

Как получается, что рождение детей Больными родителями терпимо.

Мы не можем удивляться такому положению вещей, если вспомним тот факт, что в менее развитые времена, чем нынешние, быстро набираемое население часто было определяющей причиной продолжения существования нации. Сокращение населения, вызванное войнами и заразными болезнями, часто было настолько ужасным, что выживали только нации с высокой плодовитостью; и таким образом получалось, что все второстепенные вопросы сводились к одной великой необходимости, а именно к сохранению численности населения, достаточной для того, чтобы противостоять вымиранию или осуществить иностранное завоевание.

Вдобавок к этому, большая часть тяжело больного потомства умирала в младенчестве в результате неправильного кормления или отсутствия ухода, и не существовало такой вещи, как существование большей части общества, проявляющей рост наследственной слабости. В этих условиях многодетные родители еще больше увеличивали силу и могущество общества, и рождение детей стало рассматриваться как добродетель. Такой взгляд на вопрос вполне

естественно сохранился и, вероятно, является причиной того, что в наши дни брак с больным человеком не рассматривается как грех против детей, которые должны родиться, и против общества в целом.

Необходимость производить Потомство из наших Лучших Представителей.

Но цель, к которой мы должны стремиться, - это производство в каждом поколении детей только от самых лучших и здоровых представителей населения, поскольку, несомненно, только разумно, что мы как сообщество должны уделять размножению нашей собственной расы такую же заботу и внимание, какое садовник уделяет своим розам или хризантемам, или собаковод - своим гончим или терьерам, или скотовод - своим саутдаунам или шортхорнам. Мы можем быть уверены, что нет средства улучшить нашу расу столь эффективно, как путем отбора, и что другого пути нет, весьма вероятно; наш интерес к предмету и ценность, которую мы придаем изменениям, последствий которых мы никогда не увидим, будут определять, готовы ли мы приспособить наши идеи и способы действий к направлениям, которые разум и знание времени ясно указали как единственные, которым целесообразно следовать.

До сих пор я лишь в самых общих чертах обозначил цель, которую, по моему мнению, мы должны иметь в виду. В двух последующих главах нам предстоит рассмотреть несколько проблем, в чем-то сходных с теми, которые мы уже обсуждали, и тогда будет легче получить общее представление обо всем вопросе. Затем мы можем рассмотреть, какие шаги было бы целесообразно предпринять с целью обеспечения удовлетворительного отбора населения, всегда помня, что в таком вопросе ничего нельзя сделать без санкции и одобрения широких масс общества. Законодательству должны предшествовать образование и убеждение масс, так что нам придется рассмотреть, что целесообразно с практической точки зрения для нас делать в настоящее время, и мы оставим рассуждения о возможных будущих действиях тем, кто обладает большим даром предвидения и кто верит в возможность предсказать будущие действия такой сложной машины, как империя мужчин и женщин.

СНОСКИ

[19] “Проблемы Великой Британии”, том i, глава ii.

[20] “Законодательство о спиртных напитках в Соединенных Штатах и Канаде”. Рэтбоун и Фэншоу.

[21] Указ. соч., стр. 104.

[22] Указ. соч., стр. 170.

ГЛАВА V. ПРЕСТУПНИКИ, НЕДЕЕСПОСОБНЫЕ И ТЕ, КТО В БЕДСТВЕННОМ ПОЛОЖЕНИИ.

В последних двух главах мы видели, что есть все основания полагать, что из-за улучшения внешних условий и, в частности, санитарных достижений, являющихся результатом усилий профилактической медицины, общая конституциональная устойчивость расы ухудшается. Те

органы отбора, которые в более примитивные времена уничтожали больных, особенно в ранние годы их жизни, частично были удалены или модифицированы, в результате чего болезненные сохраняются и в большем количестве доживают до периода деторождения, увеличивая среднюю продолжительность жизни, но заметно увеличивая уровень смертности после достижения среднего возраста. Эти больные оставляют после себя детей, которые, как само собой разумеющееся, передают свое телосложение расе. В наше исследование болезней мы включили невоздержанность, поскольку в случаях, когда существует явная склонность к пьянству, и за исключением тех случаев, когда это просто привычка, приобретенная в плохой компании, мы можем рассматривать это как симптом некоторого врожденного отклонения от нормы, и поэтому долг врача лечить это как любое другое конституциональное заболевание. В том же свете мы обязаны рассматривать дела многих преступников и лиц, которые из-за какого-либо врожденного дефекта неспособны вносить свой вклад в работу общества.

Преступление часто является Приобретенной Привычкой.

Вполне вероятно, что большая часть преступников - это жертвы несчастного случая или порочной дрессировки. Дети очень склонны к подражанию и склонны усваивать привычки и даже образ мыслей тех, кто их окружает; а дурной пример в семье или пренебрежение родителей, которые, возможно, в свою очередь тоже пострадали от дурного примера и пренебрежения, часто накладывают отпечаток на характер ребенка на всю жизнь. В школе ребенок снова окружен влияниями, которые часто влияют на него на протяжении всей жизни к добру или ко злу, и позже он все еще восприимчив ко многим злым искушениям, которые в его случае могут быть чрезвычайно сильными. Следовательно, все мы являемся совокупностью наших врожденных качеств и тех, которые были, так сказать, наложены на нас печатью контакта с внешним миром; и мы не имеем права судить бесцеремонно о врожденных качествах преступника без очень обширных знаний о его воспитании, а также об искушениях и влияниях, которые его окружали. Воровство, совершенное человеком по необходимости, ни в коем случае не должно подразумевать столь порочный темперамент, как у человека, который тратит свою жизнь на то, чтобы взять верх над своими менее умными соседями, и обогащается за счет потери других, как это делается многими так называемыми законными способами; а убийство человека в состоянии аффекта может быть совершено тем, кто был бы неспособен уладить старую обиду, подло воспользовавшись врагом. Опять же, многие преступники являются неспособными, доведенными до преступления своей неспособностью; поэтому давайте изучим их вместе с неспособными.

Прирожденный Преступник.

Однако помимо тех, кого мы только что упомянули, есть группа прирожденных преступников, чьи ноги по природе своей идут кривым, а не прямым путем, чьи жизни чередуются между злоупотреблением публичным правом и влекущим за собой наказание. Они зачинают детей, и страдания, которые они причиняют и которые приходится терпеть, передаются от родителей к потомкам. В каждом населенном пункте эти отпетые преступники хорошо известны отправителям правосудия. Раз за разом они подвергаются наказанию, и бессмысленно и умышленно упускаются все шансы на улучшение; кажется, им не хватает чувства личной ответственности и желания, чтобы их уважали, которые являются одними из необходимых первых принципов жизни в организованном сообществе.

Семья Джакс.

Истории многих из этих преступных семей были написаны, и, пожалуй, самой известной и поразительной является история семьи Джакс, написанная Р. Л. Дагдейлом. Дагдейл отслеживал эту семью на протяжении семи поколений, и за это время она внесла свой вклад в благосостояние государства, пережив беспрецедентную историю пауперизма и преступности. Действительно, редко удастся проследить историю преступлений так далеко, как в случае с Джуксом, и причина в том, что большинство семей расходятся в результате смешанных браков, и пятно размывается и больше не бросается в глаза. Выдающийся французский писатель Эмиль Золя, который в серии романов прослеживает историю преступной семьи, впадает в ошибку, полагая, что такая вещь, как долгая семейная преступная история, возможна без изоляции от остального общества. Семья Джуксов жила отдельно в американском районе, и они образовали семейный клан и вступали в браки между собой, таким образом соблюдая эту изоляцию, которая является необходимостью для длительного сохранения любой семейной характеристики.

Смешанные браки не искореняют преступных наклонностей.

Тогда, возможно, можно было бы сказать, что смешанные браки и распространение криминальной заразы действительно являются наиболее простым способом избавиться от нее. Но этого не может быть, поскольку более разумно предположить, что, хотя в результате смешанных браков интенсивность преступной склонности может быть уменьшена, все же по той же причине количество индивидов с этой врожденной склонностью будет еще больше увеличиваться, и что дальнейшие смешанные браки этих индивидов с другими людьми, имеющими сходные черты характера, могут в любое время привести к постоянному воспроизведению закоренелого преступника. Мы можем разбавить чернила водой, чтобы больше не видеть, что они черные, но мы не осмеливаемся сделать вывод, что чернила были испорчены. Столь же невозможно поверить, что преступный налет может исчезнуть, если преступникам полностью не помешать присоединять свое потомство к потомству остального общества.

Можно было бы предположить, что в случае с семьей Джаксов их преступление было вызвано имитацией вредных привычек, сохранявшихся в изолированном районе, в котором они жили. Следует сразу признать, что большая часть их преступлений и пауперизма, без сомнения, была вызвана плохим воспитанием и загрязненной моральной атмосферой, в которой они жили; тем не менее, у нас есть основания верить в существование такой вещи, как врожденное отсутствие морального стержня, вероятным примером которого они были. Нам не нужно далеко ходить, чтобы обнаружить в нашем повседневном опыте жизни, что из семьи, члены которой в большинстве своем послушны, подчиняются дисциплине и способны на привязанность и самопожертвование, одному или двоим, возможно, от природы недостает этих качеств. Такие единичные случаи следует объяснять только на том основании, что недостатки в их происхождении проявились у нового поколения, поскольку криминальный налет - это факт, который необходимо наблюдать и учитывать, как и любую так называемую физическую особенность формы или признака. Отсюда также следует, что мы обязаны смотреть с величайшей жалостью и сочувствием на закоренелого преступника, как на больного человека,

и что мы должны приложить все усилия, чтобы предотвратить повторение или дальнейшее постоянство такого типа.

Сегрегация преступника - последнее и эффективное средство.

Таким образом, мы сталкиваемся лицом к лицу с необходимостью практических действий с нашей стороны, если мы хотим выполнить наши обязательства перед теми, кто придет после нас. Как отмечает Пайк, [23] “Бессрочное заключение неисправимых — заключение не только номинально, но действительно пожизненно — было бы одной из многих причин того изменения общего тона общества, которое, как показала история, является величайшим средством предупреждения преступности в современном понимании. Подобно лицам, больным скарлатиной или другими инфекционными заболеваниями, преступник—пропагандист должен быть помещен в соответствующую ему больницу — тюрьму - и, если он неизлечим, должен содержаться под стражей до своей смерти. Подобно чахотке или другому наследственному заболеванию, преступная склонность в конце концов перестала бы передаваться по наследству, если бы все, кто был заражен ею, были вынуждены жить и умереть бездетными. Лекарство может быть болезненным и даже жестоким, но, возможно, еще большая жестокость и еще большая боль могут быть причинены пренебрежением, которое позволяет физическим и социальным болезням беспрепятственно распространяться ”.

Многие прирожденные преступники и те, кто совершил преступление скорее из-за нужды или дурного примера, чем из-за какой-либо врожденной склонности, рано или поздно попадают в приход. В одних и тех же отделениях богадельни или получая ту же помощь на улице, мы находим этот преступный класс вместе с неспособными и заслуживающими помощи бедняками. Это, действительно, самое прискорбное положение вещей, поскольку мы вынуждены проводить четкую демаркационную линию между теми, с одной стороны, кто испытывает нужду из-за приобретенных привычек безделья, теми, кто врожденно неспособен, и теми, с другой стороны, кто в течение своей жизни страдает от болезней, невзгод или старости. Мы обычно говорим об этих классах как о “бедных”, и неудачное использование этого термина в качестве общего описания совершенно разных условий привело к самым нежелательным последствиям.

Наше неудачное употребление слова “Бедный”.

У нас всех, у кого недостаточно средств к существованию, мы называем “бедными”, мы помогаем им из государственного бюджета и считаем, что, поступая таким образом, мы подчиняемся христианскому учению. Эта теория и ее практика обусловлены неряшливым складом ума, а также, возможно, неполным знакомством с учением Священных Писаний. “Бедный” на библейском языке, очевидно, означает достойного и несчастного, вероятно, неспособного, но уж точно не обычно праздного и порочного. Мы не просто приходим к такому выводу, поскольку на этот счет есть положительные утверждения. Святой Павел сказал: “Кто не хочет работать, тот не будет есть”, [24] и еще: “Тот, кто не обеспечивает свой дом, хуже неверующего”. [25]

С несчастными, Престарелыми, Неспособными и Порочными обращаются одинаково.

Наши предки были более разборчивы в этом отношении, чем мы, и даже в правление Генриха VIII. была проведена грань между “бедными, бессильными, больными и недужными людьми, больными в самом деле и не способными работать, которых можно обеспечить, поддержать и облегчить, и такими сильными и похотливыми, которые, имея достаточно сильные конечности для работы, могут ежедневно находиться в непрерывном труде, в результате чего каждый из них может зарабатывать себе на жизнь своими руками”. Если, однако, мы немного внимательнее вникнем в этот вопрос, то сможем распознать по крайней мере три совершенно различных класса людей, объединенных под термином “бедные”, и ко всем из которых общество относится практически одинаково. Как мы сейчас увидим, грубый и необдуманный подход, с которым мы рассматриваем эти три группы, привел к вопиющей жестокости и несправедливости, с одной стороны, и к опрометчивой помощи - с другой.

В тех же комнатах и палатах богадельни или получая помощь в рамках той же системы помощи на улице, мы находим тех, кто из-за врожденных или приобретенных пороков образует преступный класс, ничем не отличающийся от достойных и респектабельных мужчин и женщин и их детей, единственная вина которых заключалась, возможно, в том, что их небольшие сбережения сверх необходимого были потрачены слишком небрежно или даже, возможно, были вложены в общество, управляемое нечестными людьми; мы находим вдов и сирот мужчин, которые умерли от несчастного случая или болезни в ходе регулярной и ответственной деятельности. почетная работа. К ним будет примешан класс, который нам особенно нужно изучать, — неспособные; бедный тип, с физическими и умственными недостатками, такими как безумие, эпилепсия и идиотизм, и к ним следует отнести многих бродяг. Там, где законы или нормативные акты разрабатываются так, чтобы иметь дело с этими тремя классами, как если бы они составляли один естественный класс, возникает величайшая несправедливость по необходимости. Законодателям приходится иметь дело с праздными и порочными, а также с достойными и находящимися в бедственном положении, и, объединяя эти классы вместе и устанавливая правила, применимые ко всем, с некоторыми по необходимости обращаются более доброжелательно, чем они заслуживают, в то время как другие становятся жертвами незаслуженной жестокости.

Впервые этот факт был насильно доведен до моего сведения случаем в богадельне на севере страны — случаем, который вполне отражает нынешний позорный метод обращения с теми, у кого нет средств к существованию. Женщина, вдова солдата, чей муж и трое сыновей (все солдаты) погибли на действительной службе, осталась без родственников. Она обеспечивала себя сама и жила скромно до глубокой старости, когда слабость и начинающаяся гангрена стопы вынудили ее обратиться в богадельню, где она умерла в одиночестве, не навестив ни одного друга. Я видел ее в соседней постели с пьяной проституткой. Одна женщина пожертвовала своим телом на защиту страны, другая пожертвовала своим телом на ее гибель, и все же страна относилась к ним обоим одинаково, потому что они одинаково нуждались в хлебе.

Юристы и законодатели пытались, с ограниченным успехом, справиться с этими вопросами еще со времен принятия первого закона о бедных в 1601 году; возможно, им это не удалось из-за их точки зрения и подхода. Врач, привыкший изучать свои случаи, каждый со своими особыми симптомами и каждый со своими соответствующими методами лечения, возможно, справился бы лучше, чем его законный брат. Мы должны смотреть глубже, чем просто на поверхность, мы не должны довольствоваться тем, чтобы отдать хлеб и уйти, и чувствовать, что наш долг выполнен.

В этом виноваты наши Законы о бедных.

Что касается первого класса, тех, кто ленив и порочен и не будет работать, хотя и способен на это, мы должны помнить, что само сообщество в некоторой степени виновато в нынешнем положении вещей.

До 1834 года законы о бедных в сельских округах обычно обеспечивали безработных тем, что считалось достаточным, и те, кто поддерживал себя за счет независимой промышленности и производственных мощностей, часто жили хуже, чем те, кто получал регулярную помощь от закона о бедных. “Скудный рацион питания бедняка, еще более скудный рацион питания мелкого налогоплательщика и еще более скудный рацион питания независимого работника”, - отметил свидетель в отчете уполномоченных по борьбе с беднотой от 1834 года. Таким образом, нельзя отрицать, что существует определенная потребность в независимости (особенно, возможно, в сельских округах), порожденная методами оказания помощи, применявшимися в прошлые времена. В результате этого те, у кого нет физической и умственной дисквалификации для работы, обращаются к закону о бедных за помощью в трудную минуту и, рассчитывая на уверенность в этой помощи, менее усердны в своих усилиях обеспечить себя в трудный час. Порок также усиливается у тех, кто знает, что во время нетрудоспособности, которая может последовать за его проявлением, дверь работного дома открыта для них и что в промежутках между каждым дебошем нужно иметь пищу и кров.

Организованная благотворительность возникла в интересах больных, престарелых и других действительно достойных бедных, но слишком часто этим пользовались ленивые и порочные.

Праздные и Порочные люди подпадают под действие Уголовного закона.

Но хотя общество совершило такую большую ошибку в прошлом, это не причина, по которой эта система должна сохраняться. И то, что он должен это делать, нецелесообразно как в интересах плательщиков ставок, так и в интересах тех, на кого эти ставки расходуются.

Ставки для бедных, как правило, выплачиваются с крайней неохотой, тогда как, если бы считалось, что они должны быть опорой для престарелых и нуждающихся, это нежелание в значительной степени исчезло бы. Люди достаточно щедры — посмотрите на сердечную поддержку, повсеместно оказываемую дополнительным благотворительным организациям, — но мало кто платит по их ставкам для бедных добровольно, поскольку они знают, что в большинстве случаев эти ставки идут на поддержку пьяниц, порочных и ленивых. Что касается самих нищих, то в распоряжении достойных бедных не только увеличилось бы количество средств, но и моральная атмосфера богадельни и службы помощи была бы полностью очищена за счет исключения крепких нищих, трудоспособных, но праздных и порочных, которых следовало бы поместить отдельно и обращаться с ними по отдельным правилам. Они являются

субъектами полиции и уголовного права; как изгои человечества, мы можем попытаться вернуть их, но, пока они не востребованы, пусть они почувствуют все последствия своего неправомерного поведения. В тюремной камере теплее, чем в расщелине в скале или яме, в которой укрывался первобытный британец, а тюремная пища лучше, чем была его пища. Почему же тогда праздный и нечестивый бродяга должен пользоваться преимуществами цивилизации, созданной напряженным трудом тех, кто его окружает, трудом, в котором он не будет принимать никакого участия?

Этому классу мы можем, если захотим, предложить работу, но, предлагая хлеб, мы берем на себя большую ответственность, чем, возможно, осознаем. Еда и одежда означают силу жить и вступать в брак, и поскольку ресурсы каждого человека ограничены, когда мы даем что-либо, даже пенни проходящему мимо нищему, мы отдаем часть этой силы, мы берем на себя ответственность за “выбор” и влияем на этот выбор, пусть и не в такой малой степени. Мы играем с человечеством роль садовника со своими цветами или фермера со своим скотом.

Это очень важная функция, и ее трудно выполнять разумно, тем не менее, все мы предполагаем выполнять ее без раздумий или подготовки. Не может быть никаких сомнений в том, что законодатели, ответственные за нынешнее состояние общественной благотворительности, и частные лица, помогающие в делах, за тщательное расследование которых они были слишком ленивы, чтобы взяться, частично несут ответственность за увековечение преступных классов в обществе.

Бедняки на самом Деле.

Если мы поместим порочного и праздного, хотя и способного, бедняка с одной стороны, в отдельный класс — класс преступников, — мы сможем справедливо и разумно поступить с двумя другими классами.

При различных условиях жизни на некоторых людей почти не оказывается давления, и бремя ложится на плечи других людей легко. Наши условия жизни, хотя, возможно, в основном и избирательны, отнюдь не одинаковы, и таким образом получается, что количество денег в кармане человека не является определенным критерием даже его способности их зарабатывать. Особенно в таком обществе, как наше, где люди за всю жизнь переходят от бедности к богатству или наоборот, и часто в результате окружающих условий, над которыми они не властны, мы можем столкнуться с глупостью и пороком, роскошно расположившимися на флорентийских подушках, в то время как интеллект и добродетель покоятся на тростниковом дне. Как я надеюсь вскоре показать, в цивилизованном государстве слишком мало избирательного влияния. Некоторые из наших старых аристократических семей, без сомнения, с самого начала возглавлялись людьми с большими способностями, но именно организация римской цивилизации дала им победу над их менее организованными соплеменниками, обосновавшимися в Англии. Кровь за кровь, врожденное качество за врожденное качество, выбирать между ними было не из чего, но обстоятельства сделали одного вилланом, а другого лордом. Избирательные влияния, которые могли бы действовать в сообществе дикарей, в значительной степени сдерживались унаследованной собственностью и классовыми различиями; и хотя, к счастью, хорошие люди постоянно возвышаются, а порочные, праздные падают, все же это в значительной степени сдерживается. Таким образом, мы находим в низшем классе множество мужчин и женщин превосходного телосложения и умственных способностей, делающих в своей жизни столько, сколько от кого-либо можно ожидать. С

биологической точки зрения — точки зрения крови, костей, мышц и мозга, точки зрения, которой мы в нашем биологическом исследовании обязаны придерживаться, — низший рабочий класс немногим уступает по качеству, в то время как по численности они превосходят высший и средний классы. От меняющихся условий жизни (условий, неоднородных ни для одного класса) они особенно страдают, поскольку приближаются к пределу, переход которого означает лишение всего необходимого.

Наше ошибочное отношение к ним.

Следовательно, у нас нет права предполагать, что, когда мы обнаруживаем вокруг себя нужду, обездоленные по необходимости больше виноваты в своей жизни, чем мы в своей. Возможно, они были трудолюбивы и предусмотрительны, и все же пали жертвами нужды. Любая нотка снисхождения в нашем отношении к этому классу является грубейшей дерзостью, и наш долг, если мы вообще помогаем, делать это как брат друг другу, просто и естественно. Получателям помощи следует позволить почувствовать, что они получают только то, что сами были бы готовы отдать; что они должны принимать это не как пособие, которое с горечью съедают, а как подарок друга, которым можно наслаждаться.

В этих случаях мы слишком склонны оставаться в стороне и ничего не предпринимать или вмешиваться только тогда, когда уже слишком поздно, так что, пока самые отбросы преступных классов получают поддержку, достойным членам общества позволено проходить через обстоятельства крайнего бедствия без чьей-либо помощи. Бесчисленные истории, многие из которых, несомненно, правдивы, о крупных суммах, ежегодно зарабатываемых хорошо одетыми мошенниками, попрошайничающими, показывают, как мало наши эмоции руководствуются нашими мыслительными способностями. Мы слишком склонны уступать, когда наши чувства испытывают шок, и слишком часто мы неспособны действовать в ожидании катастрофы, которой еще нет перед нашими глазами. Сколько вокруг нас людей, попавших в затруднительное положение, которые при некоторой разумной помощи могли бы сами вернуть себе процветание. Слишком часто мы ждем, пока не станет слишком поздно, пока практически все не будет потеряно — пока, на самом деле, на наши “чувства” не будут в достаточной степени воздействованы.

Неспособные.

В то время как первый из классов, на которые мы разделили “бедных”, лишены средств к существованию в результате порочного воспитания, а второй - из-за тягот их особого окружения, третий класс лишен средств к существованию из-за врожденной неспособности. К идиотам, душевнобольным, эпилептикам и другим людям, страдающим серьезными конституциональными дефектами, следует добавить бродяг, которые не хотят, потому что не могут выполнять обычную работу. Я говорю “не могу”, потому что считаю, что класс бродяг сам по себе образует интересную и малопонятную группу. Они заполняют наши рабочие дома, в которые толпятся в ненастную погоду, уезжая из городов в деревню весной и возвращаясь туда осенью. Они спят в сараях, под скирдами или изгородями и живут на то, что могут найти, выпросить или украсть. Они женятся и заводят детей, которые часто являются источником прибыли от возросшей благотворительности, которую они приносят. Дайте им лопату, чтобы копать, молоток, чтобы разбивать камни, или сад, чтобы пропалывать сорняки, и они устанут от постоянно повторяющихся действий, будь то самые простые; о сложных манипуляциях или

задачах, требующих предусмотрительности или внимания, для них не может быть и речи. Они будут отгонять грачей от полей, топтать камыш или ловить кролика в ловушку, но неинтересное занятие, результат которого не достигим немедленно, для них невыносимо. Мы вряд ли можем не заметить в этом классе, во многих случаях, прямых потомков наших более диких предков, которые, скорее всего, никогда не смешивались с потоками цивилизации, протекавшими рядом с ними. Они продолжали существовать примитивными и ненадежными средствами, принятыми древними людьми для добывания средств к существованию. Благотворительность, во-первых, монастыря, а во-вторых, закона о бедных, сохранила им жизнь, и сегодня они рядом с нами.

Сегрегация в конечном счете необходима для их Устранения.

Каким бы ни было их происхождение, они существуют, ведя существование, которое является анахронизмом и аномалией в нашей цивилизации. Им присущи тяготы и лишения дикаря, но из-за их положения в обществе, из которого они составляют самые низкие отбросы, они не обладают его преимуществами. Их предок из эпохи неолита, живший в Сассекс-Даунс или Йоркшир-Вулдс и стрелявший в канюков стрелами с кремневыми наконечниками, чувствовал свое превосходство среди окружающих, и у нас есть все основания полагать, что он был таким же гордым человеком, как и любой из нас. Но бедный бродяга, изгой и иждивенец, живет жизнью худшей, чем жизнь пастушьей собаки в поле, и увековечивает это несчастье из века в век. Здесь, как и в случае с идиотами, эпилептиками и другими представителями этого класса, явно есть основания для сегрегации. Очевидно, что все они непригодны для самосохранения, и в наилучших интересах человеческого вида им следует помешать сделать это.

В этой главе мы увидели, что подобно тому, как профилактические лекарства, предметы роскоши и комфорта современной цивилизации до сих пор вели к деградации расы, точно так же наши законодатели делали все возможное, чтобы увековечить некоторые из худших штаммов, присущих обществу, штаммов, которые в обществе без законов о бедных давным-давно прекратили бы свое существование. Таким образом, хотя совершенно ясно, что цель, которую мы должны иметь в виду, - это прекращение увековечения преступников и недееспособных, любое предложение об их разделении тем временем вероятно, будет воспринято неблагоприятно. В случае с нездоровыми мы можем надеяться, что силой общественного мнения вскоре предотвратим такие браки, которые сегодня являются слишком распространенным явлением, но в случае с преступниками и недееспособными дело обстоит иначе. Их не должно касаться чувство общественного долга, поскольку они лишь подчиняются преобладающим влияниям момента. Их жизни должны быть упорядочены за них, и ответственность за их действия должна лечь на другие плечи. Нельзя отделаться от мысли, что за это время можно было бы сделать большой шаг, очистив богадельни от всех недостойных обитателей. Преступные классы тогда остались бы сами по себе, и общественность, постепенно научаясь рассматривать их в их истинном свете, вероятно, очень скоро отказалась бы поддерживать их, поколение за поколением, и пришла бы к пониманию того, что их сегрегация при обстоятельствах, не связанных с личными трудностями, уменьшится и со временем устранил зло.

С ними нельзя обращаться как с хроническими больничными пациентами.

На неспособных, которых видят бок о бок с обездоленными и престарелыми, тогда будут смотреть с тем сочувствием, которого они действительно заслуживают. Их жизнь могла бы стать более достойной, чем она есть в настоящее время, и богадельня могла бы стать рассматриваться как больница и приют для несчастных, а не как прибежище для пьянства и порока. Обитатели этих унылых зданий могли бы тогда получить свою долю доброго внимания и почувствовать некоторое тепло человеческого сочувствия, в котором им сейчас отказано.

СНОСКИ

[23] “История преступности в Англии”, том ii., стр. 579, 580.

[24] 2 Фессалоникийцам iii. 10.

[25] 1-е Послание к Тимофею, ст. 8.

ГЛАВА VI. КОНКУРЕНЦИЯ.

Соревнование мозга с Мозгом.

В предыдущей главе у нас было достаточно доказательств того, что в человеческих обществах, как и в животном мире, идет очень острая борьба. Эта борьба проявляется в колоссальных масштабах, когда целые расы вступают в бой друг с другом, и успех сопутствует той, которая превосходит их в каком-то качестве ума или тела, или которая богата обладанием какой-то военной машиной. Мы видим зрелище восточного царя, использующего поработенный народ для строительства ирригационных сооружений или храма или пирамиды; или, переходя к более современным временам, мы видим мексиканскую цивилизацию, разрушенную испанцами, или массовое истребление диких рас британцами. Точно так же и среди отдельных членов любого данного сообщества можно наблюдать во многом ту же борьбу, в которой бедные оказываются побежденными, а богатые - побежденными в борьбе.

Демонстрирует ли Гонка Повышенные способности Мозга?

Это соревнование индивидуумов в нашем собственном сообществе всегда было соревнованием, в котором сила мозга сравнивалась с силой мозга, а не объем мышц с объемом мышц, и интересно исследовать, увеличила ли наша раса свои врожденные интеллектуальные способности в результате этой борьбы в течение исторического периода, и, более того, какие изменения, вероятно, произойдут в будущем.

Прежде чем мы сможем рискнуть продолжить это исследование, необходимо сразу же отделить друг от друга вопрос о нашей врожденной интеллектуальной активности и вопрос о нашей интеллектуальной собственности. Мы, живущие в этом девятнадцатом веке, являемся наследниками огромного фонда накопленных знаний — интеллектуальной собственности, — которая бесконечно превосходит ту, которой обладали греки во времена Сократа и Платона, и

все же я не думаю, что кто-то осмелился бы утверждать, что средний англичанин наших дней обладает лучшей мозговой тканью и соответствующей интеллектуальной активностью, чем та, которой обладал средний древний грек; более того, некоторые вместе с Гальтоном сказали бы, что умственная мощь англичанина очень низка. Мы всегда должны иметь в виду, что благодаря нашему владению устным и письменным языком наша интеллектуальная собственность, как и наша материальная собственность в виде домов, земли и т.д., передавалась и продолжает передаваться нам из поколения в поколение, и что в настоящее время мы являемся получателями накоплений, накопленных неустанной интеллектуальной деятельностью наших прямых и косвенных предков. Следовательно, мы не можем определить, увеличивается ли наша интеллектуальная активность по объему знаний, которыми мы обладаем, и мы должны искать какие-то другие доказательства.

Столь же бесполезным было бы сравнение интеллектуальной активности греков или римлян и нас самих, беря в качестве критерия, скажем, количество выдающихся писателей на миллион населения; ибо греческий и римский народы не связаны с нами прямым родством, а являются дальними кузенами. Однако мы можем получить информацию, имеющую величайшую ценность, об интеллектуальной мощи наших прямых предков в эпоху, которая может быть отсчитана на тысячи лет назад. Хотя они не оставили после себя письменных свидетельств — ибо письменность даже в более позднюю часть рассматриваемого периода была грубым орудием труда и находилась в руках очень немногих, — все же они оставили после себя, погребенные в своих могильных холмах, свои черепа, безмолвные свидетели силы и активности умов, которые когда-то населяли их.

Неолит по сравнению с современными английскими черепами.

Череп - это костный покров мозга и крупных органов чувств, расположенных в голове; он развивается вместе с ними и адаптируется вместе с ними по мере того, как эти органы в процессе роста приобретают свои надлежащие расовые и семейные характеристики. Путем исчерпывающего изучения и сравнения черепов различных особей разных рас антропометрист может с уверенностью утверждать относительно черепов неизвестных лиц их расовую принадлежность и их общее положение на шкале интеллектуального развития. У расы, где сила мозга велика, мозговая чаша большая и вместительная, чтобы вместить находящийся в ней орган; это череп с большим мозгом и малой челюстью. В расе, в которой мощность мозга ограничена, у нас череп с маленьким мозгом и большой челюстью. У рас, находящихся во многом на одинаковом интеллектуальном уровне, но отличающихся друг от друга особыми физическими и умственными особенностями, череп, как правило, является узнаваемой чертой, и можно сразу отличить длинный череп арийца от более широкого черепа финна или мадьяра.

Многие из только что упомянутых могильных холмов были вскрыты, в частности генералом Питт-Риверсом и каноником Гринвеллом, и в нескольких сотнях экземпляров были найдены остатки хорошо сохранившихся черепов. Они восходят к очень отдаленной древности, во многих случаях к каменному веку, который мы можем отнести, по крайней мере, к христианской эре. Когда эти черепа были исследованы, оказалось, что они похожи на многие из наших собственных. Когда мы смотрим на них, мы чувствуем, что нет никаких оснований предполагать, что они относятся к более низкому типу, чем наш собственный, или что мужчины и женщины, останками которых они являются, не заняли бы равного статуса в обществе с нами, если бы обладали нашими преимуществами в виде образования и т.д. Некоторые из них, особенно те,

что были извлечены из могил викингов, должно быть, принадлежали великолепным представителям человечества.

Приостановка развития мозга со времен неолита.

Свидетельства, и они наиболее существенного рода, по-видимому, убедительно указывают на практическую приостановку органического интеллектуального развития с тех пор, как человечество впервые сформировало простые сообщества в целях самообороны и взаимопомощи, и до настоящего времени. Из этого следует, следовательно, что, хотя мы накапливали интеллектуальную собственность, мы не обязательно стали более интеллектуально активными.

Социальные сообщества не допускают уничтожения Менее Интеллектуально способных.

Но вполне естественно спросить, насколько такое положение вещей совместимо с нашими взглядами на отбор? ибо мы видели, что борьба и соревнование между мозгами продолжают непрерывно, и кажется естественным, что мозг сообщества должен улучшаться путем отбора.

Здесь, однако, мы подходим к существенному различию между результатами конкуренции одного животного с другим, а также между результатами конкуренции одного члена сообщества с другим. В животном мире больные, или немощные, или неполноценные всегда стремились к разрушению, и их более способные собратья, как правило, были заинтересованы в их уничтожении. Больной домашней птице или голубю приходится не только в крайне невыгодных условиях конкурировать со своими собратьями за пищу, но и сталкиваться с безжалостным инстинктом, который побуждает здоровых птиц уничтожать ее, как только становится очевидной ее слабость. В животном мире конкуренция ведется не на жизнь, а на смерть; это соревнование без компромиссов, в котором победитель остается один, чтобы продолжить род.

Но человек стал социальным животным и живет сообществами, и само существование социального сообщества подразумевает, что его члены уже приобрели определенное уважение к благополучию своих собратьев, поскольку целью общества даже в его самой примитивной форме является благо для многих. Это правда, что в человеческом сообществе каждый делает все возможное для себя, но даже среди так называемых изгоев общества существуют социальные узы, которых нет в животном мире, которые часто связывают человека с человеком со странной прочностью. Мы считаем наши собственные интересы, безусловно, самыми важными, но в то же время мы проявляем некоторое уважение к интересам других, и самый дикий человек способен на ту самую человеческую добродетель, которая называется дружбой. Следовательно, хотя мы можем преследовать свои собственные цели в жизни, мы не всегда полностью независимы от других. Мы довольствуемся тем, что становимся богатыми и влиятельными, в то время как наш сосед остается бедным; и наши инстинкты себялюбия настолько сильны, что нас сильно ранит, когда он обгоняет нас в гонке за богатством, хотя, несмотря на это, мы боимся причинить ему реальный вред.

Сила человеческого мозга приводит всего лишь к Накоплению Богатства.

Следовательно, борьба между членами одного и того же сообщества - это не столько борьба за существование, сколько борьба за избыток доступных благ. Это борьба за собственность, и,

следовательно, не обязательно борьба, в которой наиболее успешным будет крупнейший производитель расы. В то время как молодой лев убит своим более сильным соперником, а крыса с поврежденной конечностью немедленно подвергается нападению, убивается и съедается своими собратьями, люди соревнуются друг с другом за власть и положение, а также за средства удовлетворения прихотей и получения удовольствия. Это действительно можно назвать гонкой за жадностью, в которой по природе вещей все не может быть на первом месте. У того состоятельного торговца больше мяса и вина, чем он может потребить, больше книг, чем он может прочесть, больше произведений искусства, чем он может понять, и все же он не удовлетворен; но есть одна вещь, которая для него приятнее всего остального, и это - обогнать своих соседей в жизненной гонке и, в свою очередь, сравняться с теми, кто когда-то бежал перед ним и кто когда-то оглядывался на него с презрением. Животное бессознательно борется за выживание, руководствуясь инстинктом острой необходимости самосохранения, но борьба человека в слишком многих случаях является для него приятным времяпрепровождением, которым он будет заниматься всю свою жизнь и будет охотно следовать шаткими шагами глубокой старости, хотя тем самым он затмевает то, что является самым благородным и лучшим в его человечности.

Хотя общество до недавнего времени было неспособно многое сделать для активного сохранения больных, которые, как следствие, были склонны становиться жертвами болезней и лишений, все же глупым и умственно неполноценным, хотя они и страдали в гонке за богатством, в какой-либо значительной степени не было позволено подвергаться крайним лишениям, и остается выяснить, внесли ли они свою долю потомства, поскольку, если они сделали это, легко понять, насколько незначительный прогресс в органической умственной деятельности мог иметь место. И на это действительно указывает сравнение наших черепов с черепами, взятыми из могильных курганов времен раннего неолита.

Дальнейшее изучение индивидуальных соревнований.

Однако, прежде чем мы попытаемся прийти к выводу о том, приносит ли человек, потерпев неудачу в мировом соревновании, как правило, больше или меньше потомства, чем тот, кому повезло больше, давайте более внимательно изучим детали этого соревнования с целью лучшего понимания условий, при которых оно происходит.

Давайте возьмем знакомую иллюстрацию. В обычном пешем забеге первым выходит сильнейший, при условии, что он в надлежащей форме, и забег рассматривается как проверка заслуг. Чтобы поощрить участников, у которых в противном случае не было бы шансов на победу, в некоторых из этих гонок обычно вводится гандикап, дающий преимущество в очках всем, кроме самого лучшего участника, которого называют “скретч”. Результат такой гонки не является надлежащей проверкой заслуг, и победитель часто оказывается самым слабым игроком во всей соревнующейся команде; он выигрывает ее из-за полученной форы. Теперь, в то время как дикий зверь и очень примитивный дикарь - все это “царапины” и никакой “форы” не дается, с другой стороны, цивилизованные сообщества, как только они прочно утвердились, вводят систему форы, которая не обязательно дает преимущество тем, кто в нем больше всего нуждается, но которая все равно приводит к тому, что борьба или гонка перестают быть таким верным и эффективным испытанием чистых заслуг, как это было раньше.

Участвующие в соревнованиях имеют имущественные ограничения. [26]

Это достигается многими способами, но ни один из них не является более эффективным, чем накопление и передача собственности. Вместо того чтобы влачить жалкое существование, все сообщества совершенно естественным образом учредили то, что известно как личная собственность; они разрешили отдельным лицам приобретать и передавать большое количество еды или одежды и т.д., Или то, что может быть преобразовано в это, а именно деньги. Предоставляя эту собственность тем, кто в ней нуждается, истребуя увеличения процента выплаты этой ссуды, богатство может приносить на постоянной основе достаточную сумму для содержания без дальнейших затрат труда. Путем зарабатывания богатства физическим или умственным трудом и путем приращения, произведенного ссудой богатства, это богатство накопилось в определенных семьях и в определенных классах, и эта власть передается из поколения в поколение. Для того чтобы получить богатство в любом количестве, как правило, требуется большое физическое мастерство или умственная тренировка, и это может быть достигнуто для ребенка только путем расходования богатства со стороны родителей. Таким образом, более состоятельные семьи в сообществе обладают либо достаточным состоянием, чтобы содержать своих детей в праздности, либо, во всяком случае, они могут поставить их на такое положение, которое позволит им самим создавать богатство. Дети из тех семей, которые обладают небольшим достатком, с самого начала оказываются в невыгодном положении, и только те, кто обладает исключительными способностями, могут преуспеть в борьбе со своими более удачливыми соседями.

Собственность не всегда достается наиболее способным.

Но если бы богатство и власть всегда оставались в руках самых способных, и если бы они всегда женились на способных женщинах, тогда богатство и власть были бы там, где они приносили бы наибольшую пользу; но это, конечно, было не так. Как уже отмечалось, во время завоевания земли и богатства присуждались тем из побеждающей стороны, кто проявил наибольшую доблесть в войне и интригах, за счет не менее способных людей среди побежденных. Таким образом, Англия получила дворянство, которое было практически на равных с ее простым народом, но которое, благодаря предыдущему контакту с чудесной организующей силой Римской церкви и с более цивилизованными сообществами Юга, овладело искусством организованной войны и, следовательно, необходимым подчинением многих немногим, уроками, которые расы, живущие в Англии, не имели возможности усвоить. В более поздние времена богатство и вытекающая из него власть, приобретенные благодаря мануфактуре и торговле, аналогичным образом достались как неспособным, так и способным, за исключением большего числа индивидов, принадлежащих к обоим классам. Те, кто жил на морском побережье, где к югу и востоку было возможно строительство гаваней, извлекали выгоду из развития торговли, которая когда-то возникла в этих районах; в то время как позже, после основания колоний на западе, в Штатах и Канаде, те, кто жил в прибрежном районе к западу, в свою очередь извлекали выгоду из торговли с западом. Частные лица, владеющие землей, представляющей ценность только для земледельца и, в свою очередь, приносящей большую прибыль, оказались без гроша в кармане из-за импорта сельскохозяйственной продукции по низким ценам. Другие, владеющие землями, содержащими определенные полезные ископаемые, обнаружили, что их богатство значительно возросло, и все в округе извлекли

выгоду из этой находки. Следовательно, из того, что А приобрел богатство, а В - нет, не следует, что А является даже лучшим приобретателем богатства, чем В, не говоря уже о других качествах, в которых В может иметь преимущество. Из этого могло бы следовать, и следовало бы в большинстве случаев, что А и В определили бы свое равенство или неравенство, если бы они были поставлены в аналогичные условия. Но, как мы видели, их условия редко бывают схожими; действительно, в значительной степени приобретение богатства - это лотерея. Хотя нельзя согласиться с тем, что каждый человек, приобретающий богатство, ловок в его приобретении, в то же время следует признать, что значительная часть тех, кто добивается успеха, обладает интеллектом выше среднего.

Владельцы собственности менее дееспособны, чем Приобретатели собственности.

Но шансы на то, что дети такого мужчины также будут умны в приобретении богатства, снова уменьшаются из-за шансов, что его жене будет не хватать именно этого качества. Мы не знаем точно, какую часть отец или какую часть мать вносит в создание потомства, и сам этот факт убедительно указывает на то, что каждый из них вносит во многом одинаковую лепту; если бы между их вкладами были какие-либо заметные различия, они были бы замечены, поскольку в повседневной жизни у нас так много возможностей для изучения подобных проблем. Таким образом, мы можем заключить, что среднестатистический ребенок в своих способностях зависит от матери в такой же степени, как и от отца. Теперь, даже если мы отложим в сторону вероятность выбора партнера, обладающего скорее противоположными качествами, чем чем-либо иным, - поскольку в браке нас привлекают те, кто нам не нравится, а не те, кто нам нравится, — шансы на то, что жена мужчины, который приобрел богатство, не превысят средних способностей. Согласно этой точке зрения, дети, рожденные в браке, в среднем будут обладать меньшими способностями, чем отец, если предположить, что он способный мужчина.

Таким образом, мы видим, что шансы найти способных мужчин и женщин — разумеется, имеются в виду врожденные способности — среди семей, наследующих богатство и положение, меньше, чем шансы обнаружить эти качества у тех, кто сам приобрел богатство, а также что действительно вероятно, что средние способности обладателей богатства лишь немного выше, чем в среднем по всему сообществу. Мы должны допустить, что существует небольшая разница, поскольку способности имеют свою ценность, и ряды богатых постоянно пополняются способными, в то время как в то же время ряды бедных пополняются неспособными.

Хотя это так, упомянутый анализ очень неполный, и мы находим в каждом классе людей с любым уровнем интеллектуальных способностей, от идиота до человека, способного давать постоянный импульс мыслям и действиям.

Бедный ребенок соприкасается с Богатым Ребенком.

Богатство состоятельных людей дает их детям — которые, как мы видели, не обязательно являются самыми способными — огромное преимущество в жизненном соревновании с сыновьями бедных, в результате чего, безусловно, в подавляющем большинстве случаев ребенок бедняка терпит поражение. Оставляя в стороне вопрос о личном влиянии отца на

получение выгодных должностей для своих детей, у которых, как правило, есть вакансии в его профессии или сфере бизнеса, богатый человек может дать им дорогостоящее образование, которое необходимо для их продвижения в мире. Энергичная личность всегда имеет большое значение, но тренировка необходима, а тренировка до недавнего времени была доступна только состоятельным классам. Английские университеты и государственные школы до недавнего времени были монополией высших и профессиональных классов, исключая даже среди этих классов многих, кто отличался по вероисповеданию от большинства общества. Двери любой профессии были закрыты для тех, кто обладал капиталом, и дети бедняков часто не могли получить даже элементарных книжных знаний, за исключением Шотландии, где начальное образование началось на триста лет раньше, чем в Англии. Дело в том, что целых 41 процент. число лиц, вступивших в брак в 1839 году, которые не могли написать свои собственные имена, иллюстрирует, насколько сильно большая часть общества, должно быть, страдала из-за недостатка образования.

Не только более богатые классы смогли дать своим детям образование с большим капиталом и лучшим образованием, чем их более бедные соседи, но и более бедные классы — и это тоже в сравнительно недавнее время — подверглись активному подавлению. Мы можем в этой связи вспомнить тот факт, что до XVI века английские рабочие были вынуждены получать заработную плату, установленную в некоторых случаях законом, а в других случаях судьями, которые часто сами были работодателями рабочей силы. Их заработная плата определялась главным образом ценами на продукты питания, и, чтобы предотвратить миграцию с целью повышения их заработной платы, они были прикованы к месту своего рождения путем наложения очень серьезного наказания, если они покидали свои родные места для работы в другом месте. На этих страницах никоим образом не ставится цель привести примеры того, что мы сейчас назвали бы недобросовестными сделками, направленными на дискредитацию владельцев богатства. У нас нет оснований предполагать, что наши предки были сознательно несправедливы, и нет никаких сомнений в том, что многие обычаи, действующие в наши дни, будут рассматриваться нашими потомками как грубое попрание принципов справедливости, как они их понимают.

Каждое поколение действует в соответствии со своими собственными представлениями, и если наша общественная совесть обостряется, а наши представления о добре и зле становятся яснее и более решительно управляют нашими действиями, мы должны помнить, что этот моральный прогресс является наследием, которым, как и нашими интеллектуальными и материальными благами, мы обязаны нашим предкам, и мы можем смиренно стремиться к тому, чтобы это, самое достойное из всех достояний, не уменьшалось по мере того, как оно проходит через наши руки.

Хотелось бы подчеркнуть, что в цивилизованных сообществах не хватает преимуществ, которые в равной степени распределялись бы между каждым ребенком, рожденным в сообществе. Без этого условия объединенные усилия сообщества никогда не смогут достичь своего максимума, поскольку большая часть индивидуальной власти подавляется, а значительная некомпетентность поддерживается совершенно искусственным образом, и конкуренция в значительной степени не в состоянии выдвинуть наиболее способных конкурентов.

Современные демократические попытки уравнивать Борьбу.

Хотя это несомненный факт, кажется вполне очевидным, что в последнее время произошли изменения в направлении, которое дает больше возможностей для индивидуальных достижений независимо от рождения и богатства.

Предпринимаются организованные усилия по соединению пансионов с университетами, с тем чтобы дети бедных могли, если они достаточно способны, сразу поступить в профессиональные классы. В интересах интеллектуальных усилий это очень желательно, поскольку тогда университеты будут привлекать своих студентов из более широкой области, и люди, обладающие умственными способностями, будут избавлены от простых механических занятий. Вряд ли можно объяснить, исходя только из предположения о расовом превосходстве, удивительный потенциал шотландских низменностей, родины стольких людей, отличившихся личными достижениями, поскольку англичане Восточного побережья той же крови, что и жители Низменностей, и разделение между Англией и Шотландией ни в коем случае не этнологическое, это скорее политическое разделение старого королевства Нортумберленд.

Но более разумно это можно объяснить превосходным начальным образованием по всей Шотландии и связью, которая давным-давно установилась между университетами и почти каждым приходом в стране. Лучшее образование, какое только может дать страна, уже много лет доступно каждому бережливому фермеру, который, если у него умный сын, может оплатить относительно небольшие расходы на его образование.

Англия до сих пор отставала в своей системе образования, но теперь образование, наконец, доступно как бедным, так и богатым. Начальное образование было преобразовано, и в настоящее время создаются университеты и колледжи в крупных населенных центрах, соответствующие потребностям и по средствам беднейших классов, и совершенно другой набор студентов готовится к интеллектуальной битве жизни, студентов, которые набираются не только из рядов английского дворянства, но также из низов среднего класса и ремесленников.

Благодаря учреждению, среди прочего, технических школ и колледжей, дети бедных теперь могут изучать механические искусства практически бесплатно, а организованная общественная щедрость заменяет случайное частное покровительство.

Таким образом, не только у бедных возрастает шанс подняться на высшие ступени жизни, но и высшие классы начинают рассматривать занятия, которые когда-то были ниже их внимания, как, в конце концов, наиболее подходящие для менее сообразительных и способных их детей, так что на жизненной лестнице происходит большее движение вверх и вниз, чем это было около пятидесяти лет назад. Когда-то на хирурга и практикующего врача смотрели свысока и приравнивали к лавочникам, а торговля во всех ее отраслях рассматривалась как необходимое занятие, которым могли заниматься только необразованные и нерафинированные люди. Но в настоящее время родители смотрят на этот вопрос с точки зрения более здравого смысла. Не все их сыновья могут быть землевладельцами, священнослужителями, юристами или солдатами, и поэтому их отправляют в банки, конторы и пивоварни, или, возможно, их вывозят выращивать апельсины или ухаживать за овцами в одной из колоний. О положении в жизни, на которое когда-то смотрели свысока, теперь думают лучше, поскольку мужчины и женщины не

отзываются плохо о должностях, которые могут занимать их дети или их ближайшие родственники.

Но хотя может показаться, что мы начинаем давать более полную волю индивидуальной власти и трудолюбию, никто ни на секунду не будет готов утверждать, что эти качества пока еще имеют свободный простор для своего действия. Тем не менее, в последнее время наметилась тенденция к разрушению более искусственно установленных барьеров между классами, так что богатство и власть становятся более доступными для тех, кто когда-то был лишен всякой надежды на это по рождению; в то время как дети состоятельных людей могут занимать должности, которые когда-то считались совершенно недостойными их. Таким образом, это, по-видимому, является тенденцией современных демократических усилий, но очень сомнительно, будет ли в конечном итоге достижимым результат, который, если его понять, будет очень приемлем для демократии. Классовые различия весьма искусственного характера, несомненно, быстро разрушаются, но только путем воссоздания других, обладающих наиболее устойчивым характером. Преимущества, которые сулит будущее, достаются, как и всегда, немногим, а не многим, поскольку борьба и соперничество все еще продолжают, и все не могут идти вровень. Путем более полного и тщательного отбора способных и интеллигентных людей из всех классов мы формируем и будем быстро продолжать формировать аристократию реальной ценности и отличия, с каждым поколением все более и более резко отделяющуюся от масс.

Мы едва ли можем сомневаться в том, что более способные всегда будут иметь в своем распоряжении больше средств для удовлетворения своих потребностей, чем относительно неспособные массы, поскольку общество всегда будет продолжать уделять композитору или искусному инженеру столько внимания, сколько было бы выброшено на человека, способного лишь к ограниченному развитию, поскольку ресурсы сообщества, более того, всей земли, строго ограничены, и только надлежащая доля этих ресурсов должна использоваться в соответствии с требованиями необходимости. Вполне возможно, что нынешний уровень комфорта трудящихся классов в будущем может быть значительно повышен, а их горизонты расширены; тем не менее, по сравнению с другими, они всегда будут бедны. Если каждый сможет одеваться в шелк и есть баранину и зеленый горошек, то эта привилегия перестанет цениться, ибо мы придаем значение не тому, чем обладаем, а тому, чем не обладаем. Полевые и городские рабочие сегодня едят лучшую пищу, лучше одеваются и имеют гораздо больше преимуществ, чем их отцы, и все же по сравнению с другими классами они остаются такими, какими были их отцы. Это “бедняки”, они жалеют себя, а более амбициозные стремятся к тому, что, по их мнению, есть у других. В настоящее время бедняк может, при некотором разуме и надежде преуспеть в более значительных делах, быть недовольным своей участью и желать других занятий и других преимуществ, для которых он может чувствовать себя наиболее подходящим, и во многих случаях так и есть; но если сохранятся нынешние тенденции, в результате чего лучшие из них достигают более высоких высот как необходимое следствие своих амбиций, среди работников будущего не останется сколько-нибудь значительного числа людей, обладающих достаточной врожденной способностью заниматься делами, требующими больших умственных усилий и физических навыков. Тогда класс будет отделен от класса реальными органическими различиями, и идея социального равенства, достаточно нелепая, какой она сейчас кажется большинству из нас, станет продемонстрированной абсурдностью, поскольку содержала невозможную идею о том, что непохожие вещи могут быть в то же время похожими.

Те, кто добивается Успеха, не всегда оказываются лучшими.

Мы не можем оставить этот вопрос о борьбе между одним индивидуумом и другим, не обратив внимания на момент, представляющий большой интерес и важность. Мы видели, что общество предоставляет способным представителям всех классов все больше возможностей для приобретения богатства и положения и стремится сформировать из этой способной части высший класс.

К сожалению, этот отбор проводится только по определенным признакам, и из этого не следует, что этот высший класс вызовет наше полное сочувствие и одобрение. В работах по биологии мы часто слышим о “выживании наиболее приспособленных”, и это выражение используется биологами в совершенно особом и техническом смысле. Это не обязательно означает, что всегда выживают самые активные или умные; на самом деле, это далеко не универсальное правило. Часто наиболее приспособленные малоподвижны и умственно инертны, как, например, когда ручная утка с бесполезными крыльями и крот с бесполезными глазами сохраняются, в то время как другие вымирают. В этих случаях крылья и глаза бесполезны, и, хотя животные, на которых смотрят сами по себе, кажутся менее совершенными, все же с учетом их окружения у них больше шансов, чем было бы, если бы их способности были более высокого порядка. Биологи используют термин “пригодный” просто в смысле “пригодный для того, чтобы преуспевать в мире”, и часто изначально неполноценные животные и люди “пригодны” именно в этом смысле этого термина.

Итак, те, кому предстоит сформировать этот высший класс или классы, о которых мы говорили, будут соответствовать техническому значению этого слова, поскольку они смогут наилучшим образом соответствовать условиям, необходимым для их продвижения, установленным обществом в целом. Будут ли эти подходящие формировать аристократию высоких заслуг или нет, будет зависеть от условий, которым они должны соответствовать, фактически это будет зависеть от отбора, который делает общество.

Не кажется ли вам, что нынешняя тенденция заключается скорее в том, чтобы дать преимущество человеку способному, напористому и дипломатичному; разве мы не выбираем людей с качествами, ценными в борьбе, качествами, которые все еще отдают когтями, в то время как мы пренебрегаем качествами, которые уже научились ценить как качества более высокого порядка? Следуя цепочке рассуждений, подобной этой, где нет средств получить определенные доказательства, можно опираться только на общие впечатления о жизни, которые было в нашей власти получить. Разве эти впечатления не заставляют нас поверить, что человек, который неизменно добивается наилучших результатов, - это тот, кто неустанно следует за своей собственной выгодой, у кого есть одна цель в жизни, которую он преследует независимо от всего остального; и что подобный образ жизни неизбежно предполагает эгоизм и пренебрежение к благополучию других? Мы видим вокруг себя так много людей с величайшими способностями, бескорыстных и незапятнанных одновременно, и все же они не преуспевают, а проходят мимо людей, которые, во многих отношениях стоя ниже их, обладают инстинктивной способностью детально следовать тому курсу, который быстрее всего ведет к успеху. Как часто мы не слышим о щедрости бедных и о том, как они помогают друг другу в нужде и болезни? Спрашиваем ли мы когда-нибудь себя, не правильнее ли было бы сказать, что *щедрый - это бедный*, что щедрость почти неизбежно подразумевает темперамент,

неподходящий для борьбы лицом к лицу, которую общество все чаще навязывает тем из своих граждан, кто стремится разбогатеть?

Следовательно, хотя мы можем полностью сочувствовать демократическим изменениям, о которых только что говорилось, и можем рассматривать их как неизбежную прелюдию к лучшему положению вещей, мы не должны закрывать глаза на их опасности и не должны обманываться, считая их способными сами по себе достичь очень желательных или окончательных результатов.

СНОСКА

[26] Обратитесь к “Дарвинизму и политике” профессора Д. Г. Ричи, 2-е издание, стр. vi., о вмешательстве собственности в естественный отбор.

ГЛАВА VII. СТЕРИЛЬНОСТЬ ЕМКОСТЕЙ.

В предыдущей главе мы видели, что в социальных сообществах борьба одного индивида с другим за богатство и власть не является честным и открытым соперничеством, но все они в той или иной степени ограничены окружающими условиями, отсутствием капитала, образования или влияния. Мы видели, что в последнее время всем предоставляются более равные шансы на успех, и в результате более способные и напористые постепенно стремятся сформировать новый высший класс и тем самым вытеснить из трудящихся классов всех тех, кто обладает качествами, на которые мы ссылались.

Являются ли Более Способные Относительно стерильными?

До сих пор мы рассматривали это как борьбу за богатство и положение и намеренно упускали из виду ее влияние на тех, кто придет после нас: это мы должны сейчас рассмотреть. При условии, что успешные и способные конкуренты дают в среднем равное количество детей на душу населения, как и неуспешные и менее способные, очевидно, что талант не будет ни увеличиваться, ни уменьшаться; он просто пройдет процесс отбора и, как правило, все больше и больше находит свое место в рядах аристократии. Если, однако, будет обнаружено, что успешные менее плодовиты по той или иной причине, то талант будет иметь тенденцию к уменьшению, а аристократия будет иметь тенденцию к сокращению рядом с более плодотворной демократией и, возможно, в конечном итоге исчезнет. Предполагая этот результат, мы, конечно, приходим к выводу, что браков между представителями самых разных классов будет сравнительно немного, и у нас есть основания предполагать, что так оно и будет, исходя из того факта, что классовые различия всегда были препятствием для свободных смешанных браков, даже когда эти классовые различия носили самый искусственный характер.

Если это так, то мы Размножаемся на основе наших Неспособных.

Итак, есть веские основания полагать, что карьера, необходимая для индивидуального успеха в жизненной борьбе современных обществ, сопряжена с относительным бесплодием и требует его; и если это так, мы должны признать очевидность того, что талант, так сказать, вытрачивается из нас, и что средние способности расы, следовательно, несомненно, должны ухудшаться. И в

то время как в животном мире те качества, которые определяют успех особи в жизненной битве, накладывают отпечаток на ее потомство, наша современная система влечет за собой как раз обратное. В животном мире пригодность приводит к жизни и размножению, а непригодность - к смерти и бесплодию; в то время как среди людей способные и успешные вознаграждаются почестями и богатством, но относительно бесплодны, и человек, которого общество склонно не замечать, вносит большой вклад в расу будущего.

Действительно, было бы трудно представить себе какой-либо план, более враждебный будущему расы или лучше разработанный для того, чтобы подорвать могущество нации, чем план постоянного изъятия у нее тех, кто обладает врожденными способностями, результат, который следует, когда лучших граждан вынуждают ради подарков и почестей отказаться от своего обязательства перед расой быть родителями многих детей. Такой план должен постоянно лишать нацию тех качеств, которыми больше всего восхищаются и которые, надо полагать, наиболее желательно сохранить. [27] Нация, долгое время подвергавшаяся такому обращению, может стать, подобно садовой плесени, с которой много лет собирали урожай, но ничего не добавляли взамен, почвой, достаточно плодородной для сорняков и ежевики, но неспособной выращивать какие-либо более отборные растения.

Если, таким образом, мы обнаружим, что наши более демократические взгляды на сегодняшний день имеют тенденцию приводить к такому результату, мы должны признать опасность, в которую мы попадаем, и посмотреть, нет ли пути спасения. Мы не можем не испытывать сильной симпатии к каждому плану, который стремится поместить круглого человека в круглую яму и максимально развить все способности, все добродетели, которые могут присутствовать в любой момент времени в социальном сообществе. Наше сочувствие к угнетенным и наши усилия по оказанию помощи тем, кто готов выполнять работу ради улучшения жизни, являются всего лишь выражением того факта, что мы живем и были жили вместе в обществе, потому что в нас есть способность любить и ценить любовь других. Это была бы действительно печальная история, если бы эта любовь никогда не проявлялась, возможно, неразумно, если бы она не подтолкнула нас к действию, которое, как мы впоследствии поймем, само по себе не является самым разумным.

Как уже говорилось, мы, естественно, в первую очередь рассматриваем своих собратьев и изучаем картину жизни вокруг нас; наша способность предсказывать будущее и результаты наших нынешних действий проявляется позже. Таким образом, наши политики в тех случаях, когда искренность не вызывает сомнений, нацелены на улучшение личности и приспособление в обществе индивидуальных способностей к подходящей профессии. Мало кто когда-либо задавал себе вопрос: каков будет результат моих нынешних действий для следующего рожденного поколения? Для этого есть все основания, поскольку до недавнего времени на эти вопросы не было ответов перед лицом нашего великого незнания основных фактов эволюции.

Способные и амбициозные мужчины женятся поздно в жизни.

Когда мы обратимся к жизненному опыту, обычному для большинства из нас, мы найдем, я думаю, довольно убедительные доказательства того, что окружающие условия определяют то, что, как правило, у способного и амбициозного человека меньше детей, чем у его собратьев. Давайте рассмотрим некоторые из этих фактов из общего опыта. Сельскохозяйственный рабочий, об интеллектуальной ценности образования которого я отнюдь не невысокого мнения, тем не менее получает это образование бесплатно. Выросший на ферме, он незаметно

впитывает из того, что видит вокруг себя, самые разнообразные крупицы информации, необходимые фермерскому работнику. Ручной труд, который он призван выполнять, предполагает наличие очень разнообразных, хотя и часто недооцениваемых навыков, но этот навык, как, впрочем, и все его образование, можно легко приобрести, и притом бесплатно, к двадцати годам. Тогда он способен получать максимальную заработную плату, поскольку достиг того периода жизни, когда он является полноценным работником на ферме, и в сорок лет он больше ничего не делает и не получает более высокой заработной платы. Теперь этой максимальной зарплаты, которую он способен получать в столь раннем возрасте, достаточно, чтобы содержать жену и семью. Вследствие такого положения вещей сельский житель обычно женится, когда ему немного за двадцать, и отдает предпочтение женщине постарше примерно своего возраста. Пара состоит в браке почти весь период вынашивания ребенка и рождает столько детей, сколько они, при обычном ходе природы, могут произвести. Во многом такого же рода утверждения применимы к ремесленнику низшего звена, рабочему на фабрике и т. Д. В этих случаях совершенное выполнение установленного распорядка своей специальной работы может быть достигнуто в очень раннем возрасте, и на всю оставшуюся жизнь дальнейшего продвижения не происходит. Ловкость рук, необходимая в большинстве этих профессий, действительно, лучше всего приобретается в молодости, и к двадцати годам или около того достигается полный уровень работоспособности, а взамен требуется полная заработная плата. Нужно ли нам удивляться плодовитости этих браков или толпам детей, которые можно увидеть на каждой улице, где проживают городские рабочие и ремесленники низшего звена. Так вот, справедливо или нет, но человек, который модно одевается, водит пером или прислуживает за прилавком, пользуется гораздо большим уважением, чем тот, кто занимается более мужественными занятиями - возделыванием земли или прокладкой дренажей. Как возникло это чувство, нам нет нужды обсуждать; оно есть, и оно привлекает из сельскохозяйственных и низших ремесленных классов более амбициозных и способных и превращает их в клерков и лавочников. Слегка увеличенное жалованье не превышает того, что требуется на новой должности, и расходуется на одежду, а также на те внешние приличия и удовольствия, которые ассоциируются с городской жизнью. Будущее, без сомнения, таит в себе возможности, поскольку клерк может подняться, а продавец в магазине сам стать мастером, и, имея в виду эти возможности, большинство склонно ждать с надеждой, многие наивно верят в свои силы и уверенность в конечном успехе. Брак, однако, - вещь очень серьезная, ибо, хотя сельскому работнику достаточно комфортно со своими пятнадцатью шиллингами в неделю, бесплатным коттеджем и т. Д., И жена привыкла к грубости, клерку приходится жениться на женщине, которая должна быть одета как леди и которая поставила ногу на ту лестницу, которая поражает всех, кто оказывается на ней, глупостью желая казаться стоящей на ступеньку выше той, на которой они на самом деле стоят. Следовательно, его средств совершенно недостаточно для вступления в брак, если только оно не сопряжено с дискомфортом и лишениями, и поэтому оно имеет тенденцию откладываться. Особенно это будет касаться тех, чей потенциал открывает более светлое будущее, и кто, естественно, будет колебаться, прежде чем подвергнуть это опасности, предприняв курс, который, мягко говоря, может усложнить проблему.

Следующим шагом мы подходим к профессиям, требующим длительной предварительной подготовки, и обнаруживаем, что время вступления в брак, возможно, переносится на более поздние годы жизни. Художнику требуются годы тщательной подготовки, прежде чем его работа сможет достичь уровня, имеющего рыночную ценность, и даже тогда его прогресс, как правило, задерживается, пока устанавливаются связи, и создается репутация. Фабриканту требуется

общее образование довольно продвинутого уровня, за которым должно последовать более или менее продолжительное знакомство со специальным бизнесом, которому он может быть посвящен, знакомство, которое со временем становится все более широким и ценным; ему часто приходится ждать вакансий, которые можно получить только после смерти тех, с кем он связан. Юрист и врач могут вступить в брак лишь сравнительно поздно в жизни, опять же благодаря требуемой от них длительной и специальной подготовке. Студент-медик должен продолжать свое обучение по крайней мере в течение пяти лет после окончания школы, а затем почти всегда продолжает в течение нескольких лет выступать в качестве ассистента или партнера, довольствуясь изучением практических аспектов своей профессии с небольшой денежной отдачей. Среди них самые амбициозные стремятся получить специальные знания в какой-нибудь небольшой отрасли, и здесь снова требуется более длительное обучение и годы терпения, пока их работа не получит достаточного признания, чтобы принести богатый урожай, к которому они в конечном итоге стремятся.

Много неженатых людей из высших слоев общества.

По этим причинам амбициозные восходящие мужчины боятся брака и возможности создания больших семей. Во многих случаях брак никогда не заключается, и в среднем и высшем классах полно мужчин и женщин, живущих одинокой жизнью, не внося своей доли в производство расы. Низшие классы, которым меньше мешает чувство благоразумия, наиболее свободно заключают браки, увеличивая тем самым относительную плодовитость своего класса. В то время как успех женщины из высших слоев общества, у которой есть несколько дочерей, которыми нужно распоряжаться, вошедший в поговорку, ненадежен, мы читаем, что в лондонском Ист-Энде каждая девушка из низших слоев общества может выйти замуж, и едва ли за одним исключением выходит замуж. [28] Те представители высших слоев общества, которые вообще вступают в брак, делают это, как уже отмечалось, в более поздний период. В подтверждение этого факта у нас есть не только заявления, сделанные ранее на основе повседневного опыта, но и статистическая информация из Сорок Девятого отчета о рождениях, смертях и браках, где мы можем найти средний возраст вступления в брак, указанный для различных профессий следующим образом:-

Средний возраст вступления в брак, 1884-85 годы.

Профессии.	Холостяки.	Старые девы.
Шахтеры	24·06	22·46
Текстильщики	24·38	23·43
Сапожники, портные	24·92	24·31
Ремесленники	25·35	23·70
Чернорабочие	25·56	23·66
Коммерческие служащие	26·25	24·43
Лавочники, приказчики	26·67	24·22
Фермеры и сыновья	29·23	26·91
Профессиональный и независимый класс	31·22	26·40

Изучив эту таблицу, мы увидим, что те, кто занимает, по мнению всего мира, высокое положение, вступают в брак в более преклонном возрасте, и это подразумевает снижение фертильности со стороны женщин. Исходя из общих наблюдений, мы должны ожидать, что молодые женщины будут более плодовитыми, и это подтверждается точными статистическими наблюдениями. Мэтьюз Дункан [29] приходит к выводу, что женщины, вступающие в брак в возрасте от двадцати до двадцати четырех лет, являются наиболее плодовитыми, и что единственный период, который вообще может соперничать с этим, - это пять лет от пятнадцати до девятнадцати включительно, и что женщины, вышедшие замуж позже двадцати четырех лет, явно менее плодовиты.

Браки низших классов наиболее плодовиты.

Жены представителей рабочего класса не только индивидуально производят на свет больше детей, чем жены представителей профессиональных классов, но и благодаря этим более ранним бракам поколения сменяют друг друга с большей скоростью. Чтобы понять, как быстро подобное небольшое преимущество сказывается на составе расы, мы на время предположим, что жена рабочего А выходит замуж в двадцать три года, а жена юриста Б - в двадцать шесть, и что у них одинаковое количество детей, в каждом случае по четверо. В случае А численность населения будет удваиваться, скажем примерно, каждые двадцать семь лет, а в случае В - каждые тридцать лет, отводя в каждом случае четыре года на рождение семьи. Как мы увидим из следующей таблицы, население, произведенное женой рабочего, Численность населения А через 270 лет составит 2048 человек, в то время как численность населения, произведенного на свет женой юриста В, будет вдвое меньше, а именно 1024 человека за тот же период. [30]

Численность населения.	Лет, необходимых для ее производства.	
	А	Б
4	27	30
5	54	60
6	81	90
32	108	120
64	135	150
128	162	180
256	189	210
512	216	240
1,024	243	270
2,048	270	300

Что касается мужчин, то также вероятно, что те, кто женится в тридцать лет, в целом будут отцами меньших семейств, чем те, кто женится в двадцать пять, даже если они вступят в брак с женщинами того же возраста. Однако я не могу привести надежных статистических данных по этому поводу.

Их детская смертность выше.

Следовательно, низшие классы кажутся более плодовитыми; они чаще вступают в брак, причем в более раннем и фертильном возрасте.

С другой стороны, следует сразу признать, что им удастся вырастить меньший процент своего потомства. Смертность среди младенцев и детей часто пугающе высока из-за невежества и пренебрежения со стороны родителей.

Таким образом, хотя низшие классы, несомненно, являются наиболее плодовитыми, неизвестно, насколько это уравновешивается более низкой смертностью, которая существует среди детей и молодежи высших классов.

Искусственное ограничение семьи.

Принято считать, что противовес неполон, и мы должны с тревогой рассматривать любые факторы, которые еще больше стремятся сделать средний и высший классы бесплодными по сравнению с низшими. Не может быть никаких сомнений в том, что в последнее время это происходит во все большей степени из-за умышленного уклонения родителей из среднего и высшего классов от исполнения родительских обязанностей в полном объеме. Несомненно, можно утверждать, что, в то время как во многих случаях забота об одном или двух детях может быть предпринята таким образом, чтобы обеспечить их тщательное воспитание и образованность, воспитание большой семьи было бы совершенно не по силам родителям и привело бы к их пренебрежению или лишению некоторых из тех преимуществ, которые, как мы уже видели, так необходимы в жизненной борьбе.

Как бы верно это ни было, и как бы мы ни сочувствовали желанию родителей сделать для своего отпрыска все возможное, также верно и то, что это важное средство, и, вероятно, одно из значительно возрастающих по важности, с помощью которого высший и средний классы становятся, условно говоря, бесплодными. Вероятно также, что это бесплодие будет в основном наблюдаться у тех, кто вступает в жизнь и ведет более длительную и трудную борьбу, и у кого, следовательно, больше всего причин избегать ненужных осложнений.

Плодовитость французских и английских браков контрастировала.

Мы можем очень ясно видеть на страницах современной истории катастрофические последствия, которые могут последовать за снижением рождаемости. В силу обычая, а впоследствии и законодательства, имущество во Франции делится поровну между детьми в семье; и вследствие этого, если бы в браке было много детей, это имущество делилось бы на все меньшие части, которых в конце концов оказалось бы недостаточно для обеспечения жизненных потребностей. Среди сельского населения бережливый фермер может жить и жениться на своей маленькой ферме, но половина фермы станет собственностью, на которой никто не сможет вести независимое существование.

Следовательно, необходимо, чтобы это имущество передавалось в нетронutom виде, и это может быть сделано, когда в среднем фермер доводит до зрелого возраста двух детей. Из них, в среднем, один будет мальчиком, а другой девочкой, так что при корректировке фермер А может женить свою дочь на фермере В и жениться на дочери фермера С своему собственному сыну. В данном случае сын фермера А получает за счет приданого своей жены то, что его семья

потеряла из-за замужества его сестры. В результате этого искусственного ограничения семьи население Франции остается неизменным, нет численного давления, и благодаря бережливости и заботе люди процветают и счастливы. Хотя, однако, это может быть удобно отдельным французским мужчинам и женщинам, это фатально для будущего французской расы, которая становится незначительной по численности и влиянию по сравнению с теми нациями, граждане которых более полно приняли на себя родительские обязанности. В этой связи интересно сравнить данные о рождениях, смертях и браках вместе с предполагаемой численностью населения Франции с данными о населении Соединенного Королевства, что можно сделать, обратившись к следующей таблице, взятой из таблиц 40 и 54 Пятьдесят четвертого ежегодного отчета о доходах Генерального секретаря.

[\[Версия таблицы для более узких экранов\]](#)

Численность населения, Браки, Рождения, Смерти.

Великобритания.					Франция.			
Год.	Население.	Доля на 1000 человек.			Численность населения.	Пропорция на 1000 человек.		
		Марта.	Bths.	Dths.		Марта.	Bths.	Dths.
1867	30,409,132	15·2	33·8	20·8	38,188,749	15·7	26·4	22·7
1871	31,555,694	15·4	33·7	21·5	36,544,067	14·4	22·6	24·81
1875	32,838,758	15·3	33·9	22·1	36,638,163	16·4	26·0	23·0
1879	34,302,557	13·8	33·3	20·5	37,365,544	15·1	25·0	22·5
1883	35,449,411	14·4	32·0	19·6	37,866,000	15·0	24·8	22·2
1887	36,598,235	13·5	30·7	19·0	38,320,000	14·5	23·5	22·0
1891	37,795,475	14·6	30·4	20·0	38,343,000	15·0	22·6	22·6

Мы видим, что с 1867 по 1891 год население Соединенного Королевства увеличилось на двадцать пять процентов, но население Франции осталось неизменным. Хотя коэффициент брачности — число лиц, состоящих в браке на 1000 человек населения — примерно одинаков в обеих странах, рождаемость составляет более пятидесяти процентов. превышает количество смертей в Соединенном Королевстве, в то время как во Франции они превышают норму лишь незначительно. Не подлежит сомнению, что в очень значительной степени именно из-за этой относительной стерильности Франция потерпела неудачу как колонизирующая держава. Французы всегда были полны предприимчивости и давно желали основать колонии, но в основном они были вытеснены англичанами. Колонизация для них была амбицией, идеей, но не необходимостью; для нас альтернативой были перенаселенность и нищета, с одной стороны, и массовая эмиграция - с другой. Можем ли мы удивляться, что британская необходимость взяла верх над французским тщеславием? Невозможно читать отчеты о борьбе между англичанами и французами в Северной Америке, предшествовавшей войне за независимость, без ощущения, что исход с самого начала был предрешен. Французы, захватившие пальму первенства в предприимчивости и исследованиях, тем не менее, быстро уступали численностью британским поселенцам, которые перебрались из своей перенаселенной страны на новую землю и

увеличивались там с огромной скоростью, население удвоилось за пятнадцать лет во многих районах.

Именно благодаря своей относительной плодовитости по сравнению с французами англоговорящая раса, поначалу малочисленный народ, теперь намного превзошла численностью своих гэльских соседей, заселила самые избранные части пригодного для жизни мира и образовала владения, рядом с которыми Франция уже превращается в маленькую и незначительную провинцию.

Возможное вытеснение Способных Неспособными.

Таким образом, здесь мы имеем демонстрацию последствий снижения фертильности группы людей, и, возвращаясь еще раз к рассмотрению относительного бесплодия высших классов в нашей собственной стране, мы не можем сомневаться, что, если нынешние тенденции сохранятся, мы и здесь обнаружим, что ряды тех, кто обладает качествами, подходящими для мирского успеха, будут все больше превосходить численностью те, кто в большей степени лишен этих качеств. Если мы склоняемся к созданию аристократии, обладающей врожденной ценностью, существует опасность того, что эти аристократии вымрут или, во всяком случае, что число способных людей, из которых они состоят, будет составлять постоянно уменьшающуюся численность всего сообщества.

Искусственные ограничения в настоящее время Наиболее губительны.

Можно действительно настаивать на том, что в тот или иной момент нынешний прирост населения должен прекратиться, поскольку по мере заселения новых стран должны быть, наконец, достигнуты пределы прожиточного минимума. Открытие Америки, Австралии и освоение обширных территорий в Африке и Азии на протяжении нескольких сотен лет позволяло некоторым европейским нациям увеличивать уровень рождаемости выше уровня смертности, и мы настолько привыкли к такому положению вещей, что не осознаем, что это исключение и что страны, как только они достигли стабильного состояния, позволяют поддерживать только определенное количество населения. Возросшая заботливость и знания в сельском хозяйстве могут со временем постепенно привести к небольшому увеличению числа жителей, но это действительно будет незначительно по сравнению с нынешним коэффициентом прироста.

Поэтому мы можем быть уверены, что рано или поздно нам придется снизить уровень рождаемости до уровня смертности, [31] но в настоящее время мы, конечно, не призваны делать это. Опыт многих людей с практическими знаниями показывает, что в настоящее время любой здоровый англичанин, достаточно способный, трудолюбивый и трезвомыслящий, сможет заработать на жизнь себе, жене и семье. Возможно, ему придется столкнуться с возможностью временного несчастья и даже катастрофы в случае болезни, но его шансы столь же высоки, а удобства, которые он может получить за свою зарплату, выше, чем у наемных работников в других странах. Следовательно, в настоящее время мы не призваны уменьшать население, которое благодаря своему увеличению получило возможность владеть значительной частью обитаемого мира и от будущего увеличения которого в значительной степени будет зависеть наша способность сохранить его; но мы призваны следить за тем, чтобы

это увеличение происходило за счет лучших, а не худших членов сообщества. Это будет самым пагубным не только для нашей Империи, сила которой в значительной мере зависит от количества наших граждан, но и для качества расы, если более благоразумные и способные будут выведены из сообщества и исключены из него. Они, по природе вещей, будут первыми, кто ограничит свою плодовитость, без сомнения, в своих индивидуальных интересах, но в ущерб расе в целом. Работа Мальтуса о народонаселении читается как современная книга. Его вклад в социальную сферу и его стимул к развитию биологической науки никогда нельзя недооценивать, но его пропаганда тех мер, которые обеспечивают относительную стерильность, таких как поздние браки и т.д., приведет к окончательному истреблению тех, кто последует его совету. Мир достанется на долю тех, кто произведет на свет больше всего потомства. Давайте будем уверены, что в нашей собственной стране это достанется не потомкам деградировавших, но что поколения, которые придут нам на смену, будут обладать теми качествами ума и тела, которыми мы больше всего восхищаемся среди наших собратьев и которые будут сохранены для расы только в том случае, если те, кто ими обладает, будут в полной мере выполнять свои материнские и отцовские обязанности.

СНОСКИ

[27] Здесь считается само собой разумеющимся, что успешные - лучшие. Однако, как было показано в предыдущей главе, в этом можно усомниться.

[28] “Труд и жизнь народа”, стр. 472, мисс Коллетт.

[29] “Плодовитость, зачатие и стерильность”, второе издание, глава xiv.

[30] Для простоты возраст, в котором мужчины вступают в брак, опущен; их включение сделало бы аргумент еще более убедительным.

[31] Смотрите весьма поучительную статью доктора Огла в Журнале Королевского статистического общества, июнь 1890г.

ГЛАВА VIII. ОБЯЗАННОСТИ РОДИТЕЛЯ.

Наш вывод, основанный на доказательствах, подробно описанных в предыдущих главах, заключался в том, что наша раса, рассматриваемая с физиологической точки зрения, не находится на пути совершенствования.

Я не считаю, что это паникерский взгляд на вопрос, хотя он указывает как на физическое, так и на интеллектуальное вырождение наших соотечественников. Это точка зрения, основанная на фактах и навязанная нам знаниями о нашем окружении, беспристрастно полученными в других областях. Тем не менее, все социальные проблемы чрезвычайно сложны, и не следует придавать слишком большого значения каким-либо индивидуальным усилиям по их оценке. Для всех практических целей будет достаточно, если к этим вопросам будет привлечено внимание и начато серьезное расследование.

Можно утверждать, что, в конце концов, высказанные опасения беспочвенны ввиду других непонятых фактов, и что человечество, предоставленное самому себе, будет существовать еще несколько тысяч лет, не внося существенных изменений в свои врожденные расовые качества. Но даже если это так, есть один момент, который четко выделяется в этом обсуждении; и по этому поводу не должно быть ни тени сомнения, поскольку в его истинности человечество обладает большим опытом. Она заключается в том, что мы можем улучшить нашу расу, приняв один-единственный адекватный способ - продолжать расу с помощью наших лучших и наиболее достойных штаммов. Мы можем быть так же уверены в своем результате, как садовник, который выпалывает сорняки и сажает хорошие семена и который знает, что благодаря тщательному отбору семян он может получить те растения, которые ему нужны. Человеческое животное меняется так же сильно, если не больше, чем собака или голубь, и не может быть сомнений в том, что точно так же, как путем отбора все разновидности собак и голубей были выведены из одного или двух первоначальных видов, так и человеческие расы могли быть выведены столь же отличными от нас, как акробат от лесного голубя или бульдог от старой сассекской гончей.

Готовы ли мы применять Выборочные методы?

Вот и все об экстремальных возможностях будущего, которые нам вряд ли нужно рассматривать; в настоящее время человечество было бы достаточно радо быть представленным мужчинами и женщинами нашего лучшего типа, здоровыми легкими, конечностями и мозгом, полными физической энергии и способными наслаждаться физическими упражнениями как для тела, так и для ума. Никто ни на минуту не может усомниться в том, что в результате отбора в Англии через сто лет среднестатистические мужчина и женщина будут так же хорошо одарены телом и умом, как лучшие из нас сегодня. В этом нет ничего особенного, поскольку этот мощный агент отбора сформировал высших животных и самого человека из низших форм и развил множество разновидностей структуры и облика, которые мы видим вокруг нас. В чем мы можем более обоснованно усомниться, так это в том, хватит ли у наших соотечественников разума и бескорыстия, чтобы осуществить это, посеять там, где другие пожнут, отвлечь свои мысли от преследования личных интересов и обратить свое внимание на курс действий, который даст свои результаты после того, как их личная жизнь закончится.

Права личности и обязанности перед обществом.

Но даже здесь перспективы кажутся обнадеживающими, поскольку нет более поразительного исторического факта, чем постепенное подчинение индивидуальных интересов интересам сообщества, которое продолжается уже много лет. Громкие призывы к защите личных прав уступают место растущему чувству долга и желанию отстаивать интересы других. В то время, когда трудящиеся классы имели слишком мало возможностей отстаивать свои претензии на справедливое обращение и должное внимание, чувство общественного долга, естественно, было не столь сильным. Мужчины и женщины боролись, и совершенно справедливо, за то, чего им несправедливо было отказано; ибо, хотя люди объединялись в сообщества ради личных интересов и самозащиты, богатство и его передача воздвигли барьеры между теми, кто ощущал свое равенство как мужчин, и кто возмущался социальной дисквалификацией, вероятно, из-за невезения их предков; в этих обстоятельствах люди больше думали и говорили о своих правах, чем о своих обязанностях.

Давным-давно, когда семья или клан составляли единое целое, право отца на детей и женщин было частью очень необходимой дисциплины, от которой, вероятно, зависело существование всех. Эти идеи вполне естественно сохранились, поскольку обычай держится с поразительной стойкостью, и мы наблюдали странное зрелище: дом, разделенный сам против себя, отец, цепляющийся за свои старые права, жена и дети, требующие новых. В качестве примера, иллюстрирующего, как долго женщина продолжала рассматриваться как часть собственности своего мужа, необходимо лишь напомнить тот факт, что только после принятия Закона о супружеских отношениях 1858 года для мужа, бросившего свою жену, стало невозможным вернуться к ней *изаконно* завладеть всем имуществом, которое она сама приобрела за время его ухода. То же самое и с нашими старыми представлениями о родительских правах, которые были настолько прочным средством выживания, что вплоть до 1891 года отец не мог лишиться их ни по контракту, ни по небрежению. До принятия в марте 1891 года Закона о внесении поправок в закон, касающийся опеки над детьми, мужчина, бросивший своих детей, мог впоследствии настаивать на их возвращении к нему, и, хотя он был нечестивцем во всех отношениях, он мог потребовать их от прихода или опекуна, который отвечал за их воспитание. Эти и многие другие несправедливости устранялись и устраняются, и следует помнить, что это было сделано не путем насильственного урегулирования, достигнутого численным перевесом, а благодаря силе общественного мнения и чувству справедливости всех классов и обоих полов. Права были даны, их не отняли; на стороне бедных были богатые мужчины, а поборниками независимости и продвижения женщин в значительной степени были сами мужчины. Это правда, что остается много ненужного неравенства и что мы относимся к определенным слоям общества самым нежелательным образом — посмотрите, как распутники пасутся вместе с несчастными или престарелыми нищими, — но сам факт, что справедливость пришла в результате выдвинутых требований и признана справедливой, а не на острие меча в открытом восстании многих против немногих, показывает, что как нации нам инстинктивно присуще чувство долга. Есть ощущение, что все, что правильно, в конечном итоге будет сделано, что так называемые несправедливости являются пережитками прошлых эпох, от которых должна произойти эмансипация, и что все, с чем нам приходится сталкиваться, — это правильный и необходимый консерватизм, который медленно и осторожно приспосабливается к меняющимся условиям вещей, цепляясь за то, что есть, потому что настоящее — лучшее, чего мы когда-либо достигли, и в то же время желая изменить это ради того, что, как у нас есть основания полагать, действительно будет лучше. При таком современном развитии чувства долга мы можем ожидать, что ко всем тем, кто действительно зависит от своих собственных действий, будут относиться серьезно, и их благополучие будет полностью гарантировано.

Права детей и наши обязательства перед ними.

Политическая агитация в прошлом была одной из самых мощных сил, благодаря движению которых мужчины и женщины получали компенсацию от своих недостатков, выдвигали свои собственные взгляды и вызвали сочувствие в своих собственных бедах. Но младенцы и дети, хотя и обеспечены наиболее эффективными средствами привлечения внимания к определенным своим личным желаниям, неспособны даже сформулировать жалобы, о которых они не осознают, и потомство, естественно, не имеет права голоса в определении хода наших нынешних действий, хотя само его существование зависит от этого.

Это уже частично осознано, и нет недостатка в тех, кто готов многим пожертвовать ради того, чтобы отстаивать дело тех, у кого нет средств доказать свои претензии на наше рассмотрение.

Уже четыре года назад общественное мнение выразилось в общественном правиле о том, что мужчина и женщина, зачиная ребенка, должны взять на себя обязательство и ответственность следить за тем, чтобы этот ребенок не подвергался жестокости и лишениям. [32] Это всего лишь один шаг вперед, чтобы сказать, что мужчина и женщина обязаны не производить детей, когда точно известно, что из-за недостатка физического развития им придется претерпевать страдания и вести лишь неравную борьбу со своими собратьями.

Наше чувство долга развивается.

Но наше чувство долга, точно так же, как оно росло в прошлом, способно развиваться и в будущем, и то, что это чувство разовьется, вероятно, исходя из того факта, что мы обязаны нашим ближним и предкам гораздо больше, чем мы осознаем в настоящее время. Мы обязаны другим не только своим существованием, но и большей частью наших потребностей, всей нашей роскошью, нашей интеллектуальной пищей, нашей музыкой, поэзией и языком. Нашим имуществом и даже нашими идеями мы обязаны тем миллионам людей, которые на протяжении бесчисленных поколений трудились во имя себя и нас. В одиночку мы могли бы добывать пропитание кореньями и моллюсками, но как граждане организованного государства у нас есть еда и одежда для легкой траты энергии, и мы можем приобрести, если постараться, многое из того, что можно назвать роскошью, но что на самом деле делает жизнь стоящей того, чтобы жить.

Этот долг, который мы в долгу перед теми, кто был до нас, мы можем вернуть только тем, кто придет после нас, и чувство долга будет расти по мере того, как мы будем лучше разбираться в широких фактах жизни и истории. Мы будем все больше готовы отказываться от наших удовольствий и предпринимать то, что может быть лично неприятно, ради других. Благо других было и будет все в большей степени тем, на что будет направлена наша энергия, и самое фундаментальное благо, которого мы можем достичь, - это то, что добавит органического совершенства расе.

Можем ли мы хоть на мгновение усомниться в том, что мужчины будут колебаться по поводу выполнения этих обязательств или проведут черту, за которую в своей бескорыстности они в конечном итоге не будут готовы перейти? История показывает, что человечество всегда готово пожертвовать собой, если будет доказана причина; что мужчины и женщины пойдут далеко за пределы своей преданности личным интересам, в своей преданности делу, герою, религии, идеалу. Если затем будет показано, что путем принесения в жертву индивидуума такая великая вещь, как расовое переустройство, может быть достигнута на определенных хорошо понятных принципах, тогда из того, что мы знаем о том, что есть в человечестве, это расовое переустройство, несомненно, будет осуществлено.

Социальные философы и социальные реформаторы.

Есть два класса людей — социальные философы и социальные реформаторы; первые обсуждают, что можно было бы сделать, вторые пытаются осуществить то, что возможно сделать. Нет ничего проще, чем сформулировать набор предложений, которые, будучи реализованными, привели бы к желаемым результатам; но как реформаторы (не философы) мы должны обсуждать только те предложения, к которым общественность была бы готова отнестись непредвзято и в конечном итоге действовать в соответствии с ними. Это правда, что это приблизит нас всего на один шаг к концу, но тщетность обсуждения дальнейших шагов, к

которым люди не готовы, достаточно часто демонстрировалась в социальных вопросах. В конце концов, мы не должны обсуждать эти вопросы абстрактно; они по самой своей сути связаны с качествами и природой среднестатистического гражданина, и мы должны подумать о том, что ему больше всего понравится. Он заседает в качестве судьи по этому делу; его нужно проинструктировать; учитывать его чувства и, возможно, тщеславие; если мы зайдем слишком далеко, он закроет дело, и может пройти много времени, прежде чем его можно будет рассмотреть снова.

Сегрегация пока практически невозможна.

Никто в здравом уме в настоящий момент не рискнул бы внести законопроект о сегрегации преступников и бродяг, поскольку мы не готовы к такой мере. Определенное число людей, без сомнения, решительно высказалось бы в его пользу, но они были бы в незначительном меньшинстве. В настоящее время сообщество в целом едва ли даже обсуждало свои обязательства как производителей расы, и выполнение этих обязательств могло последовать только за сильным ростом общественного мнения и общественной практики. Также задолго до того, как этот вопрос можно будет обсудить в практической форме, преступники и бродяги должны быть отделены от достойных бедных; вполне вероятно, что этот шаг понравился бы всем, действительно, по всей вероятности, нынешняя система продолжает существовать исключительно из-за широко распространенного незнания реального положения вещей. Наши рабочие дома и учреждения помощи бедным никогда не вызывали особого личного интереса; публика редко посещает их, которая никогда не осознавала скандального скопления самых отбросов человечества с респектабельными, но несчастными и престарелыми представителями рабочего класса, которое в наши дни преобладает. Как только с таким положением вещей будет покончено, как только общественность сможет увидеть класс отпетых преступников и бродяг в одиночку, она сможет справиться с этим на рациональной основе. Оно рассматривало бы его как безнадежно низший класс, которому нет места среди государственных служащих; класс, о котором нужно заботиться и которым нужно управлять, но увековечение которого из жалости к потомству должно быть предотвращено по долгу службы.

Сегрегация - не Новая идея, а, в конечном счете, Необходимая практика.

Идея сегрегации не нова, поскольку по призыву религии мужчина и женщина в большинстве стран и во все времена отделяли себя от своих братьев. Они отказывали себе в удовольствиях любви и застолья; они отказались от мирских амбиций и часто вели жизнь в полном одиночестве и горестных лишениях, чтобы выполнить то, что они считали высшим долгом. Веря в наступление каких-то внезапных перемен, в разрушение нынешнего положения вещей, они, естественно, мало думали и заботились о сохранении расы, которой вскоре суждено было вести исключительно духовное существование. Таким образом, получилось так, что миллионы самых вдумчивых и благородно мыслящих мужчин и женщин в прошлом совершили роковую ошибку, предоставив остальному человечеству продолжать гонку. Это была добровольная сегрегация, которая, должно быть, имела самые ужасные последствия для расы. То, о чем мы говорим, - это вынужденная сегрегация, которая устранила бы некоторые из его худших качеств.

Если бы была предложена такая сегрегация, противостоять ей было бы невозможно, кроме как с помощью предрассудков и той инерции, с которыми сталкивается каждое изменение. Если наше сострадание привлечено на сторону страдающих, оно должно быть использовано для

предотвращения появления на свет тех, кто обречен страдать. Родители в среднем производят на свет от четырех до пяти детей, а преступники и неспособные люди безрассудно относятся к состоянию своего потомства. “Входы и выходы” из наших рабочих домов находят там убежище; они живут организованной благотворительностью земли; у них нет физических и моральных сил прокормить себя; они могут уйти в любой момент и вернуть матерей и отцов детей, которые, как и они сами, должны одеваться и кормиться за счет чужого труда. Тем, кто не может прокормить себя из-за плохого физического состояния, болезни или умственной или моральной неполноценности, сообщество, тем не менее, разрешает выполнять родительские функции, которые по своей природе и сути подразумевают превышение власти над тем, что требуется для собственного самосохранения индивида.

Массы должны быть ознакомлены с основными фактами наследственности и эволюции.

В дополнение к нашим попыткам отделить достойных бедняков от преступных и бродячих классов, что должно быть сделано на основе обычной порядочности, можно с пользой приложить все усилия для дальнейшего ясного понимания действия отбора в общей эволюции, и в этом начинании нам помогут работники большинства наук; ибо везде вдумчивый человек рассматривает факты в своей области в этом новом свете.

Указывая на заметные расовые изменения, происходящие в результате действия отбора, который проявляется каждые десять лет в выведении какой-нибудь новой разновидности собаки или голубя и каждый год в выведении многих разновидностей цветковых растений, мы можем убедить непосвященных наглядной демонстрацией, которую они не могут отрицать. Они должны научиться смотреть на человечество как на органически связанное с другими животными, и им следует указать, что факты эволюции человека в основном подобны фактам общей эволюции и составляют лишь часть из них. Следует отметить, что во многих семьях, возможно, есть один или двое детей, воспитанных в таких же условиях, как и остальные, которые хрупки, с неуправляемым характером или имеют некоторые уродства. Они будут знать по опыту, что у этих детей, в свою очередь, будут дети, подобные им, и за этим неизбежно последует замечательная польза для расы, которая явится результатом отбора сильнейших духом и телом в качестве производителей расы. Тогда было бы возможно развить сильное общественное мнение против любых браков, заключенных явно болезненными людьми, поскольку страдания, которые могут быть причинены рождением болезненного потомства, могут быть обоснованно направлены против тех, кто в противном случае был бы готов удовлетворить свое удобство или личные пристрастия, и, возможно, в конечном итоге это могло бы привести к запрещению таких браков. Следует отметить, что темпераменты, моральные и умственные качества передаются так же верно, как и физические черты; что фактически все качества будущей расы будут зависеть от тех, которые сегодня сочетаются в родительстве. Из этого следует, что принятие на себя родительских обязанностей является величайшей из всех обязанностей, и каждый вполне может спросить себя, прежде чем взяться за это, станет ли мир лучше для кого-то из меня?

Цель брака.

Сегодня мы склонны проявлять осторожность перед вступлением в брак; мы очень хотим быть уверены в вопросе приданого, и можно услышать о частном расследовании денежных вопросов через семейного поверенного. Мы гордимся так называемым “рождением”, которое имеет очень фиктивную биологическую ценность, и много думаем о союзе с человеком из хорошей семьи. Таким образом, мужчины и женщины уже научились с осторожностью ступать по пути, ведущему к алтарю, и по большей части больше не дают полной воли чистому тщеславию и страсти. Поэтому мы готовы осмотреться, прежде чем совершить прыжок, но мы смотрим в неправильном направлении, избегаем неудобств и ввергаем себя в катастрофу. Причина этого в том, что мы лишь частично осведомлены о реальных целях жизни и не знаем пути, который ведет к конечному успеху при условии, что мы ему следуем.

Наши ложные представления о браке.

У нас есть инстинкты, возможно, в основном правильные, но мы слепо следуем им. Гордость за выдающихся предков вполне разумна, а желание продолжить семейное имя связано с тем похвальным эгоизмом, который заставляет каждую кошку предпочитать своих собственных котят любым другим. Однако эти естественные инстинкты до настоящего времени приводили нас к желанию богатства и положения для нашего потомства, а не к крепкому телосложению и умственной активности. Во многих случаях мы избегали того, что мы называем подходящими браками, бедности и неудобств, и все же, заключая эти браки, мы приносили в жертву органические возможности наших детей.

Поток жизни.

Самое поверхностное рассмотрение этого вопроса убедит нас в том, что органический поток жизни - это то, что из всех вещей является наиболее постоянным. Мы так склонны упускать из виду эфемерную природу положения в обществе и богатства. Мы забываем, что золото и серебро постоянно переходят из рук в руки, дома перестраиваются, старые достопримечательности разрушаются. Наши индивидуальные мысли и страсти возникают, а затем их больше нет; исчезают целые семьи, даже расы. И все же человек здесь сегодня, он пришел из далеких времен, и некоторые из нас в значительной степени отдадут свою кровь человечеству, поскольку он будет найден в будущие века. В этом потоке жизни пастух, который женится на здоровой, бережливой жене, имеет большее значение, чем император, который уничтожает шансы своего потомства, женившись на болезненной принцессе. Жизнь - это мозг и мускулы, богатство и положение - это нечто отдельное и второстепенное. В браке мы должны помнить о его цели, поскольку индивид живет только до тех пор, пока не воспроизведет себя; каждое поколение живет только для того, чтобы произвести на свет следующее. Если эти факты однажды будут широко поняты, не останется никаких сомнений в том, что они повлияют на действия мужчин в отношении брака, а с растущим чувством обязательств перед другими количество больных и слабоумных детей может уменьшиться.

При разумном выборе родителей в качестве производителей расы нам не нужно опасаться той заботы, которую современная цивилизация и профилактическая медицина оказывают индивидуумам. Если сообщество предпримет свой собственный отбор, мы сможем обойтись без отбирающего влияния микроорганизмов коклюша, скарлатины или туберкулеза. Наши лекарства и переваренная пища могут быть использованы с пользой, чтобы помочь

представителям сильного и энергичного племени пережить те опасности, которые должны постоянно их подстергать.

СНОСКА

[32] Закон о предотвращении жестокого обращения с детьми и лучшей защите детей от 26 августа 1889 г. и предыдущие акты.

ПРИЛОЖЕНИЕ.

В **Главе II.** мы видели, что многие из ценных и тщательно аргументированных результатов, полученных Вейсманом, сопровождаются множеством подробных предположений, основанных на чрезвычайно ограниченной фактической базе. Особенно в его более поздних произведениях читатель, который ищет факты и рассуждения, относящиеся к таким вопросам, как непередача приобретенных признаков, везде найдет обильную смесь со спекуляциями, касающимися механического процесса наследственности. В приложении я отважился кратко обрисовать это предположение Вейсмана и дать свою собственную оценку его ценности.

Вейсман не был первым, кто выдвинул или основал механическую теорию наследственности; сам Дарвин опубликовал теорию "пангенезиса", и это было, я полагаю, единственным предположением, в котором Дарвин когда-либо был повинен. Чтобы он мог представить себе с помощью материальных частиц взгляды, которых он придерживался на наследственность, Дарвин предположил, что в течение своей жизни каждая родительская клетка выделяет маленькие живые частицы — геммулы, — которые находят свой путь к генеративным клеткам и накапливаются в них, готовые развиться в следующем поколении в клетки, подобные тем, из которых они произошли. Эта теория была фактически сформулирована для поддержки тех случаев, когда Дарвин предполагал, что приобретенные признаки передаются, поскольку он говорит в одном из своих ответов на письма Хаксли: [33] "Я не сомневаюсь, что ваше суждение совершенно справедливо, и я постараюсь убедить себя не публиковать. Все это слишком умозрительно; и все же я думаю, что некоторую подобную точку зрения придется принять, когда я вспомню такие факты, как наследуемые последствия использования и неиспользования" и т.д. Согласно теории пангенезиса, геммулы, находящиеся в организме или соматических клетках, будут подвержены таким воздействиям, которые воздействуют на клетки, и естественным образом передадут любые изменения, которым они подверглись, потомству, которое они в конечном итоге создадут. Точка зрения Дарвина может быть графически представлена на [рис. 2](#). Со времен Дарвина большинство биологов стали сомневаться в наличии каких-либо доказательств того, что приобретенные признаки вообще передаются, и скорее склоняются рассматривать расовые изменения как полностью обусловленные врожденными вариациями, некоторые из которых имеют преимущество перед другими; сам Дарвин, как указал Хаксли, [34] придавал меньшее значение влиянию приобретенных привычек в своей более поздней, чем в своих более ранних работах. Следовательно, современные биологи склонны быть более дарвинистами, чем Дарвин, в том, что касается их неукоснительной приверженности действию избирательного влияния; но по необходимости они отвергают его теорию пангенезиса, которая была наглядным выражением сохраняющихся ламаркистских тенденций Дарвина. Позвольте мне дать некоторое представление о том, что неodarвинисты представляют себе как "процесс наследственности". Уже много лет известно,

что каждая клетка в организме, включая сперматозоиды и яйцеклетки, происходит от оплодотворенной яйцеклетки. Очевидно, что все эти клетки организма погибают, за исключением тех сперматозоидов и яйцеклеток, которые дают начало следующему поколению, и так далее. Таким образом, мы имеем непрерывную цепь реальной органической материи, связывающую каждую живую форму с теми, которые являются наиболее древними и отдаленными, и из этих цепей были как бы выброшены все так называемые живые особи, которые когда-либо существовали. Многие подчеркивали этот момент, Оуэн, Геккель и другие; но, возможно, следует отдать должное Фрэнсису Гальтону, который четко сформулировал это как факт, заслуживающий внимания, хотя подобные взгляды совсем недавно были популяризированы среди биологов восхитительным пером Вейсмана. “Непрерывность зародышевой плазмы”, название, под которым обычно известна эта точка зрения, выражает тот факт, что зародышевая субстанция продолжается по непрерывной линии из поколения в поколение; человек похож на своих родителей, потому что он развивается из подобной плазмы. Непрерывность зародышевой плазмы (*стирпайк* Гальтона), как и дарвиновский отбор, является фактом, а не теорией.

Рис. 2.

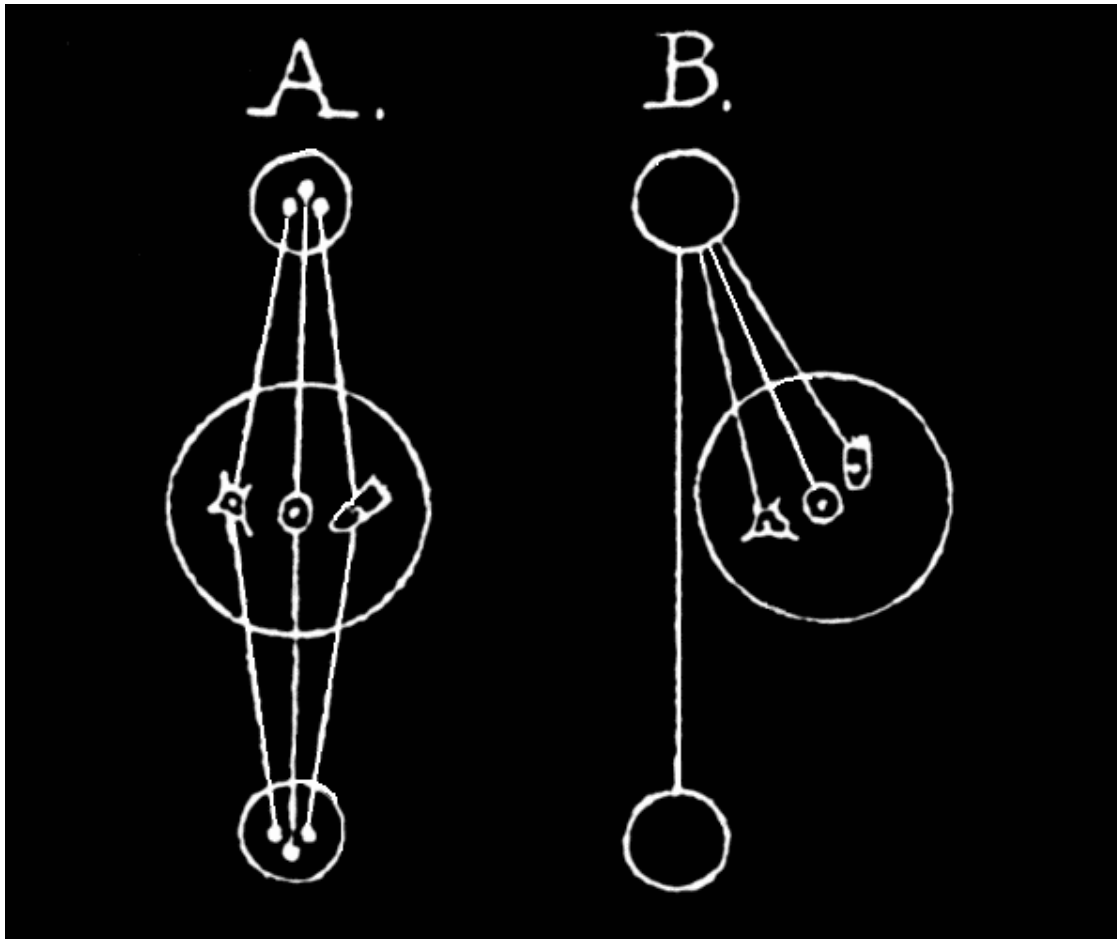

Диаграмма для иллюстрации: А - теория пангенезиса Дарвина; Б - непрерывность зародышевой плазмы. А. Яйцеклетка, полная геммул (представлены только три из них), развивается в особь, состоящую из клеток, три из которых показаны. Эти клетки выделяют геммулы, которые накапливаются и образуют вещество яйцеклетки следующего поколения. Можно видеть, как

любое изменение в них повлияет на геммулы, образованные клетками тела. В. Яйцеклетка дает начало, с одной стороны, клеткам тела, а с другой - веществу яйцеклетки следующего поколения. Изменение в соматических клетках не влияет на яйцеклетку.

Теперь, хотя фантазии Дарвина о пангенезисе заставляют верить, что последствия использования и неиспользования, действие болезней и увечий должны передаваться, непрерывность зародышевой плазмы в изолированных репродуктивных клетках родителей делает это крайне сомнительным. Фактически обнаруженные анатомические условия полностью согласуются с наблюдаемым отсутствием передачи приобретенных признаков.

Этот факт был коротко и точно изложен Гальтоном в 1875 году и Вейсманом в его “Исследованиях по теории происхождения”, опубликованных на английском языке в 1882 году. В 1883 году в своем эссе о жизни и смерти, [35] Вейсман рассматривал зародышевую плазму как субстанцию зародышевых или репродуктивных клеток, и на стр. 148 он определяет “зародыш” следующим образом: “Я бы предложил включить под этот термин каждую клетку, цитод или группу клеток, которые, хотя и не обладают структурой зрелой особи данного вида”. виды, обладающие способностью превращаться в него при определенных обстоятельствах”. До сих пор Вейсман был человеком фактов и придавал наблюдаемым фактам их истинное и полное значение. Однако с тех пор он размышлял о природе зародышевой плазмы. Для него она состоит из предельных живых частиц, которым он присваивает различные и специфические цели и группирует их по своему желанию, группа в группе, подобно гнездам в китайских шкатулках. Биофоры (задуманные им единицы) обладают способностью к росту и размножению — действительно щедрая уступка. Это группы химических молекул, находящиеся далеко за пределами возможностей микроскопа, и поэтому не могут быть исследованы нашими органами чувств; это концепции, а не восприятия. Эти биофоры расположены группами, называемыми детерминантами, по одному для каждой части взрослого организма, способной к вариации; группы детерминант называются “ids”, а группы ids называются “idants”, последний из которых виден в яйцеклетке в виде ярко окрашенного стержня из неясного вещества. В результате размножения, дифференциации и дезинтеграции этих различных групп формируется организм взрослого человека, и Вейсман готов объяснить каждый шаг.

Говоря в 1883 году о [36] о теории пангенезиса Дарвина, Вейсман замечает: “Мы теряемся в необоснованных гипотезах”. Я думаю, что это верная и допустимая критика, но я также думаю, что она в гораздо большей степени применима к теории зародышевой плазмы, разработанной самим Вейсманом. Можно отметить, что Дарвин придавал мало значения своей теории и извинялся за ее спекулятивный характер не только в письмах, на которые уже ссылались, но и в своей работе “Вариации растений и животных при одомашнивании”, где она представлена в единственной главе в конце большого труда объемом 800 страниц. Дарвин здесь говорит (том ii, стр. 349): “Я осознаю, что моя точка зрения - всего лишь предварительная гипотеза или умозрение; но до тех пор, пока не будет выдвинута лучшая, она будет служить для объединения множества фактов, которые в настоящее время остаются разрозненными по какой-либо эффективной причине”. Предположения Вейсмана, столь же необоснованные на самом деле, тем не менее рассматриваются им как достаточно важные, чтобы потребовать самой детальной проработки. Не думайте ни на мгновение, что я осуждаю использование фантастических или предварительных гипотез; мир продвигается по ступеням, как правило, разрушенным ступеням гипотез. Однако ценность гипотезы полностью зависит от того, сможем ли мы проверить ее экспериментально. Если она неосвязаема, то остается гипотезой, в то время как огромное

количество исследователей фактов продолжают создавать свои науки, и в их завершении она не принимает никакого участия. Мне кажется, пангенезис Дарвина не имеет никакой ценности как гипотеза, за исключением того, что это наглядный способ проиллюстрировать, как использование и неиспользование может передаваться по наследству. Этот последний вопрос может быть решен экспериментально; пангенезис был ментальной картиной, представшей перед мысленным взором Дарвина, и он отбросил ее, чего бы она ни стоила. На этой картине предполагалось, что геммулы переходят из клеток организма через кровь в репродуктивные клетки, и эксперименты, которые Гальтон, а впоследствии и Романес предприняли, чтобы опровергнуть пангенезис, показав, что определенные образцы крови не содержали геммул, и что, следовательно, пангенезиса не происходило, как мне кажется, демонстрируют недостаток понимания того факта, что Дарвин рассматривал эту теорию просто как временную ментальную картину, и ничего более.

Но Вейсманн излагает свои взгляды с самой трезвой серьезностью, разрабатывает детали своей теории и перестраивает свои концепции таким образом, чтобы его история могла соответствовать свежим открытиям в эмбриологии и сравнительной анатомии по мере их совершения. Наша критика сводится просто к тому, что гипотеза, будучи не более чем личной концепцией автора, не подлежит экспериментальной проверке и что автор всегда мог вырваться из цепких объятий опровержения. Более того, мы остаемся в той же трудности, с которой начали, поскольку, наделяя свои живые единицы функциями роста и размножения, которые должны включать саму наследственность, Вейсман переводит вопрос с животных и растений, которые мы можем видеть и с которыми можем обращаться, на частицы, совершенно недоступные нашему пониманию. Мы можем также указать, что нет никаких оснований предполагать, что живая материя состоит из маленьких частей, или личностей, молекул или групп молекул; эксперимент, на самом деле, сильно противоречит этому предположению. Давайте посмотрим, как человечество впервые пришло к идее о том, что материя состоит из маленьких частиц, как мы пришли к идее молекулы или атома. Эта идея древняя, и легко понять, как она приходила в голову мыслителям еще в первобытные времена. Большинство твердых веществ, таких как мел, песок и горные породы, а также жидкости и газы, при разрушении или разделении состоят из явно схожих частей. Если мы разломаем кусок писчего мела поперек, то каждый его фрагмент будет мелом — то есть он покажется нам белым и твердым, им будут писать на доске и т. д. Если мы продолжим разбивать его, у нас всегда будут более мелкие частицы мела, и никогда ничего другого. Таким образом, люди обобщили свой обычный опыт и пришли к идее, что все вещи состоят из маленьких частей или молекул. Анаксагор (70-я Олимпиада), исходя из опыта, подобного только что описанному, по всей вероятности, пришел к своей теории элементов (*homœomeriaæ*), рассматривая все вещи как состоящие из элементарных вещей одинаковой природы, плоть и кровь элементов из плоти и крови и т. д. Подобных взглядов придерживаются и по сей день, и они являются выражением того факта, что вы можете разбить большинство вещей на похожие, но более мелкие части. Цитируя "Свойства материи" Тейта, 1885, стр. 21, мы находим: "Но действительно экстраординарным фактом, уже известным в этой части нашего предмета, является, по-видимому, совершенное сходство и равенство любых двух частиц одного и того же вида газа, вероятно, каждого отдельного вида материи, когда она превращается в пар. Следовательно, из таких частей, делятся они далее или нет, каждый вид твердого или жидкого вещества должен рассматриваться как составленный." Следует отметить, что современные сделали бы различие, которого не делали древние; современный человек будет говорить о молекуле газа или раскаленного железа, но он

колеблется, прежде чем говорить о молекуле обычного твердого вещества при обычной температуре, и, конечно, если он мыслит точно, ему и в голову не придет говорить о молекуле дерева, плоти или кости. Если мы тщательно подготовим настолько совершенный деревянный цилиндр, насколько пожелаем, и разделим его на две равные части, они (в отличие от куска мела или железа) не будут одинаковыми; зернистость будет заметна невооруженным глазом. Микроскоп покажет, что древесина неоднородна в своих мельчайших частях; это то, что мы можем назвать “организованной”, структура которой меняется, когда мы перемещаем глаз на наименьшее расстояние от самого тонкого среза. То же самое относится к костям и мышцам; фактически, ко всем частям тела всех животных и растений. Таким образом, идея молекулы - это концепция конечной частицы вещества, к которой наше экспериментальное расщепление в реальном опыте частично свело ее, и которая никогда бы не пришла в голову древним, если бы самые обычные объекты природы, такие как пестрый мрамор или гранит, имели явно неоднородную структуру. Поэтому, когда мы переносим эту идею в область биологии, где тела не состоят из похожих частей, становится очевидным, что мы делаем это безосновательно, перед лицом нашего биологического опыта, и что мы бездумно принимаем физическую теорию газов и раскаленных твердых тел, не понимая фундамента, на котором покоится эта теория. Дело в том, что мы находимся в полном неведении относительно конечного строения любой живой материи; но, насколько позволяют микроскопические исследования, мы узнаем, что у нее есть непохожие — не похожие — части. Следовательно, наш опыт скорее противоречит вере в то, что будет обнаружено, что он состоит из первичных частей, каждая из которых выполняет функцию живой протоплазмы, биофоров или как бы их ни называли; и мы вспоминаем правило Клиффорда о том, что мы можем верить в то, что выходит за рамки нашего опыта, только когда это выводится из этого опыта предположением, что то, чего мы не знаем, похоже на то, что мы знаем. [37]

КОНЕЦ.

СНОСКИ

[33] “Жизнь и письма”, первое издание, том iii., стр. 44.

[34] “Жизнь и письма”, том ii., стр. 14.

[35] Эссе можно найти в первом томе; Английский перевод, 1889.

[36] Лекция о наследственности, указ. соч., стр. 77.

[37] “Лекции и эссе”, том ii., стр. 210.

Напечатано компанией Cowan & Co., Limited, Перт.

СЕРИЯ "ОБЩЕСТВОЗНАНИЕ". АЛАЯ ТКАНЬ, КАЖДАЯ 2 размера ПО 6 дюймов.

1. Работа и заработная плата. Профессор Дж. Э. Торольд Роджерс.

“Ничто из того, что пишет профессор Роджерс, не может не заинтересовать вдумчивых людей”.
—Athenæum.

2. Цивилизация: ее причина и лекарство. Эдвард Карпентер.

“Не мимолетная полемика, а постоянное владение”.—Шотландское обозрение.

3. Квинтэссенция социализма. Доктор Шефле.

“Именно такое руководство и требовалось. Краткое, ясное, справедливое и мудрое”. — Британский еженедельник.

4. Дарвинизм и политика. Д. Г. Ричи, магистр медицины (Оксон).

Новое издание с двумя дополнительными эссе об эволюции человека.

“Одна из самых наводящих на размышления книг, с которыми мы встречались”. — Литературный мир.

5. Религия социализма. Э. Белфорт Бакс.

6. Этика социализма. Э. Белфорт Бакс.

“Мистер Бакс, безусловно, самый способный из английских представителей социализма”. — Вестминстерское обозрение.

7. Вопрос о выпивке. Доктор Кейт Митчелл.

“Много интересного для размышлений”.—Графика.

8. Содействие всеобщему счастью. Проф. М. Макмиллан.

“Аргументированный отчет о самой передовой и просвещенной утилитарной доктрине в ясной и читаемой форме”. —Шотландец.

9. Идеал Англии и др. Эдвард Карпентер.

“Литературная сила их несомненна, свежесть стиля, юмор и энтузиазм”. — Pall Mall Gazette.

10. Социализм в Англии. Сидни Уэбб, бакалавр права

“Наилучший общий взгляд на предмет с современной социалистической стороны”.— Athenæum.

11. Принц Бисмарк и государственный социализм. У. Х. Доусон.

“Краткий, хорошо усвоенный обзор социального и экономического законодательства Германии с 1870 года”. -Субботнее обозрение.

12. Политическая справедливость Годвина (о собственности). Под редакцией Х. С. Солта.

“Показывает Годвина с лучшей стороны; с интересным и информативным вступлением”.— Glasgow Herald.

13. История Французской революции. Э. Бельфор Бакс.

“Заслуживающий доверия очерк”. —Шотландец.

14. Кооперативное содружество. Лоуренс Гронлунд.

“Независимое изложение социализма школы Маркса”. —Современное обозрение.

15. Эссе и выступления. Бернар Босанке, магистр медицины (Оксон).

“Должно быть в руках каждого изучающего дух девятнадцатого века”. —Эхо.

“Никто не может пожаловаться на то, что не может понять, что имеет в виду мистер Босанкет”. — Pall Mall Gazette.

16. Благотворительная организация. К. С. Лох, секретарь Общества благотворительных организаций.

“Прекрасное маленькое руководство”.—Атенеум.

“Заслуживает широкого распространения”.—Шотландец.

17. Статьи Торо против рабства и реформ. Под редакцией Х. С. Солта.

“Интересный сборник эссе”. —Литературный мир.

18. Самопомощь сто лет назад. Дж. Дж. Холиоук.

“Будет с большой пользой изучен всеми, кто заинтересован в улучшении положения бедных”. — Morning Post.

19. Исправительное учреждение штата Нью-Йорк в Эльмире. Александр Винтер. С предисловием Хэвлока Эллиса.

“Ценный вклад в литературу по пенологии”. — Черным по белому.

20. Здравый смысл в отношении женщин. Т. У. Хиггинсон.

“Замечательное собрание статей, отстаивающих в самом либеральном духе эмансипацию женщин”. —Woman's Herald.

21. Незаработанное приращение. У. Х. Доусон.

“Краткий, но всеобъемлющий том”.—Эхо.

22. Наша судьба. Лоуренс Гронлунд.

“Очень энергичная маленькая книжка, посвященная влиянию социализма на мораль и религию”.—Daily Chronicle.

23. Рабочее движение в Америке. Д-р Эдвард и Э. Маркс Эвелинг.

“Даст хорошее представление о состоянии рабочего класса в Америке и о различных организациях, которые они сформировали”. — Шотландский лидер.

24. Роскошь. Проф. Emile de Laveleye.

“Красноречивый призыв на моральных и экономических основаниях к простоте жизни”. — Академия.

25. Земля и работники. Преподобный К. У. Стаббс, магистр медицины

“Эту замечательную книгу следует распространять в каждой деревне страны”. — Manchester Guardian.

26. Эволюция собственности. Поль Лафарг.

“Окажется интересным и прибыльным для всех изучающих экономическую историю”. — Шотландец.

27. Преступность и ее причины. У. Дуглас Моррисон.

“Вряд ли может не предложить всем читателям несколько новых и содержательных размышлений на эту тему”. — Антиякобинский.

28. Принципы государственного вмешательства / Д. Г. Ричи, М.А.

“Интересный вклад в полемику о функциях государства”. — Glasgow Herald.

29. Немецкий социализм и Ф. Лассаль. У. Х. Доусон.

“В качестве биографической истории немецких социалистических движений этого столетия ее можно считать завершенной”. — Британский еженедельник.

30. Кошелек и совесть. Х. М. Томпсон, Б.А. (Кантаб.).

“Проявляет здравый смысл и справедливость в своих аргументах”. — Шотландец.

31. Происхождение собственности на землю. Fustel de Coulanges. Отредактировано с вводной главой об английском поместье профессором У. Дж. Эшли, магистром философии.

“Его взгляды четко изложены, и с ними стоит ознакомиться”. — Субботнее обозрение.

32. Английская республика. У. Дж. Линтон. Под редакцией Кинетона Паркса.

“Характеризуется той энергичной интеллектуальностью, которой была отмечена его долгая литературная и художественная деятельность”. — Glasgow Herald.

33. Кооперативное движение. Беатрис Поттер.

“Без сомнения, это самый талантливый и философский анализ кооперативного движения, который когда-либо проводился”. — Докладчик.

34. Гильдии соседей. Доктор Стэнтон Койт.

“Небольшая книга, наводящая на размышления любого, кто интересуется социальными вопросами”. — Pall Mall Gazette.

35. Современные гуманисты. Дж. М. Робертсон.

“Стиль мистера Робертсона превосходен — нет, даже блестящ, — и его чисто литературная критика несет на себе отпечаток большой проницательности”. — Times.

36. Перспективы с новой точки зрения. Э. Белфорт Бакс.

“Мистер Бакс - очень проницательный и опытный студент истории и экономики”.— Daily Chronicle.

37. Распространение кооперативных обществ. Dr. Luigi Pizzamiglio. Под редакцией Ф. Дж. Снелла.

“Доктор Пиззамильо собрал воедино и сгруппировал широкий спектр фактов и статистических данных, и они говорят сами за себя”.—Спикер.

38. Коллективизм и социализм. А. Наке. Под редакцией У. Хифорда.

“Замечательная критика известным французским политиком Нового социализма Маркса и Лассаля”. - Daily Chronicle.

39. Лондонская программа. Сидни Уэбб, бакалавр права

“Переполнен превосходными идеями”. —Антякобинец.

40. Современное государство. Поль Леруа Болье.

“Интереснейшая книга, достойная места в библиотеке каждого исследователя социальных проблем”. — N. B. Economist.

41. Условия труда. Генри Джордж.

“Написано с поразительным мастерством и, несомненно, привлечет внимание”. — Newcastle Chronicle.

42. Революционный дух, предшествовавший Французской революции.Феликс Рокуэн. С предисловием профессора Хаксли.

“Изучающий Французскую революцию найдет в ней превосходное введение в изучение этой катастрофы”. —Шотландец.

43. Маркс для студента. Эдвард Эвелинг, D.Sc.

“Один из самых практически полезных из всех в серии”.— Glasgow Herald.

44. Краткая история парламента. Б. К. Скоттоу, магистр медицины (Оксон).

“Очень тщательно и полно рассматривается эта сторона конституционной истории”. — Spectator.

45. Бедность: ее происхождение и исход / Ж. Г. Годар.

“Он излагает проблемы с большой силой и ясностью”. — N. B. Economist.

46. Торговая политика Имперской федерации. Морис Х. Херви.

“Интересный вклад в дискуссию”.—Циркуляр издателей.

47. На заре радикализма. Дж. Боулз Дейли, доктор права

“Формирует замечательную картину эпохи, возможно, более насыщенной политическими наставлениями, чем любая другая в мировой истории”. — Daily Telegraph.

48. Обездоленный иностранец в Великобритании. Арнольд Уайт; Монтегю Крэкенторп, К.К.; У. А. Макартур, М.П.; У. Х. Уилкинс и др.

“Много ценной информации по животрепещущему вопросу дня”. — Times.

49. Незаконнорожденность и влияние времен года на поведение. Альберт Леффингуэлл, доктор медицины

“Мы не часто видели более интересную работу, основанную на статистике”. — Вестминстерское обозрение.

50. Коммерческие кризисы девятнадцатого века. Х. М. Хайндман.

“Один из лучших и наиболее постоянно полезных томов Серии”. — Литературное мнение.

51. Государство и пенсии по старости. Дж. А. Спендер и Артур Экленд, член парламента

“Тщательное и осмотнительное изучение вопроса”. — Times.

52. Ошибочность экономии. Джон М. Робертсон.

“Призыв к реорганизации нашей социальной и промышленной системы”. — Докладчик.

53. Ирландский крестьянин. Аноним.

“Реальный вклад внимательного, терпеливого и беспристрастного исследователя в решение ирландской проблемы”. — Daily Chronicle.

54. Влияние машин на заработную плату. Профессор Дж. С. Николсон, D.Sc.

“Умело аргументировано, четко изложено, беспристрастно написано”. — Литературный мир.

55. Социальный горизонт. Аноним.

“Действительно замечательная маленькая книга, яркая, ясная и нетрадиционная”. — Daily Chronicle.

56. Социализм, утопический и научный. Фридрих Энгельс.

“Основная часть книги по—прежнему свежа и поразительна”. - Daily Chronicle.

57. Национализация земли. А. Р. Уоллес.

“Самое поучительное и убедительное из популярных произведений на эту тему”. — Национальный реформатор.

58. Этика ростовщичества и процентов. Преподобный У. Блиссар.

“Работа отличается подлинными способностями”. — северобританский агроном.

59. Эмансипация женщин. Адель Крепаз.

“Безусловно, это самая всеобъемлющая, яркая и проникновенная работа по этому вопросу, с которой я когда—либо встречался”. -*Выдержка из Preface.*

60. Вопрос на восемь часов. Джон М. Робертсон.

“Очень убедительный и продолжительный аргумент в пользу того, что в настоящее время является непопулярной стороной”. — Times.

61. Пьянство. Джордж Р. Уилсон, М.Б.

“Хорошо написано, тщательно аргументировано, без банальностей и полно здравого смысла”. — Национальный обозреватель.

62. Новая реформация. Рамсден Балмфорт.

“Яркое представление о зарождающейся религии, о том, как наилучшим образом реализовать личный и общественный идеал”. — Вестминстерское обозрение.

63. Сельскохозяйственный рабочий. Т. Э. Кеббель.

“Краткое изложение его должности с приложениями о заработной плате, образовании, земельных наделах и т.д., и т.п.”

64. Фердинанд Лассаль как социальный реформатор. Э. Бернштейн.

“Достойное дополнение к серии статей по общественным наукам”. — северобританский экономист.

65. Внешняя торговля Англии в XIX веке. А. Л. Боули.

“Полно ценной информации, тщательно собранной”. —Times.

66. Теория и политика охраны труда. Доктор Шефле.

“Попытка систематизировать консервативную программу реформ”.—Мужчина. Охранник.

67. История пионеров Рочдейла. Дж. Дж. Холиоук.

“Перенесен с 1844 года на конгресс в Рочдейле в 1892 году”. — Кооператив. Новости.

68. Права женщин. М. Острогорский.

“Замечательное хранилище прецедентов, удобно организованное”. — Daily Chron.

69. Жилища людей. Локк Уортингтон.

“Ценный вклад в решение одной из самых насущных проблем современности”. — Daily Chronicle.

70. Рабочее время, заработная плата и производство. Доктор Brentano.

“Отличается четкостью стиля профессора Brentano”. — Экономическое обозрение.

71. Расцвет современной демократии. Ш. Боржо.

“Очень полезный небольшой томик, характеризующийся точным исследованием”. — Daily Chronicle.

72. Наземные системы Австралазии. Wm. Epps.

“Чрезвычайно ценно в нынешнее время депрессии и трудностей”. — Шотландский журнал.

73. Тирания социализма. Ив Гийо. Предисловие Дж. Х. Леви.

“Месяе Гийо умен, оживлен, резок и интересен”. — Daily Chronicle.

74. Население и социальная система. Д-р Нит.

“Очень ценная работа итальянского экономиста”. — Вест. изд.

75. Лейбористский вопрос / Т. Г. Спайерс.

“Будет сочтен чрезвычайно полезным”. — Times.

76. Британские свободные женщины. Си Си Стоупс.

“Наиболее полное исследование вопроса избирательного права женщин”. — Английская женщина. Преподобный

77. Самоубийство и безумие. Доктор Дж. К. Страхан.

“Интересная монография, исчерпывающе посвященная этому предмету”. — Times.

78. История десятины. Преподобный Х. В. Кларк.

“Может быть рекомендовано всем, кто желает получить точное представление о предмете”. — D. Хроника.

79. Три месяца в мастерской П. Гере, под руководством проф. Эли.

“Яркая картина душевного состояния немецких рабочих”. — Манч. Гвардия.

80. Дарвинизм и расовый прогресс. Профессор Дж. Б. Хейкрафт.

“Интересная тема, поданная привлекательным образом”. — Glasgow Herald.

81. Местное налогообложение и финансы / Г. Х. Бланден.

82. Опасности для британской торговли / Э. Берджис.

83. Общественный договор. Ж. Ж. Руссо. Под редакцией Х. Дж. Тозера.

84. Труд на земле. Под редакцией Дж. А. Хобсона, магистра медицины

85. Моральная патология. Артур Э. Джайлс, доктор медицины, B.Sc.

86. Паразитизм, органический и социальный. Массарт и Вандервельде.

87. Земельные участки и мелкие владения / Дж. Л. Грин.

88. Деньги и их связь с ценами. Л. Л. Прайс.
89. Отрезвление по акту парламента. Ф. А. Маккензи.
90. Рабочие на своих производствах. Ф. У. Гальтон.
91. Революция и контрреволюция. Карл Маркс.
92. Перепроизводство и кризисы / К. Родбертус.
93. Местное самоуправление и государственная помощь. С. Дж. Чепмен.
94. Англо-американская торговля. С. Дж. Чепмен.

ДВОЙНЫЕ ТОМА, 3s. 6d.

1. Жизнь Роберта Оуэна. Ллойд Джонс.
2. Невозможность социал-демократии: вторая часть “Квинтэссенции социализма”. Доктор А. Шефле.
3. Положение рабочего класса в Англии в 1844 году. Фредерик Энгельс.
4. Принципы социальной экономики. Ив Гийо.
5. Social Peace. G. von Schultze-Gaevernitz.
6. Справочник по социализму/ У. Д. П. Блисс.
7. Социализм: его рост и итоги / У. Моррис и Э. Б. Бакс.
8. Экономические основы общества. А. Лориа.

SWAN SONNENSCHNEIN & CO., Лим., ЛОНДОН.
НЬЮ-ЙОРК: СЫНОВЬЯ ЧАРЛЬЗА СКРИБНЕРА.

Примечания переписчика

Номера некоторых страниц не отображаются из-за удаления пустых страниц.

Исправлены пунктуационные ошибки.

Непоследовательная расстановка переносов была сохранена.

Заглавные буквы заголовков разделов в содержании были приведены в соответствие с заглавными буквами в основном тексте.

За исключением следующих изменений, орфография сохранена в том виде, в каком она была напечатана в оригинале.

- В сноске [18] “и” заменено на “nd”.

- В № 68 рекламной серии социальных наук “Острогорский” заменено на “Острагорский”.
- В № 77 того же объявления “и” заменено на “anb”, а “интересное” заменено на “interestesting”.

Иллюстрация “Рис. 1” не была обозначена как таковая в оригинале.

В № 63 рекламной серии "Социальные науки" в оригинале отсутствует источник цитаты.

Переформатированная версия таблицы на [странице 63](#) для более узких экранов:

Клавиша

(1) 1858–60. (2) 1861–65. (3) 1866–70. (4) 1871–75. (5) 1876–80. (6) 1881–85. (7) 1886-90.

А: Чохотка и золотуха; В: Другие заболевания, вызываемые микроорганизмами; С: заболевания зубов, роды, судороги, несчастный случай и халатность; D: Некоторые конституциональные заболевания

ПРИЧИНА СМЕРТИ.	(1)	(2)	(3)	(4)	(5)	(6)	(7)
ГРУППА I.							
A	3304·0	3311·0	3300·2	2940·6	2816·8	2540·8	2322·2
Б [17]	4403·9	4498·6	4677·2	4055·8	3233·6	2708·8	2417·0
ГРУППА II.							
C	2257·0	2262·0	2191·0	2077·2	1860·4	1678·6	1538·0
ГРУППА III.							
D [18]	6056·3	6311·4	6594·6	7199	7536·4	7531·2	7929·4

[17] К ним относятся оспа, корь, скарлатина, простая и плохо определяемая лихорадка, коклюш, дифтерия, миазматические заболевания, холера, диарея, дизентерия, рожистое воспаление, послеродовая лихорадка и молочница.

[18] Заболевания нервной, кровеносной и дыхательной систем, рак, диабет и другие конституциональные заболевания.

[\[Вернуться на страницу 63\]](#)

Переформатированная версия таблицы на [странице 149](#) для более узких экранов:

Клавиша

Великобритания: Соединенное Королевство. ФР: Франция.

Численность населения, Браки, Рождения, Смерти.

Год.	Население.	Доля на 1000 человек.		
		Март.	Bths.	Dths.
1867 г. Великобритания	30,409,132	15·2	33·8	20·8

Год.		Население.	Доля на 1000 человек.		
			Март.	Bths.	Dths.
	Франков	38 188,749	15·7	26·4	22·7
1871 г.	Великобритания	31,555,694	15·4	33·7	21·5
	Франков	36,544,067	14·4	22·6	24·81
1875 г.	ВЕЛИКОБРИТАНИЯ	32,838,758	15·3	33·9	22·1
	Фр	36,638,163	16·4	26·0	23·0
1879	ВЕЛИКОБРИТАНИЯ	34,302,557	13·8	33·3	20·5
	Фр	37,365,544	15·1	25·0	22·5
1883	Великобритания	35,449,411	14·4	32·0	19·6
	Фр	37,866,000	15·0	24·8	22·2
1887	ВЕЛИКОБРИТАНИЯ	36,598,235	13·5	30·7	19·0
	Франков	38,320,000	14·5	23·5	22·0
1891	ВЕЛИКОБРИТАНИЯ	37,795,475	14·6	30·4	20·0
	Франков	38,343,000	15·0	22·6	22·6

[\[Вернуться на страницу 149\]](#)